

Татьяна Соломатина

Роддом.
Сериял

КЗАРЫ
1-13

Татьяна Юрьевна Соломатина

Роддом. Сериал. Кадры 1–13

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3937815

Соломатина Т. Ю. Роддом : Сериал. Кадры 1–13: Эксмо;

Москва; 2012

ISBN 978-5-699-57979-2

Аннотация

Роддом – это не просто место, где рождают детей. Это – целый мир со своими законами и правилами, иногда похожий на съемочную площадку комедийного сериала, а иногда – кровавого триллера, в котором обязательно будут жертвы. Зав. отделением Татьяна Георгиевна Мальцева – талантливый врач и просто красotka – на четвертом десятке пытается обрести личное счастье, разрываясь между молодым привлекательным интерном и циничным женатым начальником. Когда ревнуют врачи, мало не покажется!

Содержание

Кадр первый	4
Кадр второй	19
Кадр третий	38
Кадр четвёртый	52
Кадр пятый	67
Кадр шестой	93
Кадр седьмой	111
Кадр восьмой	130
Кадр девятый	164
Кадр десятый	202
Кадр одиннадцатый	238
Кадр двенадцатый	257
Кадр тринадцатый	274
2	313

Татьяна Соломатина

Роддом: Сериал.

Кадры 1–13

Кадр первый

Дурдом

Татьяна Георгиевна проснулась не в духе.

Дело в том, что если ты лёг спать ровно полчаса назад, то дух за это время – как раз только успел выбежать за дверь. Он же не знал, в конце концов, что именно в этот момент и постучат. Да ещё и войдут, не дожидаясь ответа.

– Ну что там ещё? – проворчала временно бездуховная Татьяна Георгиевна.

– В приёмный привезли роды на дому... Ну, то есть не совсем на дому... роды в автобусе, – почтительно прошептала молоденькая акушерка приёмного.

– Чтоб вам! Вызывайте ответственного дежурного врача.

– Так вы же ответственный дежурный врач.

– Тогда вызывайте первого дежурного врача!

– Вызвали. Он сказал, что роды в автобусе – это в обсервацию. И сказал звать вас.

– Тогда вызывайте второго дежурного врача!

– Так нет же второго дежурного врача, когда вы дежурите ответственным.

Заведующая обсервацией со стоном оторвалась от подушки. Дух вернулся. Шустрый, сволочь! Легла-то она, может, и полчаса назад, а вот уснуть смогла только пару минут как.

– Сейчас приду!

В приёмном покое на каталке лежала новоявленная мать, громогласно позёвывая. Санитарка приёма удерживала за грудки яростно матерящегося мужика.

– Вот, удрать хочет! – объяснила санитарка Татьяна Георгиевне, не выпуская мужчину из крепких натруженных рук.

– Переводите поступившую в родзал первого этажа, открывайте набор для осмотра родовых путей! – рявкнула ответственный дежурный врач. – Борисовна, да отпусти ты его уже! Мужчина, вы кто?

– Конь в пальто!.. Водитель автобуса я, – уже спокойнее добавил мужик. – Вот делай после этого людам добро! Я ж маршрут изменил, привёз! Я из-за этого без работы могу остаться, а эта ваша, раскудрить её... – он выразительно посмотрел в сторону санитарки.

– Степеннее, мужчина, степеннее. Кратенько и по порядку – как всё происходило?

– Да никак не происходило! Ехали себе, а потом вдруг в салоне кто-то как заорёт: «Врач есть?!» – и давай мне в кабину колотить. Народ галдит. Я остановился, полсалона сразу повыскакивало! Откуда я знаю – может, им недалеко! А я смотрю, одна там, – охает, пузо торчит, раскорячилась. Бог мой, думаю, во попал! Говорю пассажирам, тем, что остались, значит, мол, автобус дальше идёт напрямик в роддом. Желающие могут покинуть салон. Сидят, сердобольные. Понятно. На работе-то что делать, а тут веселуха такая. А мож, денег за билет жалко. Понятно же, что если кто останется – потом по маршруту развезу. Куда я денусь! Ну и вот... А вы – самые близкие, к вам и привёз... Ваши выбежали, а у неё уже ребёнок рядом на сиденье валяется! Я и так страху натерпелся... А эта ваша – адрес давай, фамилию! Дурдом, блин!

– Видишь, Борисовна? Мужчина – герой! Вы что, мужчина, не в курсе, что добрые дела безнаказанными не остаются? – улыбнулась Татьяна Георгиевна. – Идите уже, идите.

На столе приёмного зазвонил телефон.

– Что ещё?

– Не «что», а «кто». Вас срочно в родзал вызывают, Татьяна Георгиевна. Эта, которая из автобуса, ещё

одного родила.

В родзале, у столика с инструментами, мелко тряслась от беззвучного хохота первая акушерка. Вторая деловито обрабатывала новоявленного младенца. Белобрысенький пугливый интерн – такой, из мелькающих проходных, чьё имя запоминаешь с трудом, – торчал огородным пугалом посреди родильного зала и, узрев Татьяну Георгиевну, виновато заявил:

– Я ничего, я только окончатые зажимы в руки взял, даже к ней не приближался, а она...

– Отойди в сторонку, неуч!

Татьяна Георгиевна подошла к роженице и пощупала живот. Вопросительно посмотрела на первую акушерку смены.

– Ага! – кивнула та в ответ. – Сейчас ещё одного родит.

– А где первый?

– В детское отнесли.

Через полчаса всё было закончено, и вполне здоровая тройня вся рядом была уложена в детском. Бедолага интерн под руководством первой акушерки осматривал родовые пути, неумело гремя инструментами и демонстрируя на лице весь ментально-чувственный спектр. Татьяна Георгиевна села писать историю.

– Как её зовут? – крикнула она в родзал. – В приёме

не записали.

– Первый раз её звали Люда. Потом представилась Анжелой. Откуда – не помнит. Как в автобусе очутилась – тоже не помнит. Ничего про себя не помнит. Во всём остальном – вроде адекватная. Детям рада, – откликнулась первая акушерка смены.

– Да? А я-то как рада. – Татьяна Георгиевна вернулась в родильный зал. – Тебя как зовут? – обратилась она к родильнице. Та в ответ лишь улыбалась и мотала головой. – Ты где сейчас?

– В родильном доме! – радостно сияя, сообщила счастливая мамаша.

– А как сюда попала?

– Водитель автобуса привёз.

– А в автобусе как оказалась?

– Не помню.

– Сколько тебе лет?

– Не знаю.

– Где живёшь?

– Не... Не знаю!

– Муж у тебя есть?

– Не... не... не... Не помню!!! – девушка вдруг разрыдалась.

– Так, срочно вызывайте анестезиолога. И психиатра! И ментов! – рыкнула злая на всех и в основном на себя Татьяна Георгиевна. Ох, не зря Борисовна води-

теля задержать хотела! Теперь мороки не оберёшься.

– С ней всё в порядке?

– Как часы! Давненько я таких нормальных многоплодных родов не встречала. И троен вот таких вот, моноамниотических¹ монохориальных²... Плацента, что правда, такая сытная, нажористая... Оболочки целы, кровопотеря двести, родовые пути целы. – На гистологию послед отправьте обязательно!.. Интерн!

– Да, Татьяна Георгиевна?

– Сиди рядом с этой безымянной матерью-героиней все два часа. Разговаривай ласково. Вопросы наводящие задавай. Возможно, это реактивный психоз. С мужем поругалась, со свекровью, с мамой... Чёрт её знает!

Заведующая отправилась в свой кабинет и шлёпнулась в койку. Не отходить от станка сутки подряд, и что в благодарность? В шесть часов утра «роды на дому». То есть – в автобусе. Спать всё равно уже не придётся, но хоть в горизонтальном положении побыть...

Ровно через десять минут пришёл анестезиолог.

– Всё нормально, Тань... Никакой неврологии. Так что ей психиатр нужен. Я не знаю, что с ней.

– Запись в истории сделай! – проворчала Татьяна

¹ Один плодный пузырь на всех. Двойни и тройни возможны би- и триамниотические. С «персональными» плодными пузырями.

² Одна плацента.

Георгиевна, надеясь, что анестезиолог рассосётся в предрассветном мороке.

– Сделаю запись. Если ты мне сделаешь кофе. Я, между прочим, тоже...

– Заткнись! Сейчас сделаю. Тебе цианистого калия ложечку или две?

Татьяна Георгиевна встала и занялась кофеваркой. Благо она у неё была. Своя собственная. В конце концов, имеет право заведующая наблюдением отделением родильного дома на свою собственную кофеварку?!

До половины седьмого курили на ступеньках приёмного с анестезиологом. До семи курили на ступеньках приёмного с ментами.

В половине восьмого к приёму приехала психиатрическая «Скорая». За ней подрулил чёрный «БМВ». Из «Скорой» вышел спокойный врач. Из чёрного «БМВ» вывалился заполошный мужик. Огромный, как боксёр Валуев, санитар вывел из психиатрической «Скорой» скорбную лицом девицу с солидным животом.

– Ей нужна помощь!!! Помогите ей!!! – прыгал по приёмному покою мужик из «БМВ».

– Вызовите, будьте любезны, ответственного дежурного врача, – тихим голосом любезно попросил санитарку молодой врач-психиатр.

Девица сохраняла скорбное, обречённое и где-то

даже величавое выражение лица, с покорностью и ласковостью маленькой девочки держа санитаря за огромную ручищу.

Татьяна Георгиевна снова вышла в приёмный покой.

– Она наглоталась таблеток! Она хотела убить себя!!! Сделайте же хоть что-нибудь уже!!! – набросился, истошно голося, на акушера-гинеколога мужик из чёрного «БМВ». – Я подлец! Это она из-за меня!!! Я обращал на неё мало внимания!

– Пациентка приняла содержимое двух неопознанных баночек, – меланхолично сообщил врач-психиатр. – Мы сделали ей промывание желудка и отвезли в психиатрическую больницу. В психиатрической сказали, что с таким сроком беременности они её не примут, и потому мы привезли её вам.

– И с чем я, по-вашему, должна её госпитализировать?! – накинулась Татьяна Георгиевна на спокойного, как плитка гематогена, психиатра.

– А ни с чем. И не должны. Просто я её к вам привёз, – он обезоруживающе улыбнулся.

– Спасите!!! Спасите мою жену!!! – бился в панике БМВ-шный мужик.

– Зачем вы меня вызвали, Татьяна Георгиевна?! У женщины на руках нет обменной карты! Это к вам, в обсервацию! – явившийся в приём первый дежурный

врач подал возмущённую реплику, протирая заспанные глазки.

– Затем, чтобы не расслаблялись! – рявкнула заведующая обсервацией.

Огромный санитар излучал спокойствие сенбернара. Беременная сохраняла скорбно-величественное выражение лица.

– Прошу вас на кресло! – обратилась к ней Татьяна Георгиевна.

– Я не пойду на кресло. У меня всё в порядке. Нечего ко мне туда руками лишний раз лазить. ПДР³ ещё через две недели.

– Спасите!!! Спасите!!! Лена, Лена, прости меня!!! – упал перед скорбной Леной на колени муж.

– Ты больше так не будешь?! – строго спросила Лена своего мужика.

– Никогда!!! Никогда-никогда-никогда!!!

– Тогда поехали домой! – моментально бросила руку санитар-сенбернара беременная Лена и сменила скорбь на радость.

– Стоять! – затормозила её Татьяна Георгиевна. – Вы совершили попытку суицида. Так что – прошу на кресло! И вообще, мы вас госпитализируем! Надо понаблюдать за вашим состоянием и – особенно! – за состоянием плода!

³ ПДР – предполагаемая дата родов.

– И никакого не суицида! Я просто его напугать хотела – ободрала этикетки с двух баночек витаминов, а сами витамины спустила в унитаз. Во всём виноват он! – беременная гневно ткнула пальчиком в абсолютно уже белого мужика из всё ещё абсолютно чёрного «БМВ». – Я смотрела свой любимый сериал, а он сказал, что сейчас его мама к нам в гости придёт, и выключил телевизор. И что мне оставалось?

Татьяне Георгиевне захотелось порешить бабу собственноручно. Психиатрические товарищи сохраняли завидное спокойствие.

– Вам не хотелось её убить? – уточнила она у врача «Скорой», когда чёрный «БМВ» лихо газанув, увёз блаженную супругу.

– Нет.

– Но она же вам полночи нервы портила!

– Да уж лучше она, чем кого-то с делирием фиксировать. Смена-то всё равно идёт. Ясно было сразу, как белый день, что ничего такого она с собой не сотворила. И мужик у неё хороший, щедрый...

– Слушайте, к нам женщина поступила, ничего не помнит. В автобусе рожать начала. И ничего не помнит...

– В смысле – всё тут же забывает? Корсаков?⁴

⁴ Врач-психиатр имеет в виду патологию, известную как «синдром Корсакова». Синдром Корсакова – разновидность анамнестического син-

– Нет, после автобуса всё помнит. До – ничего. Даже имени не помнит. Наши – запоминает. Своего – не помнит.

– Не знаю... Реактивный психоз? Травматическая амнезия? Назначайте ей консультацию психиатра... Вызывайте ей консультацию психиатра, – тут же поправился эскулап из психиатрической «Скорой».

– Спасибо за совет, – скептически ухмыльнулась Татьяна Георгиевна.

После пятиминутки в двери кабинета постучалась молоденькая ординатор Светлана Борисовна.

– Татьяна Георгиевна, родильница Пыжикова из второго люкса сошла с ума. Постоянно шепчет своему ребёнку: «Моя нежная, моя сладкая!»

– Ну и что? Любит. Это иногда с женщинами случается – любить собственных детей.

– Да, но у неё мальчик!

– Светлана Борисовна, вам всё равно сегодня вызывать психиатра для безымянной родильницы из первой палаты, так пусть уж он заодно и во второй

драма, назван в честь русского психиатра Сергея Корсакова, впервые описавшего этот синдром. Основным признаком синдрома Корсакова является невозможность запоминать текущие события (фиксационная амнезия) при более-менее сохранной памяти на прошлое. Из-за этого возникает анамнестическая дезориентировка во времени, месте и окружающей действительности. Ещё один характерный симптом синдрома Корсакова – ложные и выдуманные воспоминания.

люкс, к Пыжиковой, заглянет. Раз вы так волнуетесь.

– А вы разве не волнуетесь?! – немного даже разгневанно обратилась к заведующей юная Светлана Борисовна.

– Ни капельки! Может, Пыжикова, как мать Хемингуэя, – девочку хотела?

К полудню в приёмный покой родильного дома заявился невменяемый от горя гражданин Петренко А.В. Через пять минут гражданин Петренко А.В. был невменяем от счастья. Потому что его беременная тройней жена обнаружилась живая и здоровая. И уже не беременная. В лучших традициях классической клинической психиатрии, узрев своего благоверного, она завопила:

– Саша! Саша!!! Я помню, как меня зовут! Меня зовут Женя, да?! Я помню, где мы живём и сколько мне лет! Саша, – вдруг погрузилась всё вспомнившая родильница Евгения Петренко, – я вчера попросила тебя купить мне торт. А ты сказал, что очень устал и не будешь никуда заезжать, потому что пробки и припарковаться негде и... И я очень обиделась и ушла из дому!

– Идиотка! – плакал Петренко А.В., обнимая жену. – Я куплю тебе торт! Я куплю тебе тысячу тортиков! Я куплю тебе все тортики в этом городе!!! Доктор, доктор, ей можно торт?!

– Да хоть дюжину. В том числе в клизме! Берите крем-овый. Без орехов. Ещё рекомендую разыскать водителя автобуса и вознаградить его. Желательно – материально! Номер маршрута и приметы уточните у санитарки Борисовны из вчерашней смены приёмного – у неё такая крепкая память на подобные детали, что любой опер от зависти протокол съест, – улыбнулась Татьяна Георгиевна. – К вашей жене сегодня придёт психиатр. Привезите ей паспорт, обменную карту и вещи. И зайдите в детское отделение, спросите неонатолога о детях.

– С ними всё в порядке?!

– Я – акушер-гинеколог. Поэтому я вам говорю: «Зайдите в детское...»!

– Доктор, что я пережил этой ночью!..

– К психиатру!

В три часа дня к Татьяне Георгиевне снова заглянула молоденькая Светлана Борисовна. Она была немного смущена.

– Что ещё у тебя?

– У Пыжиковой психиатр был. Она нормальная... «Нежной» и «сладкой» оказалась «сыночка»...

– Сыночек – он, сыночка – она. Всё в порядке. Ты довольна?

– Да. А безымянная, та, что оказалась Петренко, на вас пожаловалась. Психиатру. Сказала, что вы с аку-

шеркой – ненормальные. Называли её плаценту сытной и нажористой. И надо бы ещё проверить, что вы с теми плацентами делаете.

– Я в курсе. Она уже и ментам пожаловалась, мерзавка.

– И что менты?

– Рецепт «нажористого» борща с плацентой попросили... А что психиатр сказал по поводу Петренко?

– Написал ей в истории родов «реактивный психоз под вопросом». Назначил консультацию и наблюдение у психиатра после выписки. Вы будете сегодня делать обход?

– Разумеется!

В восемь часов вечера, когда Татьяна Георгиевна уже собиралась домой, к ней в кабинет влетела старшая акушерка отделения:

– Таня! Белобрысый интерн с ума сошёл! Присутствовал на позднем аборте. Плод пискнул, он его у акушерки вырвал и убежал с ним в подвал. Заперся в раздевалке. Нам не открывает. Иди!

– Думаешь, мне откроет? Хотя... если предложить ему на мне жениться и усыновить мёртвый плод, может, и сработает!

– Тань. У тебя всё в порядке?

– Абсолютно. Я сошла с ума, выбирая себе профессию. А поскольку это было давно, то уже не считается.

Пойдём выходить замуж за полоумного интерна. Как его зовут-то хоть?

– Серёженькой... Сергеем Ивановичем, – тут же поправилась акушерка.

– Ну ладно, Серёженька, так Серёженька, – вздохнула заведующая обсервацией и отправилась в подвал.

Кадр второй

Подвал

– Знаешь, я сразу заметила, что этот Сергей Иванович не от мира сего! Со всеми беременными по полчаса сидит, каждое шевеление обсуждает, на их языке разговаривает, как будто сам беременный. «Шевеленьице», «выделеньица», «пульсик», «давленьице», сколько «попикали», как утречком «пузожитель» себя чувствовал, как «сердечко», покажите «животик», когда «мазочек» сдали... Тошнотики, короче! Сюсюкает, как будто он не в родильном доме, а в яслях. С послеродовыми сидит, деткам в распашонках умиляется, складочки на чепчиках расправляет, мам про «писи» и «сиси» спрашивает, – докладывала Татьяне Георгиевне по дороге в подвал старшая акушерка отделения наблюдения Маргарита Андреевна.

– Марго, я не менее наблюдательна, чем ты! Я уже заметила этого субтильного блондина, как пить дать самозародившегося на форуме «овуляшечек». Всё собиралась начмедом попросить перевести его в патологию беременности, к Вовику поближе. – Старшая акушерка наблюдения прыснула. – Или в физиологию – от греха подальше. Но грех оказался провор-

ней меня, безгрешной.

Татьяна Георгиевна и Маргарита Андреевна подошли к бронированной двери раздевалки интернов.

В бытность самой Татьяны Георгиевны интерном эта дверь, ведущая в небольшое помещение в одном из дальних углов подвала, выглядела несколько иначе. Ободранная филёночная, запиравшаяся на очень условный замок. В принципе, «с ноги» можно было открыть. Или даже с руки, если рука – женская. Маленькая женская ручка вполне могла пролезть в дыру, расположенную снизу расхлябанной «личинки». Тогда раздевалка интернов была доступна всем и вся. Сантехнику, прячущемуся от справедливого возмездия санитарок. Анестезиологу с анестезистками, вздумавшими перекурить. Акушеркам, детским медсёстрам, санитаркам и, разумеется, самим интернам. Иногда в их и без того тесное помещение впахивали какую-нибудь коробку на «постоять». Из коробки тут же делали стол, за которым во время ночного дежурства можно было выпить кофе и перекурить, с жаром обсуждая детали клинических ситуаций, в которых ещё особенно не понимали, личную жизнь всего, что уже или пока шевелится, а также подробности вечной пьянки, что из скромности почему-то всегда зовётся «вчерашней». Металлических решёток тогда тоже ещё не было, но, что характерно, никогда ничего

не пропадало. Может быть, потому, что у соседа было всё точно такое же, как и у тебя. И сантехник с корочками ПТУ не претендовал на ботинки Василия Петровича Иванова, выпускника медицинского вуза. А вот лет пятнадцать назад, когда маска «равенства и братства» была окончательно сорвана, обнажив истинное бездуховное неравноправие всего сущего в этой стране, первым делом из хлипкой раздевалки интернов ушла норковая шуба какой-то девицы. Так что была установлена бронированная дверь. Да и сама раздевалка расширена за счёт примыкающей каморки. Интернов акушеров-гинекологов стало гораздо больше. В этом году, например, на клинической базе родного роддома Татьяны Георгиевны ошивалось человек двадцать бронеподростков. Против тех пяти, что были присланы для прохождения интернатуры в тот замшелый год, когда она сама только окончила медицинский. Всего лишь ещё институт, а вовсе не университет и не академию. Пятеро – включая её.

Сколько с тех пор околоплодных вод утекло – пару цистерн, наверное. Названия становились громче, одежды – богаче, а специалистов, владеющих ремеслом акушерства и гинекологии от и до, – всё меньше. Вот такой вот парадокс. Хотя почему парадокс? Тому, чему могут обучиться на клинической базе пятеро, никогда не обучатся два десятка. Антигегелевский

скачок, знаете ли. Ученик при лекаре должен быть один. И этот ученик должен хотеть учиться, пылать страстью к этому тяжёлому и кровавому – безо всяких там эвфемизмов – ремеслу. Жить им. Причём жить здесь – в роддоме. И обладать соответствующим характером. К ученику, если он дельный, прикипаешь, как к родне. Как к хорошему другу. Невозможно прикипеть к толпе. К безликой, бесхарактерной, безыдейной. Когда это такое было, чтобы заведующий не помнил, как зовут интерна, находящегося на базе его отделения? Никогда такого не было. А теперь – стало. Они, прежние, всей той пятёркой, действительно жили в клинике, зная всех и вся, ориентируясь в этих закоулках, как у себя дома. Они изучали снизу, с мелочей – где биксы с бельём и у кого мыло требовать, если в операционной закончилось. Корона с них не падала просить акушерку биомеханизмы родов в значимо-прикладных деталях повторять и повторять им, выпускникам медицинского вуза, чьи головы полны всего лишь теоретическими знаниями.

А эти? Ничего не умеют. Но это бы и не страшно – сами такими были. Но нынешние и учиться не хотят. А вот это уже пугает. Кому нужно это неблагодарное – не сразу благодарное – акушерство с бесконечными бессонными ночами? Тяжкое ремесло... Так что эти, нынешние, хотят сразу эндоскопией заниматься.

Причём – в гинекологии. Чтобы без лишних рисков. И без лишней крови. А кесарево пока кесарево и есть. Младенца, конечно же, можно извлечь через две маленькие аккуратненькие дырочки, введя в матку милые гибкие трубочки. Но только долго крошить на куски придётся. Искусственное прерывание на позднем сроке тоже то ещё удовольствие. Кому это надо? Лучше сидеть на аппарате УЗИ. Чистенько, и беременные довольны, что им «фотографию чада» выдали. Да и гинекология – нелёгкая стезя. Но почему-то юная поросль думает, что как только научится делать аборты – так сразу и озолотится. Ага, счёт в банке побезлимитнее приготовьте, как же! Во-первых, кто же вам аборты даст делать, пока есть заведующий, доцент Матвеев, начмед и ещё пара-тройка зубров? Гады, ах какие гады! Монополисты чёртовы! Но они эту «монополию» выстояли, выучили, заработали! Им никакие сроки и никакие загибы не страшны, потому что у них что? Руки! И головы... Мастерство ремесленников, помноженное на интеллект мыслителей. Им что бартолинит⁵, что операция Вертгейма⁶ – всё умеют,

⁵ *Бартолиниевая железа* (железа преддверия влагалища) – большая парная железа, расположенная в толще больших половых губ. Величина железы около полутора-двух сантиметров, её выводные протоки открываются в щелевидном пространстве между малыми половыми губами и девственной плевой. Бартолиниевы железы выделяют богатый белком секрет, увлажняющий вход во влагалище во время полового ак-

ни от чего носы не воротят. А интерн этот, блондинистый, понятия не имеет, что такое бартолиниевы железы, где они находятся... И смех, и грех. Врач, блин! Хотя, а ей какое дело? И чего она сама с собой разворчалась, как старуха на повышение цен?!

– Марго! Мне кажется, я старею! – выпалила Татьяна Георгиевна своей давней подруге, старшей акушерке отделения.

– Да ну! Стареет она! Отлично выглядишь, не свисти! – ответила Маргарита Андреевна, откликаясь как бы не на речи, а на ворчливые мысли своей заведующей. – Пришли.

Татьяна Георгиевна постучала в металлическую бронированную дверь.

– Уходите! – плаксиво раздалось оттуда.

– Сергей Иванович, откройте немедленно! – приказным тоном сказала заведующая обсервацией.

– Не открою!

– Прикажете бригаду МЧС вызывать, чтобы дверь

та. Может произойти закупорка сосудов выводных протоков, что приведёт к возникновению ретенционных кист. При их инфицировании и образуется бартолинит – воспаление и, как правило, абсцесс, требующий хирургического лечения.

⁶ Операция Вертгейма – названа по имени австрийского акушера-гинеколога Вертгейма (1864–1920 гг.) – хирургическая операция полного удаления матки с придатками, верхней третью влагалища, околоматочной клетчаткой и регионарными лимфатическими узлами. Применяется при раке шейки матки.

вскрывали? Я мигом. Только оплата их услуг из вашего кармана. Если я за каждого психически ненормального платить буду, мне никаких нетрудовых доходов не хватит, не то что зарплаты! Я не шучу! И скажите мне, какого дьявола вы там заперлись с мёртвым плодом?

– Это не плод, это ребёнок! – слышалось из-за двери. – И он не был мёртвым! Он пищал!

– Сергей Иванович, вы под дулом пистолета свою специальность выбирали?

– Папа хотел, чтобы я стал врачом! А я хотел быть дизайнером одежды... О боже! Он опять пищит!

– Не тискай труп, идиот! Это пищит твоё малахольное самолюбие. Или папино. – Маргарита Андреевна зашлась в беззвучном хохоте. Татьяна Георгиевна погрозила ей кулаком.

– Сергей Иванович, сколько вам лет?

– Двадцать три! – всхлипнуло в ответ.

– Так ещё не поздно это самое... дизайнером одежды. Самое оно, я бы сказала.

Старшая акушерка достала пачку сигарет и вытряхнула из неё две. Прикурила одну и протянула Татьяне Георгиевне. Заведующая затянулась и проговорила более ласково:

– Серёжа, откройте. Ну, ей-богу, что за детство такое! Подумайте сами, будущий дизайнер одежды,

можно сказать Дольче и Габбана...

– Я не могу!

– Сможете, Серёженька, сможете. Но только не здесь – не в каптёрке с мёртвым плодом на руках, понимаете, о чём я?

Замок щёлкнул. И прямо на грудь Татьяне Георгиевне бросился интерн, захлёбывающийся в рыданиях.

– Я думал... Я хотел... Это так жестоко!

– Ну-ну-ну! Ну-ну-ну! – заведующая погладила Сергея Иванович по спине, ощущая себя глупее не придумаешь, и тут же снова погрозила подруге тлеющей сигаретой. Чтобы та не вздумала расхохотаться. – Мы все думаем. Все хотим. И мир жесток, дорогой Сергей Иванович. Разве вы до двадцати трёх лет ещё не имели возможности познакомиться с этим неоспоримым фактом? Отдайте нам плод!

– Это ребёнок! – интерн с визгом отпрыгнул от Татьяны Георгиевны и бросился на стул, окунув лицо в ладони. – У него руки, и ноги, и голова, и он пискнул, когда родился!!!

– Это плод двадцати четырёх недель гестации, милый вы мой. – Татьяна Георгиевна затушила бычок в маленькой карманной пепельнице.

С некоторых пор в родильном доме курение было под категорическим запретом, равно как и курение в

подвале. Так что ржавые кастрюли и жестяные банки, некогда ещё встречавшиеся здесь, давным-давно были подвергнуты остракизму. Эстетики это подвалу не добавило, и количество бычков, валяющихся на полу, день ото дня множилось, вызывая неудовольствие санитарок, убирающих эту территорию. Ворча, они устанавливали новые ёмкости. Но неутомимый начмед каждое утро наказывал сметать с лица подвала «курительные станции». Так что к вечеру... Короче, было куда проще обзавестись мобильной пепельницей, чем участвовать в повышении уровня энтропии, неизбежно следующей за оздоровлением образа жизни медицинского персонала.

– Нет, не плод! – упрямо вскинулся Сергей Иванович.

Старшая акушерка снова рассмеялась. На сей раз в голос.

– Как вы можете смеяться!

– Ох, простите, Сергей Иванович. Я не над этим... Просто вы очень забавно выглядите.

– Скорее печально, Маргарита Андреевна. Печально выглядит наш юноша. Двадцать три уже, взрослый совсем. А нос опухший, сопливый. Глаза красные, как у кролика. Ну, отдавайте уже нам плод, дорогой мой. Мы обязаны отправить его на вскрытие, на патоморфологию и прочую гистологию. Наш святой

долг – его исследовать. Если плод пропадёт, то уже завтра в «Комсомольской правде» появится очередная «сенсационная» статья под названием: «Убийцы в зелёных пижамах разделяют детей на органы в больничных моргах!» Где он?

– Я... Я завернул его в свой пиджак. Я думал, что я его отогрею... Оживлю... А он... Он там, в моей тумбочке! – махнул рукой интерн.

– Надеюсь, хоть к груди не прикладывали? – опять не удержалась от короткого смешка старшая акушерка отделения.

– Зачем?! Зачем женщины это делают? – вскричал парнишка раненым экзальтированным зайчиком.

– Что именно, дорогой мой? – спокойно, чуть иронично, уточнила заведующая.

– Аборты! Зачем женщины делают аборты?!

– Аборты, Сергей Иванович, делают врачи.

– Да! Зачем вы с ними это делаете?!!

– Ох, Сергей Иванович, раз существуют поздние медицинские аборты, должен же их кто-то делать? После того, что неграмотные мужчины делают с неграмотными женщинами. И я не умение читать, как вы понимаете, имею в виду. – Татьяна Георгиевна замолчала и тяжело вздохнула. Маргарита Андреевна построила ей мину: «Ты чего?!» Заведующая махнула рукой и насмешливым тоном продолжила: – Возмож-

но, когда вы, Сергей Иванович, станете дизайнером одежды, придёт к вам клиент и захочет сшить себе трусы из кожи питона. И сошьёте, куда денетесь! Если вы, конечно же, станете востребованным дизайнером одежды.

– Что вы сравниваете! – театрально заломив руки, крикнул интерн.

– Действительно, Тань, сравнение неуместное, – ехидно вставила неумолимая Марго, доставая пиджак с завёрнутым в него плодом из шкафчика Сергея Ивановича. – Ему за трусы из кожи питона заплатят больше, чем ты за год получаешь. К тому же он может отказаться шить эти трусы, а к тебе в отделение если баба направлена – фиг ты откажешься... Пиджак, Сергей Иванович, в химчистку сдайте, не поленитесь. Хороший же, дорогой. Иди-знай, что у той бабы было!

– Я к нему не прикоснусь! Выкину!

– Чего это хорошую дорогую вещь выбрасывать?! – возмутилась рачительная старшая. – Правда выкинете?

– А вы думаете, я смогу его после этого носить?! – истерично воскликнул sentimentalный переросток. – И никакой он не дорогой. Ткань только. А шил я сам.

– Смотри-ка, ничего сшито... очень даже... – внимательно разглядывая пиджак, констатировала Мар-

гарита Андреевна. – Пожалуй, я себе заберу. Папаше своему отдам, у вас с ним один размерчик – он у меня такой же щупленький.

– Марго! – строго одёрнула её Татьяна Георгиевна.

– Забирайте! – выкрикнул интерн.

– Сергей Иванович, вставайте, – мягко обратилась к интерну заведующая. – Давайте, ножками, ножками... Идёмте, мы вас с Маргаритой Андреевной чаем напоим.

Одним чаем дело не обошлось. Пришлось вызывать анестезиолога с внутривенным релаксирующим коктейлем. А затем – звонить папе безутешного Сергея Ивановича. Чтобы забрал свою «нежную сладкую сыночку» домой.

– Иван... простите, как ваше отчество? – обратилась Татьяна Георгиевна к родителю, любезно препровождённому из приёма к ней в кабинет, где на её собственной койке посапывало, всхлипывая, великовозрастное недоразумение.

– Для вас, Татьяна, просто Иван! – расплылся в обольстительной улыбке папаша.

– Для вас – Татьяна Георгиевна, – надменно сказала уставшая заведующая. – Иван, – продолжила она более сдержанно, без металла в голосе, – медицина – не совсем подходящее занятие для вашего парня.

– Я знаю, что он тряпка! Но его покойная мать так

хотела, чтобы он стал врачом! Хотя он с детского сада только и делал, что рисовал всякие тряпки, шил всякие тряпки и наряжал в эти тряпки кукол, тряпка! Он даже себе одежду сам начал шить чуть не с пятого класса.

– Так отец хотел или мать? Что-то папа с сыном путаются в показаниях.

– Мать хотела. Ну и я. В память о ней. А этот придурок всё шьёт и шьёт. Полуобъём бедра, понимаешь!

– Что?

– Это я ему такую кличку недавно дал. Он загорелся идеей шить трусы. Вы, Татьяна Георгиевна, знаете о таком? О полуобъёме бедра? А как он виртуозно штопает даже самые дорогие брендовые тряпки – никто и с лупой не разберёт!

– Понятия не имею о полуобъёмах! Об объёме циркулирующей крови – пожалуйста. Швы по разным авторам умею накладывать. А о полуобъёме бедра – не слышала. – Она улыбнулась. – Мне искусство штопки только по живым тканям известно.

– А этот пришибленный знает. И, что характерно, – вы будете смеяться! – отличные трусы шьёт, поганец!

– Не буду смеяться. Трусы шить – тоже дар, между прочим. Ну и тем более, зачем тогда медицинский?

– То есть рождённый ползать летать всё-таки не может? – скептически усмехнулся Иван, так же похожий

на своего сына, как арабский жеребец на декоративного кролика.

– Кто для чего рождён и что ему с этим делать – дело деликатное. И уж точно – не наше с вами. А если и наше, то до тех самых годков пяти-шести. Дальше – не навреди. А я сыном, умеющим виртуозно штопать или трусы шить, гордилась бы! – Татьяна Георгиевна немного помолчала. – Иван, ваш сын сегодня пытался оживить плод от поздняка. Позднего аборта. Такого аборта, что обыватели именуют «искусственными родами». Это жестокая операция. Несложная, но жестокая. И «на выходе», извините за несколько неуместную терминологию, мы имеем вполне себе сформированный плод. Такой, что очень похож на новорождённого. Только меньше. Ручки у него, Иван, ножки, у такого плода. Личико... Чаще всего они рождаются уже мёртвыми, потому что мы убиваем их внутриутробно. Вы же понимаете, что тот, кто виртуозно штопает и шьёт трусы и поправляет на живых желанных младенцах чепчики, содрогнётся, увидав такое. Я уже не говорю о его неспособности хоть когда-нибудь выполнить такую операцию. Очень редко, Иван, такие плоды рождаются... не совсем мёртвыми. Они нежизнеспособны. И плюс-минус быстро умирают. Иногда акушеркам приходится кое-что предпринимать, чтобы не длить то, что люди привыкли называть страдани-

ем... Даже вы, Иван, слегка побледнели. А ваш сын сегодня заперся с подобным плодом в подвале. Когда мы его оттуда выманили, он ещё долго бился в рыданиях у меня в кабинете, обвиняя всех акушеров-гинекологов и меня лично во всех грехах и предсказывая адовы муки после смерти. Не обрекайте его на адовы муки ещё при жизни. Всё равно из него приличного врача не выйдет.

– Я его в терапию отправлю.

– Я не сказала, что из него не выйдет приличного акушера-гинеколога. Я сказала, что из него не выйдет приличного врача. В терапии тоже всякое случается, знаете ли... Я рапортую о случившемся начмеду, главному врачу и профессору, курирующему интернов. Если вам важно не то, кем будет ваш сын, а будет ли он вообще – разрешите ему заниматься тем, что ему по душе. Пока не поздно. Я вообще не понимаю, как он медицинский вуз окончил! Хотя так, как их теперь там учат... В общем, забирайте его отсюда для начала, – Татьяна Георгиевна кивнула на койку. – А дальше – дело ваше. В моём отделении его больше точно не будет.

– Татьяна Георгиевна, вы свободны сегодня вечером? – огорошил её папаша Сергея Ивановича. – Вы не замужем, я – вдовец...

– Откуда вы знаете, что я не замужем? Ах, ну да...

Времена меняются только в виде дверей.

– В смысле?

– В смысле снимите вашему чувствительному болтуну квартиру, купите хорошую швейную машинку, и пусть занимается, чем хочет... Судя по костюму, рубашке и ботинкам, деньги у вас на эти мероприятия найдутся. И сегодня вечером я занята. И завтра, на всякий случай, тоже. Я занята по вечерам на всю мою оставшуюся жизнь.

– Зря, Татьяна Георгиевна. Зря!

– Очень даже может быть. Но я не желаю проводить вечера с человеком, ломающим мой характер. Он у меня уже слишком установившийся, – усмехнулась заведующая. – Так что не обижайтесь, Иван. Ничего личного. Вы красивый мужчина и как только отселите сынишку и забудёте на его жизнь – толпы молодых девиц просто накинутся на вас.

– И всё-таки, если передумаете... – Иван протянул Татьяне Георгиевне визитку. Она отрицательно покачала головой. Он положил визитку на стол и, подхватив под руки пошатывающегося и всхлипывающего сынишку, отчалил.

В кабинет тут же заскочила старшая акушерка и цапнула со стола визитку:

– Иван Спиридонович Волков, генеральный директор ООО «Мандала».

– ООО... чего?! – прыснула Татьяна Георгиевна.

– Манда, блин, ла! Манда-ла-ла-ла! – подхватила Маргарита Андреевна.

– Господи, даже страшно предположить, за что его общество ограничено отвечает! – утирала выступившие от хохота слёзы заведующая обсервацией. – За чистые земли будд? За шерстяные ниточки для детского творчества, коим нынче увлекается иное бабьё? Это может быть что угодно! Алмазные диски для болгарок, например.

– А может, он торгует этими самыми... – зловеще начала старшая акушерка.

– Марго!

– Ла-ла-ла-ми торгует! В любом случае дядя видный. И машина у него – блеск! Какого ты отказалась?!

– Маргарита Андреевна, я не хочу иметь ничего общего с человеком, не понимающим собственного ребёнка. И вообще, чего ты лезешь в мою личную жизнь?

– Никуда я не лезу! У тебя личной жизни нет, так что лезть особенно некуда. Я бы этому гадёнышу, сынку его, ещё бы и по жопе выписала. Забыла, как он тут нам целый час лекцию слёзную читал? Убийцами называл, а?!

– Тут он прав. Поздний аборт – убийство.

– Ты что, даже на него не рассердилась?

– За что на него сердиться? Доктор на больных не обижается, – Татьяна Георгиевна улыбнулась.

– Ну, ты вообще... Чистый Будда.

– Ага. Сейчас, мандалу в душ свожу – и светиться начну.

– Ладно, я пошла. В хате жрать нечего, псина не выгуляна, Светка неизвестно где шляется. Ты домой?

– Что мне дома делать? Поздно уже. Тут останусь.

– Зря ты всё-таки отшила этого Ивана Спиридоновича. Можно подумать, они за тобой стадами ходят. Нет, ну, может, и ходят... На дежурный перепихон без отягчающих последствий!

– Маргарита Андреевна!

– Что Маргарита Андреевна?! Я сто лет уже Маргарита Андреевна! Где ты сейчас приличного мужика найдёшь? Ты же нигде и не бываешь толком.

– Марго, иди уже бога ради! Псину выгуливай, Светку ищи и жрать готовь. Я их вообще не понимаю, этих приличных мужиков. У меня же на лбу написано: «Не дам приличному мужику!»

– Ага. А снизу мелко и неразборчиво: «Но очень хочется...»

– А я-то, дура, думала, чего мне не хватает – только персональной сводницы!

– Что ты крысишься, а? Я ж любя.

– Знаю.

– Ладно. Друзья на мандалу не обижаются. И всё-таки зря!

– Маргоша, у меня климакс на носу, а ты мне о мужиках...

– Кстати, о климаксе! Я тут с этим... бледным нянем... чуть не забыла. Профессорша звонила, требовала, чтобы ты завтра на кафедральное явилась.

– Вот её мне только не хватало! Спасибо, Маргарита Андреевна. Иди уже...

Кадр третий

Климакс

– Кто бы сомневался, что Татьяна Георгиевна у нас такая шишка, что непременно опоздает на кафедральное заседание! В кои-то веки осчастливив нас своим присутствием! – с невыразимой злостью отозвалась профессор в ответ на вежливое: «Извините, Елизавета Петровна, у нас в отделении была ургентная ситуация». – Разумеется, никто, кроме Татьяны Георгиевны, не смог бы разобраться с ургентной ситуацией в отделении!

– Я – заведующая, – скромно резюмировала Татьяна Георгиевна, потупив ехидные глазки, и присела на свободный стул с краю стола.

За этим огромным столом сидели лаборанты, аспиранты, ассистенты, доценты, два молодых доктора наук и прочая публика, имевшая несчастье состоять на кафедре совместителями. Или не состоять, но являться соискателями учёной степени, как Татьяна Георгиевна. Последние вроде как и независимы от кафедры. Но, увы, не от капризов научного руководителя или консультанта.

– Людочка, открой окно! – скомандовала Елизавета

Петровна старшей лаборантке.

Шестидесятилетняя «Людочка» бросилась исполнять приказание сорокавосемилетней Елизаветы Петровны. Доцент Матвеев поплотнее закутался в синий байковый халат «для выхода». Дело в том, что за окном было минус пятнадцать, завывала утренняя сумеречная вьюга и температура в просторном кабинете профессора неуклонно стремилась к «ниже нуля». Сидящий невдалеке от окна аспирант смачно чихнул. И ещё чихнул. И ещё. Профессор уставилась на невинную жертву.

– Какого чёрта вы ходите на работу, если больны?

– Вы... Апчхи!.. Извините. Вы сами... Апчхи!.. Извините. Вы сами, Елизавета Петровна, сказали, что уважительной причиной неявки на кафедральное может являться только смерть! – выпалил он скороговоркой и снова расчихался.

– Людмила Николаевна, – нарочито вежливо обратился доцент Матвеев к старшей лаборантке, – сделайте мне горячего чаю, пожалуйста!

– Вам что, холодно, Юрий Владимирович? – с улыбкой анаконды поинтересовалась Елизавета Петровна.

– Нет, ну что вы! – прикинувшись маленькой, но ядовитой змейкой, парировал доцент. – Мне не просто холодно, мне холодно, как челюскинцам на льдине!

– Вам всем что? Тоже холодно?! – Елизавета Петровна обвела присутствующих взглядом голодного питона.

Но что мог позволить себе доцент Матвеев, то у простых смертных штатных кафедральных сотрудников, совместителей и соискателей и близко к речевым центрам не лежало.

– Нет-т-т-нет-т-т, нам-м-м т-т-теп-п-п-ло! – хором выбили они дробью.

Татьяна Георгиевна покосилась на Матвеева, мысленно похвалив себя за предусмотрительность. Перед тем как отправиться на пятый этаж в кабинет Елизаветы Петровны, она надела под пижаму термобельё. А сверху – халат. Белый, плотный. И второй сверху. Такой же, как и на доценте Матвееве, байковый синий «для выхода». А ещё – натянула на уши белую шапочку.

Доцент Матвеев кинул хитрый взгляд на Татьяну Георгиевну и демонстративно достал из кармана синего халата белую вязаную шапочку и белые шерстяные перчатки. Мол, не одна такая умная!

Старшая лаборантка поднесла ему чашку горячего чая, налитую из электрического самовара, стоящего на журнальном столике профессорского кабинета. Шумно прихлебнув, доцент Матвеев сообщил в пространство:

– Эх, на морозе кипяточку завсегда хорошо! – И ещё раз смачно сёрбнув для пущего эффекта, добавил: – Хоть и самовар у нас электрический и сами мы не вполне искренние! В соответствии с классиком сатиры!

– Юрий Владимирович, на этом балаган можно считать закрытым? – поинтересовалась Елизавета Петровна, обмахиваясь веером, рекламировавшим продукцию корейских производителей ультразвуковых аппаратов. – Я уже могу продолжить заседание кафедры? – Она обвела присутствующих не совсем вменяемым взглядом.

Присутствующие, представлявшие собой жалкое зрелище, согласно потрусили заиндевевшими головами. Цианоз кожных покровов заседателей нарастал. Один из ассистентов – Алексей Петрович – пошёл красными пятнами и покрылся контурированной сосудистой сеткой. У него была выраженная холодовая агглютинация.

– Итак, на повестке дня... Людочка, закройте окно, тут все такие неженки! – возмущённо воскликнула Елизавета Петровна. – Будем проводить кафедральное в духоте!

Шестидесятилетняя «Людочка» молча кинулась исполнять.

– На повестке дня несколько вопросов. Первый

касается организации и проведения международной конференции «Эндоскопия в акушерстве и гинекологии»...

Профессор долго говорила, изрыгая изо рта пар и интенсивно обмахиваясь веером. Щёки её алели, на лбу выступила испарина.

– Нет, не могу!.. Людочка, открой окно! Неужели вам всем не жарко?!! – крикнула она, чуть не плача.

На девочке-аспирантке, ближе всех сидевшей к открытому окну, только-только начал подтаивать сугроб, наметённый на шапочку.

– Нам всем не жарко! – радостно воскликнул доцент Матвеев.

– А вы, Юрий Владимирович, должны подготовить мне программный доклад к конференции! – взвизгнула Елизавета Петровна.

– Я уже давно никому ничего не должен! – холодно ответил доцент. – Людмила Николаевна, ещё, пожалуйста, кипяточку! – тут же нежно проворковал он лаборантке.

Все присутствующие жадно посмотрели на самовар.

– Мне эта конференция вообще до одного места! – заявил Юрий Владимирович вдогонку. – Особенно когда такие взносы. Я бы ещё понял, если бы конференция проходила в Бразилии. Но дома?.. Какие такие

блага и кому я должен оплачивать, внося непомерные суммы?!

– Из всех здесь присутствующих вы, Юрий Владимирович, больше всех и зарабатываете! А они, – обвела она веером аспирантов, ассистентов и соискателей, – уже внесли, между прочим!

– Их дело молодое, подневольное. У них мамы и папы есть на крайний случай. А я сам себе и мама и папа. У меня семья. Даже две. И даже три. А платить за то, чтобы выслушать, как вы плаваете в результатах моей работы, – увольте! – Доцент снова начал шумно прихлёбывать поданный ему старшей лаборанткой горячий чай, любовно обнимая шерстяными перчатками фарфоровую чашечку. – Так что не надейтесь на мой доклад. Я, разумеется, буду участвовать. Но только через вашу голову. И со своим докладом!

– Да что вы себе позволяете, Юрий Владимирович! – Веер замельтешил ещё безумнее, размазывая по пространству логотип корейского ультразвукового бренда. – Ладно! – внезапно успокоилась профессор. – Мы с тобой, Юра, потом поговорим, – завершила она почти ласково. – Людочка, закройте, пожалуйста, окно, – и вовсе уж трепетно обратилась Елизавета Петровна к старшей лаборантке.

Людмила Николаевна поднялась с кресла при жур-

нальном столике, запахнула меховую жилетку и пошла закрывать окно.

– Следующий вопрос – защита докторской нашего начмеда. Вам туда идти не обязательно, но мы должны скинуться на подарок от кафедры!

– А вдруг Семёна ещё и не защитится? – хохотнул неумолимый доцент Матвеев. – Вот вдруг возьмёт кто-то из членов специализированного диссертационного совета да и проголосует против? А если против будут единогласно? Я такой туфты, что вы нагнали в работу нашего прекрасного Семёна Ильича, ещё и близко не встречал! Какая там докторская?! Это даже на толковый реферат не тянет! Хотя о чём я тут...

– Юрий Владимирович!

– Да?! – с подобострастной готовностью изогнулся в сторону профессора доцент.

– У Семёна Ильича отличная диссертация. Вы же читали отзывы оппонентов!

– О да! И даже сам написал хвалебную рецензию. Разве я могу отказать старому другу и тем более начмеду?! Разве может быть что-нибудь важнее эко-биопсихосоциогеофакторов в развитии ранней презклампсии у менеджеров среднего звена? – доцент откровенно заржал.

– Не надо передёргивать, Юрий Владимирович!

– Да ну что вы! Это я ещё недодёргиваю!

– Юрий Владимирович, вас не ждут в операционной? – язвительно поинтересовалась Елизавета Петровна.

– Нет. Вы разве не в курсе, что сегодня в клинике неоперационный день, дорогая моя? Профессор обязан знать, что понедельник в нашей клинике – неоперационный день. Оперирующий профессор, разумеется, – скромно завершил он, театрально потупив глазки.

– Вы, Юрий Владимирович, слишком много себе позволяете! – зловеще начала Елизавета Петровна.

– Апчхи! Апчхи!! Апчхи!!! – не выдержал несчастный аспирант.

– Прекратить! – рявкнула профессор и швырнула веер на стол.

– Изви... Изви... Изви... АПЧХИ!!! – грохнул бедолага-аспирант так, что со стола слетели бумаги.

– Вон!!! И не вздумайте просто уйти!!! Идите в поликлинику, открывайте больничный!

– АПЧХИ!!! – заплакал аспирант, отползая к двери.

– Людочка! Откройте окно!.. Теперь вы, Татьяна Георгиевна! Когда вы уже напишете статью, я вас спрашиваю?! В родзале бабки заколачивать – это, конечно, хорошо, но в вашем немолодом уже возрасте давно пора бы дописать несчастную кандидатскую диссертацию!.. Людочка! Закройте окно!

Людмила Николаевна уже не отходила от рамы.

– В общем, так, – Елизавета Петровна расстегнула халат и воротник блузки. – Фуф! Жарко! В общем, так. Каждый сдаёт на участие в конференции, каждый сдаёт на подарок начмеду. Завучи клинических баз остаются, чтобы мы могли согласовать расписание занятий интернов. Кто остался за главного, пока Семён Ильич в командировке?!

Доцент Матвеев ткнул подбородком в Татьяну Георгиевну.

– Ну да, кто бы сомневался! – яростно шикнула профессорша. – Обо всех сложных случаях докладывать непосредственно мне, Татьяна Георгиевна.

– Зачем она будет вам докладывать?! – весело, талантливо изображая незамутнённое простодушие, уточнил Юрий Владимирович.

– Людочка! Сколько вам говорить? Откройте окно!

– Окно открыто, Елизавета Петровна, – спокойно ответила шестидесятилетняя «Людочка», завистливо косясь на шапочку и перчатки доцента Матвеева.

– Затем, что, когда нет начмеда, профессор курирует клинику! – выкрикнула в пространство профессор. – И когда есть начмед – профессор курирует клинику! А Татьяна Георгиевна себе слишком много позволяет!..

– Каждый позволяет себе ровно столько, сколько

может позволить, – философски-равнодушно заключил Юрий Владимирович.

Татьяна Георгиевна все силы тратила на то, чтобы не рассмеяться. Или не разозлиться. Профессор её жутко бесила. Но не так, как бесила Татьяна Георгиевна саму себя. За то, что за каким-то чёртом несколько лет назад запланировала кандидатскую! Оно ей надо было? Всё потому, что Семён Ильич всё зудел и зудел, что полным-полна клиника малолеток с учёными степенями. Ни черта не умеют, а кандидаты наук! А ты, мол, кто? Никаких регалий! Татьяна Георгиевна согласилась. Запланировалась. Научным руководителем её работы была Елизавета Петровна. Тема дурацкая. Наукой заниматься совершенно неохота. «Наукой» – правильнее в кавычки брать. Потому что есть наука, а есть «наука». Пляши теперь тут под дудку с малолетками. Не по рангу ей, Татьяне Георгиевне, тут сидеть и профессору поддакивать. А как Юрий Владимирович она не может. Он вообще один такой. Вот что она, заведующая отделением, уважаемый человек, делает тут, на этом глупом невразумительном фарсе, именуемом «заседание кафедры»? Елизавета Петровна, разумеется, профессор. И даже заведующая кафедрой акушерства и гинекологии. Одной из многих кафедр. Но ей-то, Татьяне Георгиевне, что с того? Матвеев – он хотя бы доцент. И во-

обще забавный. Он тут развлекается. А она тут что делает? В термобелье. У профессорши жестокий патологический климакс. Долгоиграющий. Летом она в самую жару проводила кафедральное, закутавшись в оренбургский пуховой платок. И та самая несчастная аспирантка, что не падает со стула только потому, что заледенела, летом грохнулась в обморок, получив тепловой удар в духоте, при закрытых окнах. Профессор изо всех сил строит из себя мать-командиршу. И есть, есть достойные профессора, умеющие и мозгами и руками. Эта – только языком. Умела. Теперь, как климаксом накрыло, совсем мышей не ловит. А уж как её терпеть не может начмед...

В дверь постучали.

– Что там ещё?! Людочка, посмотри!

Шестидесятилетняя «Людочка» покорно метнулась к двери. Там обнаружилась молоденькая санитарочка.

– Татьяну Георгиевну срочно требуют в приёмное отделение! – несмело пискнула она. И тут же зажмурилась на всякий случай.

– Передайте, что Татьяна Георгиевна занята! – протрубила Елизавета Петровна.

– Там кровотечение! – широко распахнув глаза от собственной ответственности и недоумённо поёжившись от холода, смело прошептала санитарочка.

– Лиза! Этот случай прямо-таки нуждается в твоей курации! – чуть не подпрыгнул доцент Матвеев.

Татьяна Георгиевна метнула на него гневный взгляд.

– И я! И я тоже с вами пойду! Доцент я, в конце концов, или кто вам тут?

– Хорошо! Все пойдём! – злобно просипела профессор. – Из-за того, что кафедральное прервано, следующее будет в конце недели, в пятницу!

– Не будет! – притворно сожалея, вздохнул доцент Матвеев. Он уже встал со стула и похлопывал себя по плечам. – Не будет, потому что все, кроме меня, Татьяны Георгиевны, Людмилы Николаевны и Елизаветы Петровны, полягут. Кто с ОРВИ, кто с бронхитом, а кто и с воспалением лёгких.

– Елизавета Петровна, – наконец нарушила своё молчание Татьяна Георгиевна, – ни в приёмном покое, ни в родильном отделении, ни в операционной окна открывать нельзя. Санэпидрежим... Ну, и зима.

Девочка-аспиранточка, ближе всех сидевшая к открытому окну, сползла со стула в наметённый сугроб и потеряла сознание.

– Людмила Николаевна! Полстакана крутого чёрного чая, полстакана коньяка, несколько ложек вашего фирменного малинового варенья. Влить в невинное дитя это «Сиянье глаз» – и, может, выживет! – отдал

приказание Юрий Владимирович. – Идёмте!

Доцент Матвеев, заведующая отделением обсервации Татьяна Георгиевна и профессор Елизавета Петровна прошествовали к лифту.

– Чёрт! Юрка, что, и правда сейчас не жарко? – жалобно спросила его багровеющая профессор, утирая бисерный пот, обильно выступивший на нижней губе.

– Не жарко, Лизонька, не жарко... Февраль.

– Топят, как ненормальные.

– Нет, топят очень скромно, Лиза.

– Юра, ну не может же климакс столько времени длиться! – чуть не плача, пожаловалась доценту грозная профессор. И обмахнулась прихваченным со стола веером.

– Елизавета Петровна, ты в приёме чувств лишишься, ей-богу. Иди обратно в кабинет.

– Да? – беззащитно посмотрела она на него.

– Да, Лиза, да.

Профессор кинула испепеляющий взгляд на Татьяну Георгиевну, вышедшую из лифта на первом этаже, доцент Матвеев подмигнул заведующей обсервацией и нажал на кнопку пятого. Двери захлопнулись, и лифт унёс профессора-недоразумение обратно наверх.

– Не дай бог вот так! – проворчала Татьяна Георгиевна себе под нос.

– Что, всех уже достала своим климаксом профес-

сорша? – сочувственно поинтересовалась старенькая санитарка приёмного.

– Ты-то откуда знаешь?

– Так с лета шальная, морда красная, орёт на всех. Лиза и в молодости не сахар была, но теперь совсем ополоумела. А всё почему? Потому что не любит её мужик, – вот почему. И не любил никогда!

– Ты, Савельевна, не слишком-то сплетничай. Любит – не любит... У меня вон вообще никакого мужика нет! – рассмеялась заведующая.

– И вы тронетесь, Татьяна Георгиевна. Вот увидите! Не потому, что у вас мужика нет – у вас-то он как раз имеется, – а потому, что... – санитарка запнулась, поняв, что и так наговорила непозволительно лишнего.

– Ну, спасибо тебе на добром слове... Так, что тут случилось?!

Кадр четвёртый

Кровотечение

Вот в родзале было действительно жарко. Особенно в поддетом под пижаму термобелье.

«Кровотечение» лежало на рахмановке, вокруг неё суетился Анатолий Витальевич с портативным УЗИ-аппаратом и молоденькая ординатор Светлана Борисовна Маковенко, вчерашний интерн, противная и въедливая, с обострённым чувством не только справедливости, но и собственной значимости. Но если что-то надо было срочно – могла достать даже мёртвого. Чтобы Толик появился здесь так быстро? Да ещё и с портативным аппаратом? Это пять! Молодец девочка!

– Совсем уже руками разучились работать и головами соображать! – ворчал Толик, водя датчиком по животу развалившейся на рахмановке рыхлой девицы. – Отрывают тут от дела!.. Где классическая акушерская школа?! Вы бы ещё как в «Докторе Хаусе» – сразу на магнитно-резонансную томографию всех отправляли. Чего уж там мелочиться!

– А это разве не ваше дело, Анатолий Витальевич, оперативная помощь в родильном зале?! – пискляво

возмущалась Светлана Борисовна. – У меня, кстати, есть сертификат по УЗИ-диагностике!

– Тебе сказать, как ты можешь использовать свой сертификат, или сама знаешь, где туалет?! Портативный аппарат я за свои приобретал и с муками на баланс ставил. А тут, в родзале, ты должна руками уметь, а не меня от работы отрывать! Ты видала, какая у меня очередь под кабинетом?!

– Ага! Вам бы только деньги с женщин сшибать! Это тоже ваша работа! – гневно ткнула она остреньким подбородочком в пациентку.

– Завидуйте молча, Светлана Борисовна! Подрастёте – тоже пару рублей сшибёте. А ещё лучше – замуж выходите скорее и дома сидите. Не то превратитесь в нашу Татьяну Георгиевну! Привет! – кивнул он вошедшей в родзал заведующей. – Бодрая у тебя пионерка, надоедливая. Какого хера меня позвала? И руками всё ясно было бы, Тань... Тут послед ущемившийся.

– Можно я?! – просительно заголосила Светлана Борисовна.

– Помыться можно. И рядом молча стоять можно! – процедила Татьяна Георгиевна, отправляясь мыть руки. – Позвоните анестезиологу, Светлана Борисовна!

Татьяна Георгиевна уже нырнула в поднесённый санитаркой фартук и стерильный халат, ловко

вскользнула в раскрытые второй акушеркой перчатки, обработала влагалище «кровотечения» дезинфекционным раствором и стала выполнять внутреннее акушерское исследование, когда в родильный зал влетел весёлый анестезиолог.

– Сильно не радуйся! Роды на дому, ущемление последа. Давай закись. И внутривенный.

– Обойдётся без внутривенного.

– Не обойдётся!

– А я на чём до следующего утра дотяну?! Вдруг что-то серьёзное привезут!

– Дотянешь, не прибебняйся! А это всё, по-твоему, – шутка, что ли?

– Не буду внутривенный делать.

– А я не буду ручное делать. Посидим, подождём? Через полчаса можно будет операционную разворачивать. Там ты одной ампулой не отделаешься.

– Звезда ты, Татьяна Георгиевна! Шантажистка дешёвая! – вздохнул анестезиолог и кивнул анестезистке. Та раскрыла чемодан и зазвенела ампулами.

– Давай табуретку! – скомандовала Татьяна Георгиевна акушерке.

Главная смены услужливо подсунула табурет. Заведующая села и начала работать.

– Когда родила? – обратилась она к Светлане Борисовне.

– Пару часов назад.

– Светлана Борисовна, «пару часов назад» – это где-то в Индии, да?

– Она точно не сказала, Татьяна Георгиевна.

– Счастливые часов не наблюдают! – веселился анестезиолог.

– Чёрт, плацента у неё дольчатая, как у коровы... Как бы не пришлось в операционную всё-таки...

– Тьфу-тьфу-тьфу! – Анестезиолог мотнул головой в сторону левого плеча.

– А мы Светлану Борисовну опять за Анатолием Витальевичем отправим. Пусть ещё раз УЗИ нам тут исполнит. И правда, не только блатных «беременяшек» ему целый день смотреть, сюсюкать да фоточками размахивать.

– Завидуйте молча, Татьяна Георгиевна! – загоготал анестезиолог. Но, тут же приняв серьёзный вид, мрачно заметил: – Херовато день начинается. Да и вся неделя. Сегодня же понедельник?

– Понедельник, понедельник. Не каркай, Аркадий Петрович!

– Ой, вы что, верите в эти приметы? – презрительно пропищала Светлана Борисовна. – Это же всё ерунда!

– Вы сколько лет работаете, Светочка? – ласково спросил молоденького врача анестезиолог.

– С интернатурой – три! – гордо ответила та.

– А я без интернатуры – тридцать.

Татьяна Георгиевна молча ухмыльнулась, не отрываясь от работы.

– Ну что, всё? – первая акушерка смены поглядела в лоток.

– Достань из набора большую акушерскую кюретку, – тихо сказала ей Татьяна Георгиевна.

– Тань, ты что! Это же послеродовая матка! – прошипела акушерка, гремя открываемым биксом.

– Я аккуратно, Лен. Меня Матвеев учил, не мельтешишь. Видит бог, не хочу я в операционную идти. – Заведующая взяла за ручку поданный инструмент и аккуратно начала работать.

– На послеродовых матках категорически нельзя работать большой акушерской кюреткой! – возмущённой всезнайкой-отличницей заголосила Светлана Борисовна.

– Вон из родзала, – тихо, не поднимая головы, сказала Татьяна Георгиевна.

Светлана Борисовна стояла, задрав вверх помытые руки, из глаз её покатались слёзы, а на лице застыло недоумённое выражение.

– Вы, Светочка, когда научитесь так руками работать, как Татьяна Георгиевна, тогда и выступать будете! – погладил девушку по спине Аркадий Петрович. –

А пока молча смотрите и учитесь! Не сейчас. В следующий раз. А сейчас лучше молча и покорно выйдите вон.

– Вон, вон из родзала, Света, – тишайше повторила Татьяна Георгиевна. – Вы где работаете, ординатор Маковенко? – она чуть повысила голос. – На первом этаже? Вот туда и отправляйтесь. Вы слишком шумите и мешаете мне слышать звук... И вообще, нервируете одним своим постным видом... Так, всё! – Заведующая извлекла инструмент из родовых путей и внимательно осмотрела содержимое лотка. – Окситоцин пока не колите. Матка хорошо сократилась?

Светлана Борисовна, всхлипывая, выбежала из родзала. Акушерка пощупала живот родильницы.

– Крепкая, как камень.

– Вот и хорошо. Сплюнь! Наблюдайте, как за любимой бабушкой.

– О-о-о!!! – заворчала дама на рахмановке, отходя от наркоза.

– Наташа, Наташа! Как себя чувствуешь?! – добрым дядюшкой заголосил над пациенткой анестезиолог.

– Аркадий Петрович, когда вы их имена узнавать успеваете?

– Имя пациента в анестезиологии и реаниматологии – самое оно! – значительно объявил Аркаша. – Собственное имя для человека – иногда единствен-

ная его связь с миром живых! – Он менторски поднял вверх указательный палец.

– О-о-о!!! Вася, Вася! – надрывно проголосила одурманенная пациентка.

– Я здесь, любимая! – любовно ущипнул за щеку неизвестную ему Наташу Аркадий Петрович. – Сосудистые реакции в норме.

– Вася, где наш маленький?!

– С нашим маленьким всё хорошо, любимая! – уверенно продолжал декламировать анестезиолог. – Кстати, а где наш маленький? – прошептал он, поворачиваясь к акушерской бригаде.

Первая акушерка смены вопросительно посмотрела на Татьяну Георгиевну. Та пожала плечами. Впрочем, тут же наказала второй акушерке:

– Позвоните детским!

Та пулей выскочила из родильного зала. Телефонный аппарат находился на столе, в коридоре.

– Вася, всё хорошо? – томно пропела родильница.

– Давление? – уточнил Аркадий Петрович у анестезистки.

– И давление и пульс – всё в норме.

– Наташа, я не Вася. Я – Аркадий Петрович, анестезиолог! Наташа, сколько тебе лет?

– Двадцать во-о-осемь! – пропела Наташа и попыталась дрыгнуть ногой.

– Наташа, не дёргайся! Наташа, какой сейчас месяц?!

– Февра-а-а-аль! – продолжила вокализ пациентка.

– Он! – обрадовался Аркадий Петрович. – Налить чернил и выпить. Рыдать над февралём навзрыд!

– Ваш с Наташей маленький, Аркадий Петрович, в детском отделении обсервации! С ним всё в порядке, – не отказала себе в шутливой малости вернувшаяся вторая акушерка родзала.

– А где Вася? – поинтересовался анестезиолог.

– Ва-а-а-ся, Ва-а-а-ся! – снова-здорово затынула родильница Наташа.

– Кто такой Вася, Наташа?! – строго спросила у очухивающейся пациентки первая акушерка смены.

– Вася – мой муж. Он очень хороший человек! – уже более осмысленно сказала приходящая в себя Наташа. – Мы с подругой два года назад приехали в Москву. Нам было негде жить. Мы познакомились с Васей. У Васи была двухкомнатная «хрущёвка», и он нас позвал к себе. Я тогда была беременная, ещё из Подольска. А Вася записал моего ребёнка на себя. И мы с ним стали жить гражданским браком. А ещё через полгода Вася на мне женился. Подруга жила с нами. Вася и подругу жалел. Через год она от Васи родила. И так у нас троих стало двое маленьких детей. А потом и я от Васи забеременела. Я не собиралась дома

рожать. Я даже попыталась стать на учёт в женскую консультацию!..

– Мормон ёбаный... – прокомментировал анестезиолог. – Слышь, Георгиевна, что-то наша Наташа слишком стала шевелиться! Девки, тащите каталку! – громогласно распорядился Аркадий Петрович.

Вторая акушерка и санитарка выбежали в коридор за каталкой.

– А в женской консультации меня на учёт не поставили. Потому что у меня ни прописки, ни полиса, ни денег! – продолжала родильница.

– Давай, давай, Наташа. Держись за меня ручками и не дёргай ножками!.. Сосредоточься! Ну что, раздва-три!

На «три!» Аркадий Петрович и вторая акушерка с санитаркой переложили грузную пациентку на каталку.

– Почему мне сверхурочные за работу грузчиком не платят?! – шутливо возмутился в пространство родзала анестезиолог.

Татьяна Георгиевна содрала перчатки, швырнула в таз, сняла хирургический халат, фартук и кинула на пол.

– Планида потому что твоя такая, анестезиологическая! – сказала она старому другу.

– Не поставили меня на учёт! – стонала тем време-

нем Наташа. – Двое детей у нас с подругой и Васей уже есть. Жрать не на что. Вася не работает. Подруга за нашими общими детьми смотрит. Их в поликлинику на учёт тоже не поставили, потому что не прописанные. Вася добрый, но не работает. Жить пустил, да и ладно! Я в супермаркете уборщицей – там прописка не нужна. Не таджичка – и то хорошо. Я не думала дома рожать. «Скорую» хотела вызвать. Не бросят же меня, как собаку бездомную! – зарыдала в голос уже почти окончательно очухавшаяся Наташа. – А тут со смены пришла – схватки. Воды отошли. Пока Вася куда-то там звонил – я уже и родила. Второй же... А где Вася?! – захлёбывалась родильница.

– А и действительно, где Вася? – поинтересовалась неизвестно у кого первая акушерка.

– Эх, бабы, бабы! – вздохнул Аркадий Петрович. – Леночка! – обратился он к анестезистке. – Уколи этой кретинке трамадол.

– Так его же списывать надо! – возмутилась анестезистка Леночка.

– Мой, из личных запасов уколи.

Татьяна Георгиевна вышла в коридор и села за стол, записать в историю родов всю правду и ничего, кроме правды.

«Беременность...»

– Наташа, какая беременность?! – уточнила она у

стонушей на каталке женщины.

– Вторая. Я аборт не делала. Лучше бы делала, дура. Да только... Моему первому туберкулёз поставили в детском саду. Вася как-то его, моего первого, в детский садик пристроил. Не знаю как... Без поликлиники-то. Я в том детском саду тоже уборщицей. А ему туберкулёз. Вася в санаторий отдать не согласился, хотя предлагали. Заведующая детским садом, злобная такая бабища, – как глянет, так сразу все грехи вспоминаешь! – младшему как-то раздобыла путёвку на лечение в туберкулёзный санаторий детский. А Вася мне не разрешил отправить. Заведующая на меня орала и младшего из садика выкинула. А Вася добрый...

«Беременность вторая. Тридцать девять – сорок недель. Роды на дому. Ущемление последа. Кровотечение в третьем периоде родов. Дефект последа...»

Записав протокол операции «Ручное отделение остатков», Татьяна Георгиевна расписала назначения и поставила размашистую подпись.

Принять душ, переодеться и на обход. А где чей Вася и почему бог, желая наказать женщину, лишает её остатков разума, – не её дело.

– Татьяна Георгиевна, вас зовут в приёмное. Женщина с улицы поступила. Необследованная. Подозре-

ние на преждевременную отслойку плаценты.

В час дня Татьяна Георгиевна вышла из операционной.

В три снова туда вернулась. Полное предлежание плаценты. Планировали кесарить завтра. Вступила в роды. Так что в операционную не просто отправились, а помчались галопом. Аллюр «три креста», блин!

В пять привезли ещё одну отслойку.

В семь – релапоротомия со второго этажа. Гематома послеоперационного шва. Кровотечение в брюшную полость.

В девять – в малой операционной первого этажа крованул поздний аборт.

В одиннадцать – экстренно кесарили женщину с анатомо-функциональной несостоятельностью рубца на матке.

В час ночи Татьяна Георгиевна вышла с Аркадием Петровичем перекурить. Пока они вдыхали никотин пополам с морозными февральскими звёздами, на её законном месте припарковалась старенькая «БМВ» Маргариты Анд-реевны. Такая старенькая, что уже не хлам, а практически *vintage*⁷. Один шаг до *antique*.

– Тань, сейчас одна моя баба в роды вступила. Пом-

⁷ *Винтаж* (фр. *vintage*) – многозначный термин. В данном контексте – старинные, хорошо сохранившиеся и функционально пригодные механизмы и инструменты.

нишь, краевое предлежание последа? В общем, она сюда едет. Ну и я, разумеется, приехала. Она с тобой на роды договаривалась. Это я так... Если ты забыла. Хорошо, что ты ещё домой не ушла.

– Да уж! Хорошо. Лучше не бывает! Хорошо, что у меня из живых сожителей только кактус – и тот на фотографии. – Татьяна Георгиевна плотнее закуталась в синий халат и сильно затянулась сигаретой. – Краевое предлежание? Даст бог, обойдёмся без операционной. Всё равно наборов не осталось.

– А у меня – медикаменты все на месяц вперёд исчерпаны, – спокойно констатировал Аркадий Петрович.

– Тань! Всё у нас нормально с медикаментами в отделении. Я забыла тебе сказать, да и некогда было... Сегодня тот Волков, что ООО «Мандала», приезжал...

– Какое-какое ООО? – чуть не проглотил сигарету анестезиолог.

– Всё бы вам только пиздихаханьки, Аркадий Петрович! А Волков, между прочим, хороший человек! Мужчина в самом соку. Вдовец, а не какой-то женатик! – Она значительно посмотрела на анестезиолога и даже ему подмигнула, косясь на подругу. – Букетище роз этой дуре, – кивнула она на Татьяну Георгиевну, – привёз. Духи дорожные и бутылку приличную. Ты пока в операционной, Тань, была... – извиняющимся то-

ном продолжила старшая.

– Ну и где мои букеты-конфеты? – заранее предполагая ответ, спокойно перебила заведующая.

– Где-где!.. У главной медсестры больницы сегодня день рождения. Чего добру пропадать? Зачем тебе цветы-духи? А конфет не было!

– Как это конфет не было?! Без конфет – какой мигнет!

– Заткнитесь, Аркадий Петрович!

– Хоть бы бутылку оставила! – уже в голос смеялась Татьяна Георгиевна. – Нам с этим озабоченным ночь коротать!

– Я не озабоченный! А конфетно-букетный период, он так потому и называется, что...

– Всё, хватит! А ты – прекратить ржать! Это у тебя нервное! – отругала Маргарита Андреевна подругу. – Сейчас сюда роженица прикатится. Пить вредно! Пить на работе – вредно вдвойне!

– Мне нужны цветы-духи! – застонала Татьяна Георгиевна. – Я – же-е-енщина!

– Ты не женщина. Ты – заведующий отделением. Заведующая... К тому же ты сама того мужика отшила. Аркаша, ты не в курсе? Она такого крутого мужика отшила, дура! Свободного мужика, неженатого!

– Марго, заткнись! – Татьяна Георгиевна была равнодушна, как ночное небо у них над головами. – Все

уже всё поняли.

– Да. Все бабы дуры! – философски заключил Аркадий Петрович. – Они только Вася любят. Васи до-обрые! – проблеял он.

– Кстати, о Васях... Появился? Я на его бабу сегодня уйму медикаментов списала.

– Не появился. Он же Вася... Это вам не цветы, духи, бутылки от крутых Волковых. – Маргарита Андреевна прищурилась на Татьяну Георгиевну.

– Зайцевых... – задумчиво пробубнила та. – Все они Зайцевы. Хоть с духами, хоть без.

– Марго, кофе сварись? Что-то я замёрз, – выпустил дым в звёздное небо Аркадий Петрович.

– Сварю. Всё, быстро зашли в приём! Вон блатной клиент уже подруливает.

– Я сразу анестезистку вызову, ага? – утвердительно уточнил анестезиолог. – Всё равно кровотечение будет.

– Типун тебе на язык!

– Да я бы рад! Но раз уж понедельник не задался... сама знаешь.

– Знаю. Иди уже!

Кадр пятый

Блатной клиент

– Здравствуйте, Степан Михайлович! – засуетилась услужливой егозой Маргарита Андреевна, открывая дверь в приёмный покой кряжистому мужику, поддерживающему под белы ручки охающую супругу. – Как вы, Юленька?!

– Ох! Ох-ох-ох! Фу-у-уф! Схватки, Маргарита Андреевна! Больно!

– Ну, ничего, ничего, солнышко! Сейчас доктор вас посмотрит, и в предродовую! Там мы по венке коктейльчик пустим. Энергетически-спазмолитический, и станет полегче, полегче! А потом и эпидуралочку...

– Никаких, Маргарита Андреевна, коктейльчиков! Ох-ох-ох!.. Никакого обезболивания! – недовольно профырчала Юленька, усаживаясь на стул. – Мы же с вами договаривались! Абсолютно естественные роды!

– Так, ну а что же такого противоестественного в витаминчиках и спазмолитиках? – щебетала птичкой Маргарита Андреевна. – А эпидуралочку вы и сама захотите. Чуть попозже...

– Делайте всё, как она захочет! – высокомерно,

тоном, не терпящим возражений, наказал кряжистый мужик, лет на двадцать старше своей Юленьки.

– О! А вот и Татьяна Георгиевна! Сейчас всё будет хорошо! – расплылась мармеладом старшая акушерка обсервации, узрев заведующую. – Принимать, Татьяна Георгиевна? В родзал, Татьяна Георгиевна?..

Акушерка приёмного вопросительно смотрела на заведующую обсервацией.

– Не торопитесь, Маргарита Андреевна. Прошу вас лечь на...

– Юлия! Меня зовут Юлия! – охнула молоденькая дама. – Зачем лишний раз на кресло? Не буду я никуда ложиться! Там, в родзале, меня и посмотрите.

– Юля, позвольте мне решать, где вас смотреть и какой из осмотров лишний, договорились?

Маргарита Андреевна делала из-за спин четы «многозначительные» глаза. Но Татьяна Георгиевна и не подумала сменить тон:

– Вы контракт на роды не заключали, так что я могу сейчас вызвать дежурного врача, если вас не устраиваю. Да и то не факт, что он оставит вас рожать именно здесь. Отправит вас по району.

– Чё-та я не понял! – вскинулся кряжистый мужик. – Маргарита Андреевна сама отговорила нас от контракта. Сказала, что только лишние деньги выкидывать, а вы и так всегда здесь.

– Маргарита Андреевна у нас вообще много говорит. Лишнего. В том числе про деньги! – поморщилась Татьяна Георгиевна, представляя, как ей в очередной раз выписывает лещей начмед. А она – в очередной же раз! который?! – выдаёт люлей Марго, а той – как с гуся вода. – Вы у меня не наблюдались, ни разу не осматривались. О том, что у вас краевое, – мне известно только со слов нашей многоопытной Маргариты Андреевны. Так что... – Татьяна Георгиевна вопросительно посмотрела на кряжистого мужика.

– Степан Михайлович.

– Так что, Степан Михайлович, решайте прямо здесь и сейчас – или ваша Юля меня слушается, или я вызываю ответственного дежурного врача, и далее решает он.

– Маргарита Андреевна рекомендовала вас как ответственного специалиста...

– Ой-ой-ой, опять начинается! – заохала Юлия.

– Юля вас слушается! – моментально выкрикнул кряжистый Степан Михайлович.

Маргарита Андреевна перешла на посыл Татьяне Георгиевне пассивных руками.

– Ложитесь на кушетку, Юля, – смягчила тон заведующая.

После серии охов и ахов акушерка приёмного с помощью кряжистого мужика и совершенно ненужных

телодвижений Маргариты Андреевны уложила Юлю на кушетку. Татьяна Георгиевна прослушала сердцебиение плода.

– Записывай, измеряй, переводи в родзал.

– Какие показания к обсервации писать?

– Алчность Маргариты Андреевны в тротиловом эквиваленте! – Увидав, как юная девчушка в кокетливом белом халатике вытаращила глаза, она тут же добавила: – Грамотная акушерка, дорогая моя, всегда показания к обсервации найдёт! Где обменная карта?

– Вот! – протянула молоденькая акушерка Татьяне Георгиевне помятый лист формата А4.

– Да тут половины анализов нет! – изучив бумаженцию, резюмировала Татьяна Георгиевна. – Пиши: «недообследована». Почему же вы, Юлия, не сдавали ни ВИЧ, ни РВ? Наберите у неё кровь на ВИЧ и РВ! – приказала заведующая персоналу.

– Я вам что, бомж? – возмутилась ухоженная Юлия. – И у меня лишних вен нет!

– Ни у кого лишних вен нет. Все давно уже анатомами посчитаны! И вы что, считаете, что только бомжи ВИЧ-инфицированы? Что только деклассированный элемент подвержен сифилису? И что французское нижнее бельё – надёжная защита от инфекций, передающихся половым путём?

«Вот зачем мне это надо?!» – не слушая развёрну-

тый ответ пациентки на предмет её верности и преданности глубокоуважаемому Степану Михайловичу, размышляла Татьяна Георгиевна. «Вот зачем? Денег и правда более чем достаточно – права климактерическая Елизавета Петровна с её яростной завистью. Другое дело, как даются эти деньги, ну да это ладно... Но вот зачем? Почему она сейчас не дома? Зачем берётся за девицу, ни разу прежде ею не виденную? Недообследованную? Маргарите хоть кол на голове теши – у неё клиентуры по сарафанному радио, и всех на старую подругу волочёт. Иди домой, Таня! Вызови ответственного дежурного врача – и иди! А что дома? Дома – уютно, красиво. Шкафы забиты тряпками и сапогами. Один из лучших способов женской сублимации – тряпки. И сапоги. А также ботинки, туфли, ботильоны, балетки... Одних меховых жилеток – штук шесть. И зачем? Всё равно самый востребованный ею наряд – зелёная пижама, самое надеваемое «пальто» – белый халат, самая употребляемая обувь – белые тапочки, прости господи. Моющиеся. Недавно вон опять купила горчичные замшевые штаны, стоимостью в пять таких Юль. И обувку им – штанам, а не Юлям – в тон. Ни разу не надела! Правда, что ли, с Волковым этим свиданкнуться? Впрочем, скоро у Сёмы защита, вот на банкете и выгуляются обновки, включая шубку-свитер, пусть бабьё

в муках корчится. Всё радость. Впрочем, сомнительная и быстро проходящая. Вот если... И почему она замуж не вышла и детей не родила в конце концов?! Ещё не поздно, кстати...»

– Тань! – отвлекла от посторонних мыслей старшая акушерка отделения. – Ты чего столбом застыла? Идём выйдем, пока её оформляют...

Подруги накинули байковые синие халаты и вышли в морозный синий вечер. Очень удобные эти синие байковые халаты. Для выхода в синий морозный вечер. Сливаешься с вечером... И с мыслями о себе.

– Ты чего шоу устраиваешь? – с места в карьер накинулась Маргарита Андреевна, затягиваясь сигареткой. – Алёна!!! – заорала она в приоткрытые двери приёма. – Принеси нам с Татьяной Георгиевной кофе!

– Никакого шоу я не устраиваю, Марго. Ты просто задолбала уже со своими клиентами. Акушерки родзальные твои, разумеется, съедят, что старшая тут чуть не каждую смену с блатняками околачивается. И Семён Ильич мне ничего поперёк не скажет из-за старой дружбы и прочей моей анатомо-функциональной пригодности... Ты не хихикай мне тут! Распоясалась ты совсем, Марго!.. Никто нам ничего не скажет, но все нас с тобой просто-таки ненавидят. Молодняк стонет, что в обсервации никто, кроме заведующей, в родзал не допускается. И знаешь?.. Они правы! Только так не

специально получилось. Как-то так вышло, что у меня ничего, кроме этой долбаной работы и кучи тряпья, выходящего из моды в три раза быстрее, чем мне обламываются поводы его надеть, и нет!

– Как это ничего?! Ты квартиру сама купила. И машину...

– Ага. И дачу, и клячу... Вот только мужика в придачу не сторговала ещё.

Санитарка приёмного вынесла кофе и услужливо подала сперва заведующей, затем – старшей акушерке.

– Мы уже отправили эту Юлю к вам в родильный зал! Её муж тоже хочет.

– Если всё ещё хочет – значит, получит! – хихикнула Марго.

– Да нет. Он в родзал с ней хочет.

– У нас родильный дом, ориентированный на партнёрские роды, – Татьяна Георгиевна отхлебнула горячего кофе. – В чём проблема?

– Но у них нет контракта!

– У нас родильный дом, ориентированный на партнёрские роды в любом случае, – спокойно повторила Татьяна Георгиевна. Хотя ещё лет десять назад стала бы вопить на санитарку за такое несколько не соответствующее табели о рангах поведение.

Маргарита Андреевна, властно глянув на моло-

денькую санитарочку, скомандовала:

– Переодень мужика и пусть катится к своей жене.

Дождавшись, когда Алёна скроется за дверью, старшая акушерка вновь накинулась на подругу:

– А ты что, уложила бы её на кресло в приёмном?

Правда?

– Что я, дура полная, с неизвестно каким предложением плаценты в приёмном на кресле смотреть?! Хотя... Операционная в пятнадцатиминутной досягаемости. И даже ближе. Так что... Так что, Маргарита Андреевна, чтобы мне больше не было баб с бухты-барахты! Хотят у меня рожать? Знакомь заранее... И от контрактов всех подряд не отговаривай, будь любезна!

– Нам же с тобой больше достанется!

– Меня Семён Ильич и так каждый раз физией в иконостас тычет, когда у меня договорные, но не контрактные роды!

– А он что? Всё ещё каждый раз может?! – восхищённо ахнула акушерка.

– Может.

– И чего вы с ним не поженились?

– Того.

– Слушай, а вы с ним всё ещё...

– Гораздо реже, чем принято полагать в нашем милом коллективе.

– И как часто?

– Вот прицепилась! Раз в год! На Восьмое марта! И ещё три раза. Когда не остальные триста шестьдесят один.

– А что жена?

– Жена всё так же. Ты всё и обо всё знаешь, чего лишний раз говорить? Марго! Пошли работать! Я бы, может, выгуляла сегодня свою одежду, если бы ты мои цветы-духи не передарила главной медсестре. И не приволокла мне бабу с проблемами плацентации. Очень вовремя, да. Как раз когда весь день прошёл под знаком кровотечений. Так что на тебе, дорогая подруга, лежит вина за мою загубленную личную жизнь. Сегодняшним вечером как минимум.

– Ты сама тому Волкову сказала, что занята на все оставшиеся вечера твоей жизни. Я подслушивала. Так что – сама дура, нечего на меня валить!

– Пошли вкалывать!

В родзале Юлия охала и ахала. Кряжистый Степан Михайлович чувствовал себя не в своей тарелке. Ещё бы! Ох уж эти экономные небедные люди! Заплатил бы за контракт – так и родзал был бы поуютнее, на втором этаже. А тут пусть спасибо скажет за отдельную предродовую. А что в другой девочка корчится и по стеночкам со схватками ползает – так пусть перед ней извинится за то, что он здесь. И не надо на неё

криво смотреть!

– Анечка, идёте на кресло! – исключительно из-за иррациональной вредности, а не от жалости к «ничей» Анечке пригласила Татьяна Георгиевна первой на осмотр молоденькую роженицу.

– Схватки регулярные, по тридцать пять – сорок секунд через три-четыре минуты! – доложила дежурная акушерка, подавая стерильные перчатки. – Открытие шесть сантиметров, воды целы.

– Может, того? Вскроем плодный пузырь? – вопро-сительно шепнула дежурная акушерка.

– Вы куда-то сильно торопитесь? – высокомерно изогнула бровь Татьяна Георгиевна. – Или дежурный врач куда-то сильно торопится? Лично я никуда не тороплюсь. Пусть девочка рождает без ваших форсирований. Как вы себя чувствуете, Анечка? – нежно обратилась заведующая к ахающей девочке двадцати одного года.

– Нормально всё, Татьяна Георгиевна! – мужественно ответила тощенькая соплюха, сползая с кресла. – А можно вы у меня роды будете принимать, а не дежурный врач?

– А чем вам дежурный врач не угодил?

– Он неласковый.

– Я тоже неласковая.

– Нет, Татьяна Георгиевна! О вас на форумах толь-

ко хорошие отзывы, а про Михаила Вениаминовича пишут, что он, вы уж простите... «мясник». На том форуме, где я беременная тусовалась, его даже в чёрный список занесли. Только вы ему не говорите!

– Ох уж этот Интернет! – улыбнулась Татьяна Георгиевна. – И почему же Михаил Вениаминович мясник? Что пишут?

– Пишут, что деньги берёт, а сам грубый и больше ни разу в палату не заходит. Рыжая нямка написала, что у неё после родов кровотечение было, она Михаилу Вениаминовичу написала sms-ку, а он даже не ответил. И чистил её другой врач, кто-то из послеродового. И что вообще он не только грубый, но и халат у него грязный, и он всё время как бы сморкается, харкает и всё время, простите, яйца чешет...

– Кто-кто написала? – автоматически переспросила Татьяна Георгиевна.

– Рыжая нямка. Ну, никнейм такой. Вообще-то она Катя.

– Понятно.

А про Михаила Вениаминовича всё было понятно давным-давно.

Он был каким-то родственником Елизаветы Петровны. И выкинуть его из отделения не представлялось возможным. По той же причине – родства с профессором – Семён Ильич иногда подписывал кон-

тракты, которые Михаил Вениаминович приводил «на себя». Но тут сегодня, слава богу, она, Татьяна Георгиевна, царь и бог. А Михаил Вениаминович – всего лишь дежурный врач отделения обсервации. Девочка поступила по «Скорой». Денег у неё на контракт нет. У этой девочки вообще денег нет. И муж у неё какой-нибудь мальчик-палочка. Перепуганный, бледненький, курит под приёмом. Зато никнейм наверняка типа Demon@da. «Вася», одним словом. Не то, что этот противный сноб Степан Михайлович, зажавший на контракт. Такие и рассчитываться не слишком спешат. Ну да у Марго не забалуешь. Она своего «блатного клиента» в железном кулаке держит. Никто не уйдёт обиженным.

– Не волнуйтесь, Анечка. Я тут сегодня всю ночь.

– Так вы примете у меня роды?! – обрадовалась юная Анечка, мужественно передыхая схватку. – Круто! А я про вас хорошее на нашем форуме напишу. У нас так принято – писать отчёты про роды.

– Делать вам явно нечего, раз отчёты есть время писать после родов... Разумеется, приму, не волнуйтесь.

– Ой, мы вас отблагодарим!

– Не стоит, Аня.

– О вас так хорошо отзываются на форумах! – снова завела она шарманку. – И девочки друг у друга спра-

шивают, сколько вы берёте, и все довольны, говорят, что вы никогда не называете сумм, кто сколько даст...

– Аня, идите в предродовую. Хочется лежать – лежите. Хочется ходить – ходите. Если что – все здесь.

Очень хотелось узнать, что же ещё пишут о ней в том Интернете. Но Татьяну Георгиевну жутко взбесило вот это «кто сколько даёт». Как будто о побирушке речь, а не о враче высшей квалификационной категории. Всё это интернетовское new age чуть что – сразу кивает: «А у них в Америке!..» А у них в Америке врач – белый человек. С приличным белым годовым доходом. Да, страховка на риски в акушерстве дорогая, но она того стоит. «А у них в Америке», живи она в Нью-Йорке, так с её опытом в ремесле давно бы уже квартиру на Ист-сайд купила, ту-бедрум, сри-басрум. А то и вовсе – в Вест. А тут «сама» однушку приобрела. Подвиг. Экономический, блин, прорыв. Чего замуж не пошла? А куда в той однушке в приличном районе муж поместится? Не говоря уже о детях. За счастье жить не в Бирюлёво рассчитываешься квартирой в приличном районе, размером с дворницкую. Зато вполне по ценам Вест-сайда. Москва, ага. «– Вы где живёте? – В Чайна-тауне! – Как же вас, приличную белую женщину, занесло в Чайна-таун?!» – вспомнила Татьяна Георгиевна свой забавный диалог с акушером-гинекологом из Нью-Йорка. Дело было в Сиднее. Никак про-

фессор Елизавета Петровна не могла забыть, что Татьяна Георгиевна полетела на FIGO⁸. Мало того, что забыть не могла, так у профессорши псевдореминисценции⁹ начались. Вот уже сколько лет визжит, что Татьяна Георгиевна попала туда благодаря её усилиям. Как же! Благодаря своим. Причём – в койке начмеда. Сёма её с собой взял, чтобы оторваться на оупен-эйре. Вдали от жены и деток. Зачем ей эти отношения? Уже давным-давно всё по инерции. Всё реже и реже... Ночная жизнь, мешанина из обрывков дум. Порядочные жёны и матери все по койкам уже почивают. Говорят, чем тише спишь, тем дальше выглядишь. Интересно, на что она сейчас похожа в зеркале? Лучше не смотреть... Квартиры, блин. «У них в Америке...» Про машины лучше вообще промолчать. Даже в мыслях. Надо бы как-то набрать своё ФИО в Интернете. Почитать, что дамы пишут. Как-то... Как-нибудь потом. Когда время будет...

– Когда вы уже, наконец, посмотрите Юлю?! – подошёл кряжистый мужик к Татьяне Георгиевне.

Ох, как она не любила эти требовательные дирек-

⁸ FIGO – международная федерация акушеров-гинекологов. Съезды FIGO проводятся в разных странах мира, преимущественно цивилизованных.

⁹ *Псевдореминисценции* – изменённые, ложные воспоминания. *Конфабуляции* – воспоминания о том, чего не было.

тивные нотки! Да перед любой Анечкой она уже безо всяких денег расстелется. Исключительно за тёплое отношение и веру. Доброе слово и акушеру-гинекологу приятно!

– Тогда, когда, наконец, запишу историю. Не волнуйтесь вы за свою Юлию. У неё родовая деятельность ещё нерегулярная. Маргарита Андреевна, положите девочку на кресло! – негромко крикнула она старшей акушерке. Та сидела в предродовой, на краешке койки, и шептала Юле нежные слова, и гладила по животу... Отрабатывала грядущий гонорар, за-сранка. То, что Маргарита Андреевна профессионал экстра-класса и таких акушерок уже днём с огнём – то им плевать. А вот за эти «пузики-лапочки»...

– Мы готовы, Татьяна Георгиевна!

Ага. А ещё за это «мы». «Нас тошнит», «нам больно», «мы хотим по-большому!». Не тошнит Маргошу. И не больно ей. И свои физиологические желания она давно вслух не озвучивает. Но знает струнки, лиса, ох знает...

Татьяна Георгиевна пошла в смотровую.

Стандартная процедура. Надеть перчатки. Обработать наружные половые органы дезинфицирующим раствором. Внутреннее акушерское исследование...

– Ой, больно-больно-больно!!! – капризно загундосила роженица. Кряжистый Степан Михайлович, сто-

ящий тут же и заглядывающий под руки, поморщился.

– Вы аккуратней там!

– Мои два пальца, Степан Михайлович, тоньше вашего полового члена! – рявкнула Татьяна Георгиевна. – Надеюсь, что тоньше! – не удержалась она от ехидства. Да, грубо. Нет, ну а какого чёрта тут совать голову чуть не в... Дома не насовался? – Степан Михайлович, или вы мне доверяете безоговорочно, или даёте советы. Или вы и правда полагаете, что за столько лет работы я не научилась делать то, что делаю, – аккуратно? Отойдите, пожалуйста. А ещё лучше – выйдите в коридор. Вы партнёр по родам жене. А не военный советник гражданскому врачу. Понимаете? Вы тут не для того, чтобы контролировать мою работу, а для того, чтобы ей, – она ткнула подбородком в кряхтящую Юлию, – было легче.

– Хорошо! – раздражённо буркнул Степан Михайлович. – Я выйду!

– Вот и прекрасно!.. Юля, расслабьтесь, пожалуйста!.. Так. Хорошо. Маргарита Андреевна, подайте мне пулёвку.

Старшая акушерка наблюдения мигом подала инструмент и даже бровью не повела, не то что вопросов задавать не стала. Только глянула слегка вопросительно на подругу.

– У вас, Юля, не краевое предлежание плаценты,

а боковое¹⁰. Открытие у вас уже четыре сантиметра, несмотря на нерегулярные схватки. Вы понимаете меня, да?

– Н-н-не очень! – обеспокоенная роженица даже забыла, что нужно охать и ахать. Да и муж вышел в коридор, нечего зазря актёрское мастерство тратить. – Что-то серьёзное?

– Так скажем, боковое предлежание чуть хуже, чем краевое. То, что у вас хорошее открытие без регулярной родовой деятельности, – тоже не так хорошо, как может показаться. Я вам сейчас вскрою плодный пузырь...

– Зачем вскрывать мне плодный пузырь?! Я читала в Интернете, что все врачи в роддомах только и делают, что вскрывают плодные пузыри, чтобы женщина быстрее родила. Чтобы спать пойти!

– ...Я вам сейчас вскрою плодный пузырь, Юля, – спокойно продолжила Татьяна Георгиевна, переждав

¹⁰ Неполное предлежание плаценты разделяют на краевое и боковое предлежание. При краевом нижний край плаценты находят на уровне края внутреннего зева. При боковом – край плаценты частично перекрывает внутренний зев. Наряду с плацентой в обоих случаях определяются плодные оболочки. Клинически вариант предлежания плаценты можно определить только при раскрытии маточного зева на четыре-пять сантиметров. Поэтому отличить краевое от бокового можно непосредственно в родах.

гневную тираду, – потому что амниотомия¹¹, Юля, прекращает дальнейшую отслойку плаценты. А у вас она уже есть. – Татьяна Георгиевна, произведя манипуляцию, положила браншу пулевых щипцов в лоток, аккуратно вынула руку и показала роженице. – Видите?

– Кровь! Вы меня порезали?! – захныкала неугомонная Юля.

– Нет. Не порезала. Это подкравливает ваша начинающаяся отслаиваться плацента. При таком, боковом, предлежании плацента реагирует на схватки и раскрытие шейки матки именно так – начинает отслаиваться. Во время растяжения нижнего сегмента и его сокращений плацента, не обладающая способностью сокращаться, отстаёт материнской поверхностью от плацентарной площадки. В месте нарушения связи между маткой и плацентой вскрываются пазухи межворсинчатых пространств, и начинается кровотечение. Я ясно излагаю? Это элементарная механика, Юля. То, что эластично и способно расширяться, рвёт плотно прикреплённое к нему неэластичное и расширяться не способное. Амниотомия и разрыв плодных оболочек прекращают дальнейшую отслойку и способствуют опусканию в малый таз головки плода. Головка плода прижимает отслоившийся участок пла-

¹¹ *Амниотомия* – акушерская операция искусственного разрыва плодного пузыря.

центы и останавливает кровотечение. Чем раньше выполнена амниотомия, тем меньший участок плаценты отслоился, и, значит, вашему ребёнку всё ещё есть чем дышать. Маргарита Андреевна, вы уже сделали кардиотокографию плода?

– Да. Как в танке! Пока всё отлично.

– Вот! Чтобы и дальше у вашего ребёнка всё было отлично, я и выполняю амниотомию, Юля. Теперь всё понятно? Понятно, что вы индивидуальны, что бы там ни писали в Интернете?

– Всё равно, я так и знала, что в родильном доме мне вскроют плодный пузырь! – Юля заплакала.

– Маргарита Андреевна, помогите женщине встать с кресла, объясните ей, что схватки могут усилиться, и расскажите её мужу, почему мы вскрыли плодный пузырь, – вздохнула Татьяна Георгиевна.

– Хорошо!

На Марго можно было положиться.

Татьяна Георгиевна пошла к себе в кабинет. Некоторое время заполняла статистические талоны. Затем прошлась по двум этажам отделения. Если уж где-то и был её дом – то здесь. О чём-то поболтала с беременными. Выслушала жалобы родильниц. Поднялась на пятый этаж, отчитала курящего с анестезистками Михаила Вениаминовича... Нет, пора уже Семёну Ильичу что-то сделать с этим... «мясником»!

Совсем от рук отбился. Устроил ей, заведующей, истерику! Он-де имеет право роды принимать, чего он просто так на дежурстве болтается?! Так принимай! Сиди в родзале! Истории родов не заполнены, обход не сделан. «Я обошёл ответственных!» Ответственных он обошёл! Разумеется, без неё отделение не развалится... Она развалится без отделения. Себе-то можно признаться? Хоть себе-то можно не лгать?! Как бы хотелось сейчас рвануть на какие-нибудь беззаботные острова, залечь на пляже с книгой. Купаться, загорать, пить-есть-спать и ни о чём не думать... Но такое счастье подвалит не скоро. Только когда родильный дом закроют на помывку. Не может она всё это оставить. И не из-за любви к отдельным конкретным Анечкам, Юлям и иже с ними. Уже давно она перестала воспринимать отдельных женщин – только отдельные клинические ситуации. Как можно, не любя каждую конкретную деталь, любить своё дело?.. Наверное, только так и можно.

– Татьянгеорна! Маргарита Андреевна к телефону! – запыхавшаяся санитарка вбежала в буфет, где только-только присела заведующая, вспомнив, что сегодня ещё не ела. Такой овсянки, как здесь, ни на одних островах не разыщешь!

– Иду!

– Тань, спускайся срочно, – тихо, но значительно

прожужжала в телефонную трубку Марго. – Что-то кровит эта Юля. И сердцебиение плода уже того... Приглушенное. С эпизодами тахикардии и аритмии.

– Звони, пусть разворачивают операционную...

– Приметы – это догма! – захохотал неунывающий Аркадий Петрович. – Кровотечением начали понедельник – значит, до воскресного вечера лить будет!

– Чего довольный такой? – мрачно буркнула Татьяна Георгиевна.

– А что мне, плакать?! Хороший мужик Степан Михайлович – спонсор моего безумного дежурства! Ладно, пошёл я эпидуралку налаживать.

– Марго, разыщи Михаила Вениаминовича, пусть кровь закажет и тут, в родзале, неотлучно сидит. Только к Анечке его не подпускайте! – обратилась она уже ко всей смене.

Через час все были счастливы. Кроме Михаила Вениаминовича. Он не хотел заказывать кровь. Он хотел ассистировать. И не из любви к искусству, а потому что такие типажи, как Михаил Вениаминович, первое, чему научаются, так это важно сообщать таким, как Михаил Степанович, что без их помощи хирург бы не справился. Важная морда, толстые румяные щёки и какая-то врождённая непробиваемая наглость. Как Татьяна Георгиевна это всё ненавидела! А тут как раз в родзал зашёл молодой человек:

– Здравствуйте! Я врач-интерн! Я в физиологии дежурю, но там тихо, как в склепе. Мне сказали, у вас тут операция! Можно я третьим?

– Почему третьим? Будете вторым.

– Ах, как жаль, что с вами, Татьяна Георгиевна, мне не довелось быть первым!

Даже у акушерок и санитарок от такого пассажа челюсти отвисли. А Маргарита Андреевна схватилась за голову, ожидая бурной отповеди и отлучения наглеца от наблюдационного родзала. Но Татьяна Георгиевна, взглянув на интерна, улыбнулась и сказала:

– Когда у меня был первый, вас, юноша, ещё и в проекте не было.

– Неправда! Вы моложе меня всего на некоторое не такое уж и значительное количество лет, а Галкин Пугачёву...

– Идите мойтесь, юноша!

– Меня зовут Александр Вячеславович!

– Идите мойтесь, Александр Вячеславович! В операционной-то хоть были?

– Обижаете, Татьяна Георгиевна! – весело зыркнул ярко-синими глазами интерн.

– Александр Вячеславович! Язык поломаешь! – прокомментировала старшая акушерка наблюдационного отделения.

– Так он же без костей! Не поломаётся!

В операционной молодой человек был сосредоточен и сноровист. Знал, где, что и как лежит. Умело обращался с кранами-халатами. Без дела в рану не лез, работать не мешал.

– Вы работали? – спросила его после операции Татьяна Георгиевна.

– До академии. И во время. Фельдшером.

– Молодец. Вы мне нравитесь.

– Вы мне тоже! – не заржавело за нахалом.

Татьяна Георгиевна продиктовала ему диагноз и протокол операции.

– Запишите в журнал операционных протоколов. И сидите при ней, наблюдайте.

– Знаю, знаю! Третий период родов при плацентарной патологии...

– Вот и хорошо, что знаете.

Кряжистый Степан Михайлович был смене благодарен.

– Наверное, за то, что прооперировали! – засмеялась оставшаяся на ночь в роддоме Маргарита Андреевна. – Она такая противная, эта Юлька, просто жуть. Всего его изъела. Если мужика есть – он с ума сходит. Она ему на каждый пук всю беременность жаловалась. А в предродовой вообще чуть не до инфаркта довела. Так-то он нормальный. Да и вообще, такие бабы, как эта Юля, на голом месте в кесарево

влетают. Так что ей сам бог велел, с её плацентой. Как раньше-то не закровила? Тьфу-тьфу-тьфу, вовремя...

– Марго! Чтобы больше мне никогда таких блатных клиентов! – в сотый раз строго сказала Татьяна Георгиевна.

– Тань, больше никогда! – в сотый же раз, честно глядя старой подруге в глаза, пообещала Маргарита Андреевна.

До утра Татьяна Георгиевна сидела в родильном зале. У Анечки началась вторичная слабость родовой деятельности. В восемь утра она, наконец, родила славную, хотя и крохотную девочку. Молоденький папаша был так счастлив, что свалился в обморок, и санитарка приёмного отпаивала его горячим крепким сладким чаем. Как только он пришёл в себя – сразу куда-то унёсся. Вернулся с огромным ворохом тюльпанов и раздавал цветы акушеркам, санитаркам и даже Татьяне Георгиевне досталось. Это было очень трогательно.

Свои деньги с «блатного клиента» Татьяна Георгиевна отработала честно. К моменту выписки Юли со здоровым малышом из родильного дома она уже видеть не могла ни её, ни Степана Михайловича. Первую – с жалобами на всё про всё. Второго – с его грозным претенциозным видом.

Воскресным вечером она сидела в кабинете и смотрела

рела на монитор ноутбука. По первой ссылке на её ФИО открылся следующий текст:

Julyasha: Рожала у Татьяны Георгиевны. Ужасно! Несмотря на то что договаривались на роды именно с ней и заплатили немалые деньги, врачиха велла себя по-хамски! Сперва осмотрела какую-то малолетнюю бомжиху и только потом – меня. Я ещё не уверена, протёрли после той бомжихи кресло или нет! Когда она – очень больно, рука у неё с мою голову! – наконец изволила меня посмотреть, то первым делом вскрыла плодный пузырь! И хотя я хотела рожать сама – вскоре потащила в операционную! Конечно, чего ей сидеть всю ночь, когда можно дрыхнуть?! Муж везде и за всё со всеми рассчитывался. А выписку мне пришлось ждать полдня, потому что Татьяна Георгиевна, видите ли, была в операционной! Она там вообще одна работает и никому ничего не даёт! Чаще всех ко мне заходил врач отделения Михаил Вениаминович. Такой приятный, внимательный, сразу видно, что хороший человек и отличный доктор! Но она там никому ничего не даёт. Не ходите к ней рожать, мерзкая баба! Идите к кому угодно, только не к ней! Грубая, злобная! Ещё и любовница начмеда. Девочки на посту рассказывали...

– Марго! – крикнула она старшей акушерке. Та моментально прискакала из соседнего кабинета.

– Чего орёшь?

– Ничего. Зайди и закрой дверь... Марго, у меня что, здоровые руки?

– У тебя? Ты что, издеваешься?

– Марго, а что, в роддоме сплетничают, что я сплю с начмедом?

– Разумеется. А что такого-то?! Ты же с ним на самом деле лет сто уже спишь!

– Ну, не только с ним. Иногда я сплю и с другими мужчинами.

– Но Семён Ильич у тебя всё-таки блатной клиент!

– Какой ужас! Значит, весь персонал говорит о том, что я старая блядь?

– Ну, блядь-то блядь, но почему же старая?! – расхохоталась Маргарита Андреевна.

– Иди к чёрту. Пойду домой. Отключу телефоны. Стряхну моль с меховых жилеток...

Кадр шестой Интерн

Утро понедельника началось традиционно. С двухчасовой «пятиминутки». Вернувшийся из командировки Семён Ильич сначала мрачно выслушал доклады дежурных врачей за сутки. А затем целый час гневно песочил Татьяну Георгиевну как исполнявшую во время его отсутствия обязанности начмеда. Она лично несла ответственность за всё про всё. За санэпидрежим. За огромное, просто какое-то нереальное количество кровотечений, произошедших в родильном доме на прошлой неделе. И, разумеется, за то, что сантехник из главного корпуса никак не дойдёт до родильного дома. А ещё за то, что поверх теплоэлектроцентрали, тянущейся под окнами отделения обсервации, змеилась надпись: «Котик, спасибо за доченьку. Твой верный Пёсик!» И за окурки в подвале и под приёмным покоем. Разумеется, и за окурки. За окурки особенно – Семён Ильич в очередной раз бросал курить. Ещё она несла ответственность – персональную! – за то, что жители окрестных домов выгуливают псов на территории чахлого скверика, раскинувшегося перед родильным домом. И, в отличие от «а у них

в Америке», говно за своими домашними любимцами жители района в пакетики не фасуют. Хотят, чтобы всё было как «а у них в Америке», а с фасовки собственного дерьма начинать не хотят. Вот такие противоречивые наши дорогие россияне... Угрозой тотального обхода родильного дома Семён Ильич завершил пятиминутку. На часах было половина одиннадцатого.

– Татьяна Георгиевна, зайдите ко мне в кабинет! – всё ещё яростно буркнул распаливший сам себя начмед.

Она молча проследовала за ним в лифт.

– Привет! – радостно и где-то даже нежно и интимно прошептал Сёма, как только Татьяна Георгиевна закрыла дверь в его кабинет.

– Виделись! – Она шлёпнулась в кресло напротив стола.

– Кофе будешь?.. Я по тебе скучал.

– Кофе не буду. Я по тебе тоже.

– Что-то по тону не скажешь.

– Страсти, Сёма, дорисуй сам.

– Сейчас девочка поступит, скорее всего, шейку подшивать. А меня в горздрав вызывают. Сделаешь?

Разумеется, она сделает. Семён Ильич не очень любил эту достаточно простую, в принципе, операцию. Специалистом он был отменным. Но акушеры-гинекологи бывают иногда жутко суеверны. А у Се-

мёна Ильича на ниве подшивания шеек была пара неудач.

– А чего ко мне, в обсервацию?

– Девушка на учёт вообще не становилась. В двадцать пять недель явилась в женскую консультацию. Врач её на кресло, а там... Шейка раскрыта. Тестоватая херь какая-то пальпируется. Сильно детально она уточнять не стала. Оно ей надо, чтобы в консультации что-то случилось? В общем, девушку «Скорая» к нам везёт, со мной согласовано. Заведующая меня попросила, а у меня горздрав...

– Ты же сегодня всем обход начмеда пообещал.

– Вернусь и обойду, – он захихикал. – Там обойду, здесь обойду...

– Это всё, Семён Ильич? Я могу идти работать?

– Тань, ты чего замороженная какая-то? Я тебя чем-то обидел? Неужели за пятиминутку сердиться?

– Можно подумать, ты первый раз на меня орал. Все прекрасно знают, что ты на меня орёшь. Никто на тебя ни за что не обижался. Это у меня так... Всю ночь спала. Выспалась – вот и не в духе. Не обращай внимания.

– У меня в пятницу защита. Будешь?

– Ну, разумеется, буду.

– И на банкет придёшь?

– Ну, разумеется, приду.

– Ну я там это... Ты ж понимаешь...

– Сёма, я уже давно привыкла к совместным посиделкам с твоей женой. За столько-то лет! – Татьяна Георгиевна поднялась с кресла. – Я могу идти работать, Семён Ильич?

– Ну вот опять ты!.. А что я сделаю? Ты сама не хотела, чтобы я что-то делал!

– Успокойся. Да, я сама не хотела. Да, я сама дура. Всё сама. Я в курсе. Ты не хочешь, чтобы я приходила на банкет? Я не приду.

– Нет! – Начмед аж вскочил из-за стола. – Я хочу! Не вздумай не прийти. Я без тебя на том банкете совсем сдохну. Защита эта ещё, чистый фарс...

– Ой, я тебя прошу. Полчаса позора – и ты доктор наук.

– Ты тоже уже давай, кандидатскую свою добивай.

– Всё, не читайте мне мораль, дядя Сёма. Я пошла. И не кидайся ко мне с поцелуями, сто раз увидимся ещё. – Татьяна Георгиевна направилась к двери.

– У меня иногда впечатление, что именно ты моя жена, а не та женщина, что сейчас у меня дома.

– Это только впечатление, Сём, только впечатление... Ты же знаешь, что оно ложное. Вот бывает же так, что кажется – угроза, что шейку надо подшивать, а там – шеечная беременность! И хорош именно тот акушер-гинеколог женской консультации, что особо

«туда» руками не лез. Вот и ты, Сём, не лезь глубоко во впечатления, ладно?

– Стерва!

– Я тебя тоже люблю, Семён Ильич...

Татьяна Георгиевна вышла из кабинета. Под дверью уже скопилась очередь. Беременные возмущались. Медперсонал смотрел в пол. Ещё бы, сплетничать за спиной – это вам не в лицо смотреть.

Настроение у заведующей стало распрекрасное. Совершенно непонятно почему. Может быть, потому, что спать всю ночь подряд – это замечательно. Хотя когда ночью тебя дёргают, будят, будоражат, покоя не дают – ночь кажется длиннее. А так что? Лёг. Встал. Возможно, долгий непрерывный сон залог красоты и здоровья, но время собственно жизни он сильно укорачивает. Зачем кому-то нужно сонное долголетие? Всё равно ведь в этом покойном долголетии ничего не происходит! Или у них, долго спящих, весёлые цветные сны? Сны – это для тех, кто не доживает наяву. Хотя нормальная физиология утверждает, что сон – относительно бессознательное состояние, пищеварительная активность снижается, моча концентрируется, бла-бла-бла... Толстеешь и отекаешь, короче. Что там о снах говорит нам всё та же нормальная физиология? Картинки возникают во время быстрого сна. В это время человека труднее всего разбудить. Татьяна

Георгиевна давным-давно не видела снов. Во всяком случае, в те редкие моменты, когда ей удавалось проспать от и до. Видно, и тогда она была готова вскочить «в ружьё!» по первому пisku из пространства. Полковая лошадь, а не баба! Вечно взнуздана, вечно готова. Кому нужна полковая лошадь? Всем нужна женщина, глубоко и крепко спящая рядом. И видящая во сне всякие милые глупости.

Воскресный вечер Татьяны Георгиевны был прекрасен. Она действительно отключила все телефоны. Иногда можно. Тем более что Сёма уже был в городе и если бы что-то случилось в роддоме – дозвонились бы. Так что она без зазрения совести отрубилa связь с внешним миром. И долго-долго лежала в ванне, предварительно вылив туда столько жидкости для пены, что та стояла столбом чуть не до потолка. Затем она сервировала ужин на одну персону. И съела его медленно, с удовольствием и весь, без остатка. И совершенно неважно, что на ужин у неё была банка тунца и ржаные сухарики. Собственно, это всё, что было в доме. Но заезжать в супермаркет было лень. Главное – сервировать! Иначе зачем она покупала этот прекрасный столовый сервиз? Неужели чтобы есть из него консервированного тунца с завалывшимися в хлебнице сухариками? Нет, главное – чтобы никто не отрывал, не отвлекал и не вопил: «В приёмное! В родзал!

В операционную! К телефону!»

По телевизору шёл какой-то старый фильм. Под его мерное гудение Татьяна Георгиевна ещё раз зашла в Интернет. Надо же! Она почти угадала! У хуленького мальчика, мужа девочки Анечки, никнейм был не Demon@da, а Vlastelin_podnebesnoj. В своём блоге он писал, как счастлив быть отцом, какая у него прекрасная жена и дочурка. Всё это сопровождалось мутными фотками с обрезанными ногами. И даже Татьяна Георгиевна была на одной из них. С перекошенной мордой и сигаретой. Наверное, когда она ночью вышла в приём, а он тюльпаны раздавал, «властелин» хренов. Видать, шпионски щёлкнул телефоном. Хорошая реклама, ничего не скажешь. Странные они, эти мальчики и девочки. На роды денег нет. Судя по фоткам – на интерьеры и одёжки-коляски-кроватки младенцу – тоже. Всё пользованное, траченное. Зато у тощенького «властелина поднебесной» был самый последний продвинутый айфон. Мальчик радовался, благодарил всех и вся, а также голосил, как он благодарен Сети, потому что именно здесь он встретил свою ненаглядную Анечку, ака Djavolica. Татьяна Георгиевна усмехнулась, вспомнив тощеньких, стеснительных, нелепых «Властелина Поднебесной» и «Дьяволицу». И тут же попыталась представить себе, какой бы у неё был ник, если бы в её юности был

Интернет. Так бы и написала, поди, Tatiana Mal'ceva. А Сёма бы обозвался Ploves или Chempion, потому что был в своё время призёром чемпионата Москвы по плаванию. И в голову бы им, сыром, не пришло бы назваться Belokuraja Bestija и Pokoritel' Stihii. Интересно, вот... Ну, познакомились мосластый прыщавый «Властелин Поднебесной» и такая же, с явными стигмами авитаминоза, «Дьяволица» в Интернете. И договариваются о встрече... Как же, увидев друг друга, они животы от смеха не надорвали-то? Пусть будут счастливы. Смешные...

Зарегистрироваться, что ли, наконец, хоть где-то? Молодые докторишки, вон, безвылазно в Сети торчат. Интриги, скандалы, расследования!.. Кто-то даже научно-популярную муть несёт с академической непрекаемостью. В спикеры подаётся. Без году неделя врач, пятнадцать минут кандидат наук – а уже паспортного размера фото в глянце над постановкой диагноза по электронным письмам. Иные даже книжки тискают, это можно. От горшка два вершка, вчера из интернатуры, а уже пожалуйста – «Приключения доктора Всезнайкина в клизменной», тираж две тысячи экземпляров. Презентация в самой известной «на раёне» букинистической стекляшке. Самой, что ли, книгу написать? Ха-ха!.. Так что, зарегистрироваться где-нибудь? Veselaja blad'. Некогда... Да и не по рангу.

Впрочем, вкусно перекурив под рюмочку абсента, Татьяна Георгиевна зашла на какой-то сайт знакомств. Сайт знакомств не блог, речи произносить не надо. Так что зашла, побродила и зарегистрировалась. Как Татьяна Георгиевна. Без фамилии. Без детей. Без мужа и материальных проблем. Ищет мужчину от сорока пяти до пятидесяти, без материальных проблем, приятной внешности, с чувством юмора. Для приятного времяпрепровождения. Фотографию не повесила. Приняв ещё немного абсента, разыскала на свалке жёсткого диска своё фото за авторством Семёна Ильича. С какой-то мелкопоместной конференции. Ну как «своё фото»? Фотографию своих ног. Голени отменные, самое оно для приятного времяпрепровождения. Не говоря уже о туфлях от... стоимостью в... Похихикав сама с собой, захлопнула лэптоп и заснула, обняв старого плюшевого медведя, своего ровесника. И медведь и она родились в странах, давным-давно отсутствующих на политической карте мира. Он – в ГДР, она – в СССР. Это же какими раритетами считают их все эти «властелины» и «дьяволицы». Оборжаться, прости уже, Господи, полковую лошадь Мальцеву Татьяну Георгиевну!

– Доброе утро! – Заведующая отделением обсервации вошла в ординаторскую. – Почему акушерка не на посту?

– Здравствуйте! Она только что зашла. Анализы принесла. А мы вас ждём, Татьяна Георгиевна! Обход без вас не начинаем! – На неё уставился, радостно сияя невыносимо синими глазами, давешний интерн.

– Вы что здесь делаете, Александр Вячеславович?! – немного опешив от уверенности этого молодого нахалюги, поинтересовалась Татьяна Георгиевна.

– С сегодняшнего дня я прохожу интернатуру на базе вашего отделения. У вас тут и беременные, и роды, и послеродовые. Акушерство в полном объёме! Все бумажки у профессора и начмеда подписаны! – упредил он возможные выпады заведующей.

– Чего все хохочут? – зло поинтересовалась она.

– Ой, Татьяна Георгиевна, Александр Вячеславович такую смешную историю рассказал! – вытирая слёзы, выступила Марго. – Короче, родильный дом, под окнами бродит мужик. Баба его с четвёртого этажа ему из окна орёт: «Мне сделали кесарево и заодно удалили кисту!» А он ей в ответ: «Как это так, удалили пизду?!»

Все ординаторы валялись. И даже блюстительница языковой морали и нравственности молоденькая Светлана Борисовна – и та давилась смешками. Татьяна Георгиевна попыталась было сохранить строгий и грозный вид, но всеобщая смешинка накрыла и её. Ну и какие после этого разборки?

– Хрен с вами, Александр Вячеславович. Раз уж вы у профессора и начмеда всё подписали. Но имейте в виду, что тут работать – не сахар. Если вы хотите работать!

– Я хочу! – шутливо-подобострастно провыл интерн.

– И здесь не балаган! Соблюдайте для начала санэпидрежим! Я, конечно, понимаю, что ваши буйные чёрные кудри даже Маргариту Андреевну лишили её обычного хозяйственного запала, но на меня они не действуют. – Интернет тут же достал из кармана халата шапочку и натянул её чуть не на глаза. – Так что если вы решили, что здесь развлекаются, то...

– Татьяна Георгиевна, я буду лучшим интерном за всю историю этого отделения! – очень серьёзно заявил он.

– Ну что ж, идёмте на обход.

«Может быть, очень даже и неплохо, что будет в отделении этот яркий наглец. Пусть его... Посмотрим», – подумала она.

После обхода заведующая занялась поступившей из женской консультации девочкой «на подшивку». У неё обнаружился кровоточащий полип шейки матки. Татьяна Георгиевна тут же сделала полипэктомию.

– Отправьте на гистологию. Cito!¹² – распорядилась

¹² Срочно, быстро (лат.).

она.

Постовая акушерка тут же унеслась выполнять. Вымуштрованностью персонала своего отделения Татьяна Георгиевна Мальцева могла гордиться по праву.

– Татьяна Георгиевна, вы же должны были у неё взять вначале коагулограмму! А вдруг бы она закровоточила? – спросил её интерн, решивший, похоже, намертво прилепиться к заведующей.

– А вдруг бы она скинула такую желанную беременность, пока бы мы ждали анализов? – вздёрнула бровь Татьяна Георгиевна.

– Всё равно, надо было назначить токолиз и ждать анализов.

– Какие грамотные пошли юнцы! – хмыкнула она в ответ. – А то, что эта девочка боится, как ненормальная? То, что она хочет домой и всё здесь её пугает? Что она просто пошла становиться на учёт, а тут такое! И она звонит мужу, а он не может отпроситься с работы, и ей не просто страшно, а ужасно, невыносимо страшно? Вы не подумали об этом? Если бы она хоть сколько-нибудь была похожа на человека с проблемами гемостаза, то я... К тому же тройка¹³ была сделана, Александр Вячеславович. Учитесь ориен-

¹³ Неразвёрнутый, но весьма информативно значимый анализ крови. Эритроциты, тромбоциты, гемоглобин.

тироваться по необходимо-достаточным данным. Или сразу после интернатуры планируйте диссертацию, скоренько защищайтесь и сваливайте в Штаты, пост-доком. А пока вы здесь – учитесь. Хорошему. Не учитесь у меня плохому. – Она улыбнулась. – Вам, разумеется, такое бы не простилось – удалять полипы без развёрнутой коагулограммы. Но вам, слава богу, пока никто не разрешает ни решений принимать самостоятельно, ни манипуляции-операции без надзора проводить. На то вы, мой милый, и интерн, а не врач.

– А вы будете её подшивать? – пропустив мимо ушей поучительную тираду, невинно уточнил интерн.

– Я дождусь гистологии полипа и понаблюдаю, как будет вести себя шейка матки. Кроме книжного знания, Александр Вячеславович, существует ещё опыт. Ремесленный опыт... И он мне подсказывает, что эту шейку не надо будет подшивать. А то, что я удалила полип сразу, избавило пациентку не только от лишних дней нахождения здесь, но ещё и от лишних тревожений из-за ожидания удаления полипа. Это иногда бывает важно. Когда женщина не успевает перепугаться. Непуганая биохимия лучше. Понимаете?

– Татьяна Георгиевна, а хотите, я закрасшу надпись про верного пёсика? – вдруг спросил её интерн.

– Хочу! – Она рассмеялась.

– Я серьёзно!

– Я тоже.

Понедельник прошёл относительно спокойно. В отделении не было никаких форс-мажоров, поэтому Татьяна Георгиевна занялась писаниной. Ещё пару раз её вызвал к себе Семён Ильич. Затем – старый друг, хирург, сунувшийся в брюшную полость и обнаруживший там внематочную. Оказалось – литопедион. Или так называемый «окаменелый плод». Встречается очень редко. По какой-то причине плод подвергается петрификации – отложению солей кальция – и может находиться в организме долгие годы. Хирург шёл на острый аппендицит – и острый аппендицит в брюшной полости оказался. И даже перитонит. И ещё какая-то... Вот на эту «какую-то» и вызвали Татьяну Георгиевну. Как будто старый друг сам не мог из живота удалить всё, что угодно. У него такой опыт, что встретить он экстра-, интра-, мезо-, ретроперитонеально – как угодно расположенных марсиан, – и тех бы удалил, глазом не моргнув.

– Я подумал, дермоидная киста. Раз на яичнике – надо акушера-гинеколога звать. Положено!

Кроме «положено!», это было на самом деле интересно. Очень интересно. Редчайшая патология. Интерн прыгал до потолка, так и эдак вертя на языке слово «литопедион», с удовольствием разделявая макропрепарат в тазу. Этот явно рождён для акушерства

и гинекологии, а не для дизайна. Хороший парень, любопытный. Интересно, кто из нынешних интернов слово-то такое знает – литопедион? И чего она так обрадовалась? Тому, что норма стала подвигом? Это даже студенты обязаны знать!

Осмотр поступивших... На втором этаже затемпературила послеродовая. Ничего особенного. Обычный день.

Ближе к вечеру к ней в кабинет вошла Маргарита Андреевна. Она была как-то нехарактерно для неё спокойна. Странная такая, задумчивая. Такой Марго бывала, только столкнувшись со сложной для неё ситуацией, только когда она взвешивала «за» и «против».

– Как тебе новый интерн?

– Да вроде ничего. Книги по акушерству читает, в отличие от многих. Внимательный. Руки не из жопы растут. Не без максимализма, но это пройдёт. В общем, пусть пока будет. Он, кстати, обещал надпись на теплоцентрали закрасить.

– Ага. Я как раз по этому поводу. Он закрасил... И если бы ты хоть иногда смотрела в окно...

Татьяна Георгиевна развернулась и тут же вскочила со стула. По проходящей вдоль всей задней стены родильного дома, прямо под окнами первого этажа наблюдационного отделения, трубе теплоцентра-

ли было каллиграфически исполнено белой масляной краской:

«Уважаемые пёсики, стоимость поздравительного места на трубе краской – пятьдесят тысяч рублей в сутки! На прилежащем к трубе асфальте мелом – пять тысяч. Обращаться в приёмный покой».

– Вот паршивец! – со смешком вырвалось у Татьяны Георгиевны. – Скажи ему, чтобы на глаза мне не попадался, пока не замажет свой прайс-лист!

– Тань... Всё равно пишут. Ты смотри, сколько нам в приём занесли... У пёсиков уже даже список, очередь... На трубу никто не претендует. А вот на асфальт... – Маргарита Андреевна вытащила из кармана несколько пятитысячных купюр.

Некоторое время Татьяна Георгиевна тупо смотрела на деньги. А потом подружки расхохотались.

– Марго! – наконец выдохнула Мальцева. – Пришли ко мне этого коммерсанта недоделанного. После того, как он уничтожит свои рекламные объявления, разумеется!

– Ну пусть уж те, кто сдал, на асфальте намалюют, ладно? На асфальте снега нет, там же теплоцентрально... В отделении как раз перчатки закончились. Я оформлю как благотворительность.

– Ага. А мне Семён Ильич потом оторвёт голову за такое... творчество!

– Не оторвёт. Он меня уже вызывал, орал. Интерна пригласил. Интерн ему расписал, как это будет здорово, если зимой устраивать конкурс снеговиков, а летом – рисунков на асфальте. Всё равно пишут. А у женщин младшие детки иногда имеются. Вот пусть летом и рисуют. Скажем, по воскресеньям. Всё равно постоянно боремся-убираем, а так хоть людям радость...

– И Сёма согласился?!

– Ты не поверишь – да.

– Начмед согласился с интерном?!!

– Ты знаешь, он такой обаятельный, этот Александр Вячеславович! – Маргарита Андреевна мечтательно закатила глаза. – С ним невозможно не согласиться! Он просто очарователен!

– Угу. И Семён Ильич решил по такому поводу поменять ориентацию на старости лет... Да он же администратор! Ему за это – трубы и асфальт – санкции грозят!

– Интерн сказал, что проведёт как мероприятия через какое-то там общество не то «Добрый город», не то «Счастливая область». Он там вроде как волонтером состоит. Так что никто не придерётся, потому что кто же захочет быть против доброго и счастливого?

– Марго... – Татьяна Георгиевна хотела что-то сказать старой подруге, но лишь махнула рукой. – Делайте что хотите! Перчатки так перчатки! Если от этого го-

род станет счастливее, а область добрее, то...

– А Светлана Борисовна стала за интерном ухлёстывать, как ненормальная! – не дожидаясь «того», тут же поменяла тему старшая акушерка отделения. – И ещё в него все акушерки влюбились. И даже старая санитарка приёма кормит его кренделями.

– Кто бы сомневался! Каждый хочет любви...

– Угу, кроме тебя.

– Я тоже хочу... Иди, Марго, не мешай мне работать!

Кадр седьмой

Каждый хочет любви

В девять часов вечера в кабинет непривычно приглушённо постучали.

– Да!

– Татьяна Георгиевна, это я! – в приоткрытую дверь всунулась голова всё того же очаровательно-нахального интерна.

– Вы что, сегодня дежурите?

– Вообще-то нет. По графику – не дежурю. Но мне здесь нравится.

– Что, дома не привечают? – усмехнулась Татьяна Георгиевна.

– Да нет. Кому привечать-то? Я один живу.

– Что ж так?

– А я не тороплюсь. Хотите кофе, Татьяна Георгиевна? Только не отказывайтесь, ради бога, а то я уже сварил! – Он толкнул дверь плечом. В руках у него были две чашки, из которых исходил соблазнительный кофейный пар.

– Чем же вы в дверь-то стучали, Александр Вячеславович?

– Я стучал в дверь... э-э-э... лбом. Да, пусть будет

лбом!

– Садитесь, Александр Вячеславович. Я выпью ваш кофе. Раз уж вы так расстарались. Кстати, вы его действительно варили?

– Действительно. Терпеть не могу растворимый!

– И где вы его варили?

– В буфете.

– И Галина Ивановна пустила вас варить кофе в свой буфет?! – ахнула Татьяна Георгиевна. Ей сразу представилась грозная баба Гала, которая была грозной бабой Галой и тогда, когда Татьяна Георгиевна сама была интерном. Чтобы она вот так вот, за здорово живёшь, без году неделя юнца пустила в свой буфет?

– Я ей помог ужин развезти по палатам. Поболтали о том о сём...

– Поболтали?! – ещё больше удивилась заведующая. Баба Гала была дама не слишком разговорчивая.

– Ну да... – Наглец, устроившись на стуле со всеми удобствами, а вовсе не на краешке, как обычно тут сидели не только интерны, но и ординаторы, с удовольствием прихлебнул кофе. – О жизни, о любви...

– Ну что ж, похвально. Александр Вячеславович, раз уж вы здесь так неожиданно, с горячим кофе, сваренным в буфете, давайте сразу расставим все точки над і... – Зазвонил внутренний телефон. Татьяна Ге-

оргиевна взяла трубку: – Да?

– Тань, зайдёшь ко мне? – заканючил Семён Ильич. – Я так соскучился по тебе. Я не выдержу.

– Я занята! – нейтрально-строго ответила она.

– У тебя что, кто-то есть, да? Баба какая-нибудь нет? Гони её! Ну, зайди ко мне, ну пожалуйста!

Господи, как же ей хотелось сказать Сёме что-нибудь вроде: «Подрочи, и всё пройдёт!» или «Иди домой и обслужи свою верную супругу, в конце-то концов!» Или про то, что трахаться в кабинете начмеда несолидно, несмотря на распрекрасную мягкую мебель. В клизменную её бы ещё пригласил за сексуальными приключениями! Умный же мужик, а как приспичит – дебил дебилем. Она ему что, резиновая кукла? Соскучился он, блин!

– Ваша проблема подождёт!

– Не подождёт! Не подождёт! Я специально тут караулил, когда все расползутся.

– Очень романтично! – вырвалось у Татьяны Георгиевны. Она мельком глянула на интерна. Тот делал вид, что ему очень интересно разглядывать стоящий напротив холодильник. Попросить, чтобы вышел? Раньше надо было. Теперь после её «очень романтично!» это совсем... Все дебилы, что старый, что молодой. Все мужики – дебилы. Надо соглашаться на Волкова. Он наверняка тоже дебил. Зато – дебил со

стороны.

– Я тебя хочу! – завыл Сёма каким-то оленьим голо- сом. Татьяна Георгиевна не хотела смеяться, но, ви- дит бог, это было так смешно, что она не удержалась и вся затряслась в утробном хохоте.

– Запишитесь на завтра!!! – взвизгнула она в трубку, давясь смехом. – Может быть, я смогу вам помочь!

– Ты что, ржёшь, скотина? – притворно надулся Сё- ма. – Танька, ты пизда с ушами! Тебе что, жалко?

– Да!

– Ладно... Но ты будешь гореть в аду за то, что му- чаешь меня всю жизнь. – Кажется, Семён Ильич на сегодня смирился. – У тебя что, этот молодой бог в кабинете сидит? Мне всё доложили! Так что пиши на завтра заявку на кесарево, на пятом этаже, и присы- лай этого кадра ко мне с бумажкой на подпись.

– Какого чёрта ты не берёшь в ассистенты патоло- гию или физиологию, если это пятый этаж? – возму- тилась она, уже не обращая никакого внимания на ин- терна.

– Потому что я тебя хочу! – снова заныл Сёма. Но быстро прекратил и стал деловитым. – Пиши: Ев- сеева Ангелина Дмитриевна, сорок два года, бере- менность четвёртая, тридцать девять – сорок недель. ЭКО. Тройня. Мумификация одного из плодов. Теперь понимаешь, почему тебя беру?

– Анатолий Витальевич отлично бы справился! – буркнула она в телефон.

– А я хочу тебя. Таня, я тебя прошу, не трахайся с малолеткой! Умоляю тебя, не надо! – не совсем искренне заёрничал Сёма.

– Всё зависит от клинической ситуации! – ответила она, еле сдерживая снова подступающий к диафрагме хохот.

– Ладно... Шли бронеподрустка с бумажкой. Я через полчаса уезжаю домой!.. Точно не зайдёшь?

Последнего Татьяна Георгиевна уже не услышала, потому что положила трубку.

– Начмед, – пояснила она отвлекшемуся от пристального изучения холодильника интерну.

– Я понял.

– Раз вы такой понятливый, Александр Вячеславович, я хочу...

– Расставить точки над *i*! – услужливо напомнил паршивец, сверкая потрясающими глазами.

– Да! – сказала Татьяна Георгиевна. И вместо расставления пресловутых точек над не менее пресловутым *i* протянула интерну бланк заявки на операцию. – Пишите! – Она продиктовала необходимое, включая хирурга и ассистентов.

– Ух ты, круто! Мумифицированный плод! Спасибо, что берёте! – опять по-щенячьи восхитился этот уже

взрослый, в сущности, мужчина.

– Не думаю, что сама Евсеева считает, что это круто. Так что вы, Александр Вячеславович, воздержитесь от восторженных комментариев в операционной. Тем более что у нас, в отличие от ургентной главного корпуса, оперируют в основном под спинномозговой или эпидуральной, а не интубируют. Договорились?

– Татьяна Георгиевна, вы меня совсем дебилом считаете?

– Я всех мужчин, Александр Вячеславович, считаю дебилами.

– Да вы сексистка! – интерн состроил возмущённо-шутливую мину.

– Ага, она! – улыбнувшись, согласилась заведующая. Ну уж очень потешная была у интерна морда и уж очень он был, чёрт возьми, мил! Она расписалась в бумажке. – Вы тоже поставьте подпись напротив своей фамилии. А сейчас идите в кабинет к Семёну Ильичу. Главная виза на заявке в операционную – его. Всегда. В особенности когда он – хирург. Знаете, что такое «заказать операционную»?

– Надо позвонить на пятый этаж и сказать дежурной операционной сестре и заведующему родильно-операционным блоком физиологии.

– Правильно. Вот и умница. Идите, исполняйте. И чашки заберите. И помойте. Не то это будет ваша пер-

вая и последняя гастроль у бабы Галы.

Интерн козырнул, взял со стола чашки и вышел.

– Не закрывайте дверь, только прикройте! – сказала ему Татьяна Георгиевна.

И тут же погрузилась в очередные бумаги. Какие-то новые приказы, которые выдумывают не то от нечего делать, не то по полному незнанию нужд родильных домов в целом и наблюдационных отделений в частности. Ещё что-то, требующее немедленного изучения... От попытки сосредоточиться на ватном казённом тексте её отвлек мощный рык Галины Ивановны:

– Сашенька, оставьте чашки! Я сама помою. Вы же всё-таки доктор, а не посудомойка!

Чудеса да и только! Баба Гала даже на неё кидает испепеляющий взгляд, если она – заведующая! – посмеет оставить в буфете немытую чашку. Она ей, значит, посудомойка?! Мир сошёл с ума...

Татьяна Георгиевна поднялась, плотно прикрыла дверь, открыла окно и закурила. Всё суета сует, кроме синего морозного февральского вечера. Всё тлен, кроме природы и географии. Все мы – всего лишь биологический кунштюк.

Она довольно улыбалась совершенно непонятно чему. Наверное, снежной бабе, вылепленной кем-то прямо напротив её окна. На голове у бабы было алое пластмассовое ведёрко, на шее на широкой ленте

висело красное плюшевое сердце. Куда-то вбок была воткнута бордовая роза. Чему же она улыбается? Неужто растрогалась? Нет! Она улыбается старому анекдоту! День святого Валентина, лавка подарков. Покупатель просит продавца:

– Дайте мне, пожалуйста, вот эту плюшевую жопу!

– Это сердце! – возмущённо отвечает продавец.

– Молодой человек, я двадцать лет работаю кардиохирургом! Я знаю, как выглядит сердце. Так что дайте мне, пожалуйста, вот эту плюшевую жопу!

Завтра День святого Валентина. Кто-то слепил своей беременной или уже родившей жене «валентинку». Сёмина баба с ЭКО хочет родить в День святого Валентина. Завтра молодые дурачки будут дарить друг другу дурацкие глупости. Ей, Татьяне Георгиевне, сегодня принесли собственноручно сваренный кофе в кабинет. И пригласили на случку в кабинет к начальству. И то и другое – всего лишь этапы одного и того же дурацкого пути. Какая такая любовь?! Увольте! Одна сплошная плюшевая жопа...

Она захлопнула окно. Села и, поёжившись, принялась за работу.

На следующее утро пятиминутка была проведена молниеносно. Ещё бы – первая операция была именно у начмеда.

– Ну идём, быстренько по кофе – и работать! – Се-

мён Ильич чуть не за руку потащил Татьяну Георгиевну в кабинет.

– Только кофе! – строго сказала она старому... Старому кому? Старому другу? Старому любовнику? Старому начальнику?..

– Размечталась! Я прям разбежался и что-то кроме кофе! Похотливая самка! О работе думай!

Сёма споро заправил в кофеварку порошка и воды – и она, зловеще-припадочно всхлипывая, забулькала. Через две минуты суррогат был готов.

– Ты уже сказала поднимать?

– Интерн ещё до пятиминутки распорядился.

– Шустрый какой. Толк будет?..

– Не знаю ещё.

– Мне толковые нужны. Хотя куда я его впихну, даже если он гений? Штатное расписание не резиновое. Ладно... Слушай, у этой Евсеевой не жизнь, а чисто мыльная опера. Первый муж был любимый так, что искры из глаз. Совсем молоденькими поженились, она забеременела, он куда-то в горы полез – разбился. Маменька её настояла на аборте. Учёба, все дела, кому ты нужна с ребёнком... Второй раз вышла замуж лет через пять. Опять же по большой любви. Забеременела. Муж оказался слегка припадочным. И как-то, приревновав, натурально поколотил. Ногами. В том числе по животу – скинула. Развелась. Замуж

долго не шла. Где-то к тридцати пяти ещё раз. И снова по большой любви. Забеременела. Двойней! Както уже в порядочном сроке пошли с очередным любимым мужем в ресторан. Поругались. Любимый её в ресторане кинул. По счёту заплатил, сам на такси сел, а ей даже денег на карман не оставил. И она пешком, ночью, с пузом, топала домой. Сквозь слёзы, сопли и прочую мглу. Дорогу переходила, а там... сбили, короче. Слава богу, сама жива осталась, но в больнице долго лежала. Двойня гикнулась, срок ещё был не самый витальный. Развелась. С сорока лет по ЭКО пошла, замуж больше не захотела. Она сама тётка не бедная, так что может себе позволить. В общем, с третьего раза получилось. И вот надо же какая планида, а? Один плод мумифицировался. Так что операция у нас трепетная во всех смыслах. Двойня, ещё и заклиненная ко всему прочему. Я бы её, разумеется, с таким анамнезом, в таком возрасте, да после ЭКО, с мумифицированным, да ещё и с заклиненной двойней, не пускал бы в роды, естественно. Уговаривал ещё недельку подождать. Но тут её самую заклинило. У неё там мальчик и девочка. Хочет назвать Валентином и Валентиной...

– Идиотка.

– Желание идиотки – закон. Кровь заказали? Плазму?

– Сёма, всё заказано.

– Антибиотики она купила. В общем, допивай, пошли. Кто там наркотизатор?

– Сёма, это ты не меня спрашиваешь, да? Это ты сам себе напоминаешь, что днём на плановых у нас работает тот же, кто и всегда работает днём на плановых, – Аркадий Петрович Святогорский.

– Да? Почём я знаю, может, ты тут революцию кадровую в моё отсутствие устроила, пользуясь служебным положением! И сместила Аркашу с должности заведующего отделением анестезиологии и ПИТ. Давно пора... С такой фамилией мог бы не быть таким рвачом.

– Сёма, Аркаша не рвач. Он – врач! И преотличный! И ты это знаешь.

– Знаю, знаю... Идём.

В лифте ехали молча. Семён Ильич любил ездить в грузовом лифте. Ещё с интернатуры. Казалось, это добавляло ему значимости. Тогда. Сейчас осталось привычкой. А при грузовом лифте положена санитарка. Зачем она там? Совершенно непонятно. Вообще-то она санитарка приёмного. Ещё и приёмного. Хотя в приёмном – своя санитарка. А эта – по совместительству. В общем, в том штатном расписании давным-давно черти ноги поломали и хвосты поотрывали вместе с копытами.

– Доброе утро! – хмуро буркнул в пространство предбанника операционной Семён Ильич. Это он любил – хмуро буркать. Все сразу затихали, и атмосфера становилась чуть более торжественной, чем положено. Настолько торжественной, что, пожалуй, даже мрачной. Ещё и поэтому Святогорского нельзя было никуда «смещать». Потому что он один мог шутить в присутствии начмеда. Это немного разряжало обстановку. А кому нужны шутки анестезиолога? Пациентке в первую очередь. Женщина лежит на столе, как на сцене, обнажённая, всего боится... А тут ещё весь «партер» так торжественен, как будто гимн исполняют.

– Что-то вы, господин паж, много себе позволяете! – вдруг взвился начмед, зайдя в операционную с воздетыми намытыми руками.

Интерн уже обложил операционное поле. Не сам, разумеется, а с операционной сестрой.

– Вы чего, Семён Ильич?! – удивилась давным-давно проверенная сестра, работающая по давным-давно же отработанному алгоритму.

– Переложиться! – коротко и грозно кинул начмед. Ему подали халат и перчатки. После чего он «переложился». То есть раскучил простыни и тут же вернул их на место, как было. Аркадий Петрович покрутил пальцем у виска и, глянув на Татьяну Георгиевну

укоризненно – ну да, на кого же ещё?! – сказал женщине на операционном столе:

– Ангелина, вы как?

– Всё хорошо! – мужественно сказала дама отягощённого акушерско-гинекологического анамнеза. Что в переводе значит – «тяжёлой женской судьбы».

– Вы не смотрите, что доктора у нас такие хмурые. Это они с похмелья. Сейчас скальпели в руки возьмут – и дрожь уймётся! И настроение улучшится. Рефлекс!

– Всё бы вам шутить, Аркадий Петрович! – нервно хохотнула Евсеева.

– Аркадий Петрович у нас тот ещё клоун! – мрачно констатировал начмед и пощипал Евсееву зажимом за кожу надлобковой области.

– Обижаете, Семён Ильич! – пожал плечами анестезиолог. – Работаем.

Операция была не из лёгких. Но и не из сложных, как можно было ожидать, тьфу-тьфу-тьфу! После рождения здоровых плодов извлекли мумифицированный. Эх, иногда в интубации есть свои плюсы – можно пофуфукать на всю операционную. А когда женщина в сознании... И спать не желает... Хорошо, что Святогорский на своём месте. Семён Ильич сегодня не был настроен беседы беседовать. Татьяна Георгиевна разговоры в операционной не любила. А у

интерна помалкивать – благоразумия хватало.

После ушивания матки начмед брякнул:

– Оставляю вас, Татьяна Георгиевна, с вашим пажом. Рукастый мальчик, мешать вам не будет.

Татьяна Георгиевна молча перешла на место хирурга. Семён Ильич с таким треском сорвал перчатки, что, казалось, руки хотел себе оторвать.

– Брюшную полость промыть, оставить дренаж. Антибиотикотерапию расписать. Лаборантку в операционную вызвать. Если что – кровь прокапать. А сейчас – плазму.

– Уже стоит, – отрапортовал Аркадий Петрович.

Татьяна Георгиевна от комментариев типа «сами знаем» воздержалась. Тут все всё давным-давно сами знают. А также знают, что Семён Ильич – начмед. И отчего-то сильно не в духе. Хотя кесарево сечение прошло просто-таки, ещё раз тьфу-тьфу-тьфу, прекрасно. Семён Ильич не только оперировал каждый раз, как образцово-показательный атлас по топографической анатомии и оперативной хирургии писал, у него ещё было исключительное хирургическое чутьё и исключительная же хирургическая удача. Талантлив, короче, Сёма. Талантлив, умён, красив и обаятелен – из песни слов не выкинешь.

– Аркаша, в ПИТ положишь на сутки, понаблюдать, ладно? – голосом уже немного похожим на челове-

ский сказал Семён Ильич.

– Хорошо, Сём.

Они давно работали вместе. И Аркадий Петрович прекрасно понимал, отчего Семён Ильич бесится. Лось в гоне тоже бесится. Танька, паскуда, не дала. Давно пора. Сделал себе вечную куклу, всегда под рукой. Фронтные жёны уже давно не в моде. Красивая баба, сто раз семью могла завести. А этот мудака её всю жизнь под рукой держит, скотина. И ведь хороший мужик. И жена у него хорошая. Не такая яркая, как Танька, зараза. Но по-своему хорошая. Каждый хочет любви... И только любовь никого не хочет. Существует, видимо, сама по себе, и плевать ей на жалкие человеческие желания.

Евсеева держалась очень хорошо. Ни тебе слёз, ни тебе лишних вопросов. Немудрено – с таким-то ананезом жизни. И тоже вот – всё сплошь истории любви.

– А кто он был?.. Третий, – всё-таки спросила она.

– Ангелина Дмитриевна, у вас мальчик и девочка. Здоровые и красивые. Как вы хотели.

– Да... Хотела. Они меня будут любить безоговорочно. А я – их. Я подумала, что если рожу их в День святого Валентина и назову Валентином и Валентиной, то им повезёт... В любви... – она расплакалась.

– Ну вот! – шутливо-грозно погрозил ей пальцем

анестезиолог. – У нас каждая капля жидкости на счету, а она рыдает. Сейчас давление ка-ак упадёт! Из-за гиповолемического шока! Ну ладно, кровопотеря! Положено... А тут ещё и слёзы... Немедленно прекратить рыдать, если не желаете анурии!

– Я от радости! – всхлипнула Евсеева.

– Ну, тогда ладно! – растёкся в трогательно-хитрой кошачьей улыбке Аркадий Петрович и подмигнул анестезистке. Та тут же раскрыла ампулу, набрала в шприц и ввела в капельницу. Пациентка уснула «на игле».

– Пусть немного отдохнёт! – сказал он Татьяне Георгиевне.

– Аркадий, я в тебя верю, как в Иисуса. И даже больше. Потому что воскресит ли меня Иисус, если что, – я не уверена. А вот ты будешь воскрешать и воскрешать до полной и окончательной смерти моего мозга.

– Ну и шуточки у вас, госпожа Мальцева! – загоготал Аркадий Петрович. – И с констатированной смертью мозга я тебя ещё долго от АИК¹⁴ и ИВЛ¹⁵ отключать не буду. Буду тебя единолично пользоваться!

– А у тебя какие шуточки?

– Какая жизнь, такие и шуточки.

– Пошляк!

¹⁴ АИК – аппарат искусственного кровообращения.

¹⁵ ИВЛ – искусственная вентиляция лёгких.

– Между прочим, сегодня День святого Валентина, любимая! – напомнил анестезиолог. Вполне счастливый в семейной жизни однолюб.

– Тоже мне, праздник, – фыркнула Татьяна Георгиевна.

– Не, я к тому, что не важно, какой праздник. Потому что у нас давно нет праздников, одни только поводы.

– Старый циник!

– От такой же слышу!

Ушивая кожу, можно и поболтать спокойно.

Все дренажи введены, все повязки наложены. Моча катетером выпущена. Евсеева переведена в палату интенсивной терапии. И даже двойняшек ей через пару часов принесли.

– Всё хорошо? – позвонил своему первому ассистенту Семён Ильич.

– Да.

– Вот что значит хорошая предоперационная подготовка. Ты своему дубиноголовому интерну протокол не доверяй. Сама напиши.

– Он не мой. И не дубиноголовый. Я ему уже всё продиктовала.

– В ПИТ заходила?

– А как же! Хотя, напоминаю, это твоя пациентка.

– Я позже зайду... Ты не хочешь со мной вечером куда-нибудь пойти, выпить? Потом к тебе завалим-

ся...

– Нет, Семён Ильич, не хочу.

– Ты что, меня в отставку отправила, я не понял? Так и скажи. Я переживу! Наверное...

– Не отправила, Сёма. Просто сегодня вечером я не хочу «ко мне заваливаться». Ни с тобой, ни с кем-нибудь другим. Иди домой, к жене.

– Что ты заладила, к жене, к жене... Я занят!!! – зарорал он в сторону от трубки. Видимо, кто-то опрометчиво ворвался в кабинет после формального стука, не дожидаясь разрешения. – Мне что, разводиться теперь на старости лет?

– Нет, разводиться не стоит. Тем более – на старости лет. Я говорила совершенно искренне, Сёма. Иди к жене, она тоже хочет любви. И твоя жена любви заслуживает. И я заслуживаю. Чем отличается любовь к жене от любви к любовнице, ты мне не объяснишь, Семён Ильич? Раз уж ты нас обеих любишь, мусульманин хуев!

Семён Ильич с той стороны так звезданул трубкой об телефон, что аппарат, исправно осуществлявший внутреннюю связь уже много лет, разлетелся на две части. Толку? Со стороны Татьяны Георгиевны из трубки всего лишь потекли короткие гудки...

– Так чем отличается литопедион от литокелифо-

за¹⁶? – После формального стука, не дожидаясь разрешения, в кабинет вошёл интерн Александр Вячеславович.

¹⁶ И то и то – мумифицированные плоды, погибшие внутриутробно и подвергшиеся кальцинозу.

Кадр восьмой

Чем отличается смерть от смерти

В семь часов вечера в кабинет заведующей обсервационным отделением зашёл Святогорский. Расчётное время его ухода с работы было не то 16.45, не то 17.30. Но на «расчётные времена» никто, кроме контрольно-ревизионного управления, уже давно внимания не обращал. Семь вечера – это ещё рань несусветная. Аркадий Петрович был одет уже «по гражданке», на боку болталась его вечная сумка. Сто раз уже ему дарили на дни рождения крутые портфели и стильные саквояжи, но он тут же отдавал их своим великовозрастным сыновьям и продолжать таскать на себе эту дурацкую суму с надписью «USSR». Иногда жена Святогорского засовывала этот баул со скальпированными ранами на кожном ремне, сквозь которые просвечивал жалкий посеревший дерматин, на антресоли, на дачу... Но у Аркадия Петровича начиналась форменная истерика. Друзья советовали ей выкинуть этот ужас на помойку, но она понимала: как ни дорог ей приличный вид мужа, но своя жизнь – дороже.

– Тань, пошли в ресторацию бухать!

– А пошли! – неожиданно легко согласилась Татьяна Георгиевна. В отделении всё спокойно, в родзале – никого. Что она, в конце концов, не может пойти вечером «в ресторацию бухать»? – Ты иди, Аркаша. Я через час подойду.

«Ресторация» была Татьяне Георгиевне давным-давно – если не сказать «издревле» – известна. Ещё будучи интернами, они ходили в тогда ещё не «ресторацию», а кафе, выпить «пятничную» за горе и радости. Именно в этой тогда ещё кафешке возродились их с Сёмой, казалось бы, навсегда похороненные чувства. А были ли они, эти чувства? А если были, то были ли эти чувства должным образом похоронены? И воскрешение ли это было или деловитая эксгумация? Самый красивый парень на курсе. Спортсмен, все дела... Самая красивая девочка на курсе, перебирает мужиков, как хороший фермер – картошку. Сколько они ещё студентами друг другу нервов потрепали. Пустое...

Позже, когда кафе переделали в ресторан, так и у них – у тех, кто остался тут, – денег стало чуть больше. Точнее – то не было вообще, то – чуть больше. У самых удачливых – изредка случалось чуть больше большего. Ключевое слово «изредка». Да... «Ресторация» была далеко не перворазрядная. Но милая и приятная. А главное – своя. Хозяин их знал и даже

гордился тем, что тут собираются доктора. Повара и официанты – тоже уже вроде родни. То чью-то бабушку в отделение инвалидов отечественной войны госпитализируют «по благу», благо отделением ИОВ заведует Аркашина жена... Отделение Исполняющего Обязанности Всевышнего. Нарочно не придумаешь. Закроют скоро это отделение... Перепрофилируют... То чью-то бабушку – сюда, то чьего-то дядюшку – на лито-трипсию вне очереди «по бюджету». Ну и так далее. У второй жены хозяина Татьяна Георгиевна роды принимала. Впрочем, как и у первой. Только когда ресторатору была актуальна первая жена – Мальцева ещё ординатором числилась. А когда вторая – так уже заведующей стала. Всё течёт, всё меняется, кто-то стареет, кто-то сплывает, а кто-то – становится. Диалектика... И только женщины беременеют и рожают. Беременеют и рожают. Кто от большой любви, кто – по большой нужде. О какой такой безусловной любви говорила Евсеева? Нет её, этой безусловности. Даже в любви. Нет-нет, возможно, эта Евсеева и будет любить своих Валентинок безо-глядно. Но вряд ли – безусловно. Безумно любя, она будет отмечать – про себя ли, вслух ли, – что у Валентины кудри белее, а Валентин – в математике лучше кумекает. Или наоборот. Или вообще про другое. Но отмечать будет, волен-с или неволен-с... Человек большей частью нево-

лен-с. И, соответственно, не безусловен... Она-то их будет любить, это понятно. Условно или безусловно – но будет. Любить. А вот они её?.. Неизвестно.

Бабы, как ни крути, дуры. Вот захоти Татьяна Георгиевна ребёнка, разве стала бы она пользоваться донорской спермой? Откуда ты знаешь, что там за донор у этой спермы?! Фотография? Ну, так, может, этот донор просто фотогеничен. Или фотография классным фотографом сделана. Пусть даже он красавец писанный, но... Но писает криво. Или чавкает. И бабушка его чавкал. Или, скажем, пальцем в носу ковыряет. А бабушка его сошла с ума, пытаюсь вспомнить, куда засунула сто рублей на чёрный день. ЭКО – ладно, пусть будет. Всякое бывает. Гонорея трубы съедает. Синдром хронических тазовых болей с морозной короткоюбочной юности покоя не даёт... Но надо хотя бы в двадцатом приближении представлять, кто тебе половину материала на постройку объекта «безусловной любви» даёт! Как он ест, как спит, что читает в туалете... Как в окно смотрит. Нравится ли ему сидеть на подоконнике во время дождя и о чём он думает на берегу океана. Всякие такие якобы мелочи, позволяющие определить качество «строительного материала». Плох тот прораб, что ничего не знает о кирпичах и досках. Опять же, что это за безусловная любовь, объект которой создаётся искусственно, как

гомункулус какой-то!

С другой стороны – она прекрасно знает Сёму. И как он в окно смотрит, и как на подоконнике сидит. И как плачет пьяный на берегу океана под огромными звёздами. И как смотрит на неё, когда думает, что она спит. Что же она, Татьяна Мальцева, не создала себе «объект безусловной любви», хотя Семён Ильич сто раз был не против, а несколько раз – даже слишком сильно за?

Да потому, что ребёнок – не игрушка! И плоть и кровь он твоя только очень условно. Разве что для ДНК-анализа. Так что, дамы и господа, все эти ваши «хотения детей» – не более чем рефлекс. Инстинкт продолжения рода. Как, извините, продолжение безусловного – о да! – полового инстинкта. И потому понятно, когда вы ищете пусть не семьи, но покрепче, покрасивее, поосанистее, посообразительней. Но когда относительно состоятельная дама выбирает в альбоме анонимного донора спермы – это отчаяние, а не разумный обдуманый шаг, сколько бы она ни объясняла его разумность и обдуманность себе или окружающим.

Не любят детей безусловно. И уж тем более не любят безусловно дети. Любовь – это миф. Миф, выдуманный людьми, чтобы жизнь не казалась скотством. Хотя что плохого в скотах? Вот они-то как раз способ-

ны если не на безусловную любовь, то хотя бы на безусловную привязанность. Облезлый пёс, идущий на грязной верёвке за вонючим бомжом, привязан к нему стократ больше, чем привязана она, Татьяна Георгиевна, к Семёну Ильичу или Семён Ильич к ней. Кинется Семён Ильич за неё в драку? Кинется. В драку цивилизованную. До первого фингала. А в огонь и в воду? Нет, разумеется. Тут же о детках своих вспомнит. Троих. И о своей к ним «безусловной» любви. Кинется она за Сёму в огонь и в воду? В воду – сколько угодно. Если вода тёплая. Морская. Неподалёку от фешенебельного бунгало. В огонь? Ну уж нет. Что она, пожарный? Пусть в огонь кидаются те, кому это ремеслом положено. В специальных костюмах, в противогазах, со знаниями об обратной тяге и прочих органолептических свойствах плавящегося пластика. Татьяна Георгиевна ни за кем в огонь не кинется. Нет у неё ни детей, ни безусловной любви, ни даже безусловной привязанности.

И какого дьявола тупо целый час пялилась в кокрановское руководство? Бессмысленнейшая книжонка, честно признаться... В отделении тихо. В родзале никто не орёт. Можно и в ресторацию.

Татьяна Георгиевна сходила в душ и переоделась. Надо же! Она забыла, в чём вчера пришла на работу. И это при её-то любви к тряпкам! Вполне себе такой

крепкой любви, условия которой известны: есть деньги – есть хорошие тряпки; нет денег – одевайся соответственно. Ещё одно условие для тряпок – фигура. А уж это условие у Татьяны Георгиевны в наличии!

Она с удовольствием оглядела себя в зеркале. Пусть она трижды заведующая и вообще уже редко вспоминает, что она ещё кто-то кроме акушера-гинеколога, но в зеркало она себя оглядывает с удовольствием! У неё в кабинете между холодильником и кроватью есть зеркало! Отличное зеркало, позволяющее оглядывать в полный рост все дарованные природой и собственными усилиями приятные условности, благодаря которым волковы шлют цветы-духи-бутылки, семёны ильичи вождедеют и даже хорошенький юный глупец кофе прямо в кабинет подаёт. Не обделена самцовым вниманием. Всю жизнь не обделена. Вот и надо пользоваться, пока крепкая генетика выписывает отсрочки!

Нет, ну надо же! И правда забыла, в чём на работу пришла!

Татьяна Георгиевна с удовольствием натянула дорогой свитер тонкой шерсти, нежный, как иным мужским ласкам и не снилось. Медленно и с удовольствием вползла – иначе и не скажешь! – в качественного трикотажа длиннущую юбку. Свитер чуть зеленее, юбка – чуть более хвойная. Бежевые замшевые са-

поги с высоким голенищем... Длиннущее полотнище шарфа цвета обожжённой светлой глины, причудливо навитое вокруг шеи. Короткая светло-коричневая кожаная куртка с норковым воротником колера топлёного молока. Для кого всё это? Для себя. Для безусловно любимой себя. В «ресторации» будет, как всегда, не сословно и забавно. Весело и грустно. Да, забавно – это именно когда весело и грустно. И все – от молоденьких до того же Аркаши – будут глазеть на Татьяну Георгиевну. Кто восхищаясь, а кто и вождедея. Эх, жаль, Семён Ильич на эти сборища уже давно не ходит. Не рангово. Забурел. Непременно припрётся – ближе к концу – жена Святогорского. Вечная трезвенница. Будет, поджав губы, смотреть на всех осуждающе, заведующая исполнением обязанностей Всевышнего, чтоб ей! Будет тащить Аркашу домой. А он будет сопротивляться и пить «на коня» бесконечно, прижимая к себе потрёпанную сумку «USSR», как самое драгоценное сокровище, как ту самую безусловность, что необходимо спасти любой ценой в самой что ни на есть urgentной ситуации.

– Та-а-а-ань! – радостно заголосил Аркаша, когда она вошла в отдельный кабинет «ресторации», навсегда зарезервированный за ними «по пятницам», а также в любые праздничные дни любезным и благодарным хозяином. – Давайте выпьем за самую краси-

вую женщину нашей больницы! Да какой нашей! За самую красивую женщину всех больниц этого города, этой области, да и вообще – всей планеты Земля! – градус радости Аркадия Петровича был уже явно куда выше среднего.

Сидящая рядом с заведующим отделением неонатологии молодая медсестричка скорчила куриную попу из милых, хотя и весьма банальных пухлых губок. Ах, знала бы ты, ласточка, как мы с твоим разлюбленным Владимиром Сергеевичем по молодости отожгли пару раз – ты бы ещё и яичко этими губками снесла!

Медсёстры уже давно к «ресторации» не допускались. Обычные медсёстры. Старшие отделений, главная больницы – пожалуйста! Была бы охота... Охота частенько была – не было возможности. Та же Марго с удовольствием бы пришла. Но «в хате жрать нечего, псина не выгуляна, Светка неизвестно где шляется». Дела житейские, короче. Да и такта хватало у старших и главных. А молодой средний персонал давно в эту компанию не допускался. Но Владимир Сергеевич отмочил!.. Бабник он известный. Первая жена. Вторая жена... Со второй долго жил. А тут явление – медсестричка устроилась в неонатологию. Хорошенькая, но рядом со второй Володькиной женой и рядом не стояла. Есть разница между отличным персидским ковром ручной работы и хорошеньким конвейерным коври-

ком из Икеи. Первый – не только произведение искусства, не только ранговая вещь, но и вложение. Второй частенько жуть как хочется купить, такой он симпатичный и уютненький, и страсть какой таки хорошенький, но ровно через месяц его без сожаления выносишь на помойку. Ну, или передариваешь, перекрестившись.

Трахал-то Владимир Сергеевич и прежде всё, что шевелится. Но тут!.. Нет, и тут трахал – никто поначалу и внимания не обращал. Но он вдруг от красавицы жены уходит. И женится на медсестричке. И не просто женится, а в институт устраивает... Пардон, в академию. На какой-то там факультет для медсестёр. Опять же как «у них в Америке». Сделали факультет высшего медсестринского образования. Зачем? Медсестра – она медсестра и есть. Если рукастая и должный характер имеется – она своё «высшее» на рабочем месте получит. А если руки не из того места колосятся и склонности нет – учи, не учи... У этой – особой склонности не наблюдалось. Хорошая детская медсестра – это призвание. Такое же призвание, как и всё в этом мире – от столярных работ до полётов в космос. Но в академии было всё модно нынче, всё по разнарядке. Так что и факультет для медсестёр организовали. С вечерней в том числе формой обучения. Вот чего она не на занятиях, а тут? Володька тоже бы мог соображение поймать и пореже её за собой тас-

кать. Чем они мужиков берут, эти девочки? Телом молодым? Так и без печати в паспорт этих молодых тел кругом – только успевай из завалов выкарабкиваться. Но именно на этой, не слишком, как и все они, особенной Владимир Сергеевич женился. Вторая жена его с хаты быстро выставила, благо она её собственная была. И он снял квартиру. Так что доходы его сильно поредели. За девчущку в вуз плати, за съёмное жильё – вынь да положь! Вот и сидел сейчас Владимир Сергеевич, и без того по жизни не слишком доброжелательный и радостный, мрачнее тучи. И вот чего, спрашивается, припёрся?

– Дай хоть куртку сниму! – усмехнулась Татьяна Георгиевна в ответ на Аркашины тирады. – Всем привет! – Она оглядела компанию. Были в основном за-всегдаи. Заведующий отделением анестезиологии и реанимации главного корпуса, заведующий урологией, пара хирургических мужиков, заведующий пульмонологией, противное явление природы из гинекологии – будущий, по слухам, заведующий. Начмед поликлиники, вечно недовольная дамочка. Причём вечно недовольная своим мужем – заведующим урологией. Володька со своей фифой. Один молоденький ординатор из гастрохирургии. Ещё один молоденький ординатор из травмы. И парочка «приблизённых» к заведующим толковых интернов. Молоденький орди-

натор из гастрохирургии – как его? Вадик? – был как будто пыльным мешком прибитый. И глаза красные.

– Не-не-не! Сперва пьянка, а потом уж – стриптиз! Ты и в одежде тут всем крышу сносишь, что же будет без?!

– Без будет всё то же, что ты сегодня видел в операционной! – Татьяна Георгиевна сняла, наконец, куртку и села за стол.

– Не-е-е, – протянул Аркадий Петрович, размахивая полной рюмкой. – В операционной нет мужчин и женщин! Там ты просто гуманоид противоположного полового вида, а вовсе не сексуальный объект!

– Я вообще не сексуальный объект, Аркаша. Ты в курсе.

– Очень даже! О-о-очень даже сексуальный ты объект! – не соглашался хмельной Святогорский. – Если бы я ещё мог... То есть я хотел сказать, что если бы я не был верным мужем своей верной жены, то я бы очень даже хотел поработать на таком сексуальном объекте!

– Танька – секретный сексуальный объект! – выкрикнул заведующий урологией. – На неё без соответствующей формы допуска не попадёшь!

– Пить будем или как? – мрачно уточнил Владимир Сергеевич. – Сколько можно рюмки держать?

– Будем, Володька, будем! И пить будем, и ещё пить

будем!

– Действительно, давай уже, Аркаша! Толкай свою речь, не задерживай почтенную публику с протянутой тарой! – подбодрила его Татьяна Георгиевна.

– Сегодня, друзья мои, – сосредоточенно и торжественно начал Аркадий Петрович, – хоть и не пятница, а всё-таки праздник. День какого-то там, чуждого нам, святого Валентина. Говорят, он венчал всякий сброд, какой венчания в порядочном обществе по умолчанию не заслуживал. Так давайте выпьем за то, чтобы всегда нашёлся мужественный идиот, готовый пойти на костёр, чтобы мы все могли совокупляться относительно чистыми если не перед людьми, то перед богом! Особенно с такой красивой женщиной, как Татьяна Георгиевна! – Святогорский опрокинул рюмку и шлёпнул ею об стол. – До дна!

– Я не хочу до дна! – прогундосила молоденькая медсестричка, любуясь тоненьким обручальным колечком на прозрачном безымянном пальчике.

– Не пей, котик. Никто не приговаривает, – шепнул ей Владимир Сергеевич, сам тем не менее опрокинувший рюмку так же лихо, как и бравый наркотизатор.

– А я не хочу совокупляться перед богом! – строго и серьёзно сказал заведующий анестезиологией и реанимацией главного корпуса.

– Тебе, Митя, уже и перед людьми должно быть

стыдно совокупляться! – заржал Аркадий Петрович. – Тебе уже вообще стыдно совокупляться! Потому что ты к этому уже так же не способен, как и я. Но ещё корчишься. А это стыдно – корчиться, когда уже не способен! Кто с водкой, Митрий, дружен, тому секс, как известно, не нужен! Ты вспомни свою последнюю гастроль!..

«Последняя гастроль», как назвал её Святогорский, самый близкий друг заведующего анестезиологией и реанимацией главного корпуса Дмитрия Андреевича Фирсова, и правда шороху наделала. Фирсов чуть из заведующих не вылетел – так главный врач разозлился. И было за что. Фирсов напился в зюю. Не на работе, а на рыбалке. Кому какое дело, что кто-то напивается на рыбалке? Никакого. Но Фирсов не просто напился на рыбалке, он ещё решил с кем-то не то мимо проходящим, не то за соседним костром сидящим выяснить отношения. И трезвый-то Дмитрий Андреевич нравом тихим и ласковым не славился, а уж приняв чуть больше нормы – вообще из берегов выходил. Все это прекрасно знали и больше положенного Фирсову не наливали. Но на рыбалку его пригласил благодарный, вытщенный буквально с того света пациент. Когда окончательно выздоровел, разумеется. И этот товарищ норму Дмитрия Андреевича не знал. И даже не подозревал о том обстоятельстве, что чуть больше

своей нормы выпивший Фирсов не только из берегов выходит и ни чинов, ни званий, ни руля, ни ветрил не имеет, но ему ещё и становится позарез необходимо женское общество.

Вот и на той рыбалке в заповедной зоне не то мимо проходил, не то за соседним костром сидел кто-то с бабой. Фирсов принял – много и резко – и привет! Отправился очаровывать даму. А при даме – джентльмен. Неизвестно, что там Дмитрий Андреевич из себя изображал – возможно, что и чемпиона вселенной по всем вместе взятым боевым искусствам, – но джентльмен при даме повёл себя совершенно не поджентльменски и треснул Фирсова якорем. Хорошо по голове не попал. Благодарный бывший пациент зывал к здравому смыслу, дама верещала, а заведующий реанимацией и анестезиологией под шумок сел за руль и почесал в дом родной. То есть – в больницу. Как доехал?! Благо тёмная ночь была... Швы ему на рассечённое якорем бедро в приёмном наложили скоренько. И он отправился в свой кабинет. Поспать, в себя прийти... Но вызвал анестезистку. Потому что самому ему спать не хотелось. А утром прямо к нему в кабинет зашла родная жена. Очень беспокоилась, почему её ненаглядный муж, кобеляка, вовремя – то есть к сильно раннему утру – с рыбалки не вернулся. И почему мобильный не отвечает, в кабине-

те телефон – никто не берёт, а в городской телефон отделения, тот, что в ординаторской, отвечать чётко как-то не торопятся, мнутя. Сперва: «Дмитрий Андреевич где-то был...», потом «Дмитрий Андреевич куда-то вышел...». В общем, она и пришла прямо в кабинет, не поленилась. Беспокоилась очень. Вот в семь утра и заявила. Кто её остановит? А в кабинете... Анестезистка спит в объятиях законного супруга госпожи Фирсовой. Господин Фирсов дрыхнет без задних ног. А бельё – в кровянице всё. В отделении было громко. Дмитрий Андреевич неделю от жены прятался. А через неделю у кабинета заведующего обнаружилось два чемодана с его барахлом.

– Ну не можешь пить больше тебе отмеренного – не пей!!! – орал главный врач на провинившегося заведующего. – Ну ладно, ты в больницу притащился, хорошо! Ну ладно, тебе швы наложили и ты домой не мог доползти, гнида! Но какого ты бабу с собой в койку потащил?! Это-то тебе зачем?! Что ты там на ней изображал, так что швы полопались?! Твою жену чуть не с милицией выводили, вся больница на ушах стояла! Уволю на хер!!!

Не уволил, конечно. Специалист Фирсов классный. С кем не бывает? Но анестезистку уволил. Нечего в койку к заведующему лезть. А полезла – не засыпай. После «последней гастролы» уже два года прошло.

И жена давным-давно приняла. В обратной последовательности. Сначала супруга. А потом, спустя ещё немного, и чемоданы. И даже сделала вид, что забыла. В первый раз, что ли? Жёнам плохая память не порок, а средство выживания. А вот дорогие друзья и коллеги – это вам не любящая половина, эти будут вспоминать до самой смерти. И даже кинув горсть земли на крышку гроба и то хихикнуть не преминут!

– Хорош уже тебе! – огрызнулся Дмитрий Андреевич на Аркадия Петровича.

– Не, ну я просто даже был в восторге, Мить, ты чё! Это ж надо! Превозмогая адские боли в области свеженаложенных швов, исполнять половой начальный долг! – загоготал неугомонный Аркаша.

Медсестричка о чём-то шепталась со своим Владимиром Сергеевичем. Начмед поликлиники отстранённо пила вино. Мужики про что-то шумели. Всё как всегда. Что хорошего в этих «ресторациях»? Для чего они?

– Слышь, у пацанёнка из гастрохирургии сегодня пациент помер. Первый раз. Переживает... Хороший мальчик, мучается! – прошептал Татьяне Георгиевне заведующий урологией, шлёпнувшись рядом с ней на стул. – Друзья! – обратился он ко всем собравшимся. – А вы помните своего первого умершего пациента?

– Я! Я помню свой первый труп! – обрадовался перемене темы Дмитрий Андреевич. – Я после института по распределению в деревню поехал. Я там был и тебе терапевт, и тебе акушер, и даже фтизиатр с психиатром! С ног падал, времени вообще ни на что не было. Хотя на что там время, в деревне?!

– Ой, так уж и в деревню! Ты что, институт в девятнадцатом веке окончил? – Аркадий Петрович подзвал официанта и заказал ещё «всем по сто и литр в запотевшем графине!».

– В деревню натуральную! В ПГТ¹⁷. В ЦРБ¹⁸.

– Вам с нормальными людьми пить нельзя! – внезапно колокольчиково расхохоталась молоденькая жена-медсестричка. – Да отстань, что ты меня шпыняешь! – ядовито зашипела она тут же прямо в своего сильно взрослого для неё мужа, вполне себе такого заведующего отделением неонатологии. Грамотного, невзирая ни на что. – Нет, ну а чего он? – пожаловалась она тут же обратившему на неё пристальное отеческое внимание Аркадию Петровичу. – Что я, разве чушь говорю? Ничего не чушь! Вам с нормальными людьми пить нельзя, потому что нормальные люди вас не поймут с вашими ПГТ и ЦРБ. Если бы хоть кто-то из нормальных людей пил с вами...

¹⁷ ПГТ – посёлок городского типа.

¹⁸ ЦРБ – центральная районная больница.

– С нами, детка. С нами! – уточнил Святогорский. – Ты теперь тоже наша, за одним столом с нами сидишь. Всё нормальным людям понятно. И ПГТ. И ЦРБ. Это тебе, птичка, такие аббревиатуры непонятны, потому что у тебя сперва папа с мамой московские, затем училище – московское же. А после уже и мужик сразу солидный, при должности, при ремесле. А нормальным людям всё понятно, потому как понимание у них – это такой вид ткани, регенерирующей на месте сорванной опытом кожи.

– Да отстань ты от ребёнка! – хлопнул друга по плечу Фирсов. – Ну и, в общем, дежурю я в той ЦРБ. Я тебе там и я, и Кудин, и в жопе один. Типа и врач приёмного, и хирург, и анестезиолог. Земский лекарь, короче, ни дать ни взять!

– Вам смешно, да?! – вдруг окрысился молоденький ординатор из гастрохирургии и даже всхлипнул. – Вам бы всё хиханьки-хаханьки! У меня сегодня девушка умерла...

– Она, брат, не у тебя умерла. Она у себя умерла. У своих родных и близких. У заведующего отделением, у главного врача и даже у гор-, обл- и Минздрава. Но не у тебя! Выпей... как тебя там?...

– Вадим Александрович! – истерично пискнул ординатор.

– Выпей, Вадик! – Фирсов налил молоденькому ор-

динатору стопку до краёв. – Выпей за покой своей души – заметь, не за упокой умершей девушки! – выпей и послушай взрослых! Нам не смешно, Вадик. Нам грустно. И даже больно. За каждую отдельно взятую девушку. И за каждого отдельно взятого юношу. Ты не поверишь, Вадик, нам даже за тебя тревожно, как за самих себя. Потому что все там были!.. И все там будем. Там, неизвестно где... Точнее, известно – под землёй в деревянном ящике или пеплом над каким-нибудь любимым водоёмом, где сиживали с удочкой. Пей, Вадик!

Молоденький ординатор не заставил себя долго упрашивать.

– Она... Она... Её оперировал заведующий. А у неё... У неё открылись повторные кровотечения... Желудочно-кишечные. Некроз... Массивный некроз... А потом начался ДВС. И... – он всхлипнул и зарыдал.

– Вот и я так же плакал когда-то, Вадик. Так что послушай наши «хиханьки-хаханьки», уважь ветеранов медицинского спорта. – Фирсов прикурил сигарету. – Можете есть вашу сёмгу, Татьяна Георгиевна. Я же вижу, что вы голодны. Присутствующая здесь публика вообще не слишком чувствительна к разного рода физиологическим и патологоанатомическим подробностям. Я уже промолчу о том, кем считают нас добропорядочные обыватели, раз уж и Вадим Алексан-

дрович обвинил нас если не в цинизме, то как минимум в шутовстве. А мы – не такие! У каждого из нас есть своя первая смерть! И я, на правах заведующего отделением анестезиологии и реанимации, на правах ближе всех находящегося к той неведомой переправе неизвестно куда, первый расскажу о своей первой смерти! Солидно звучит: «Моя первая смерть». Философски многозначительно, я бы сказал! – пафосно и таки немного шутовски произнёс Дмитрий Андреевич. – Дежурю я в сельской больничке один за всех, и всеми своими членами – за одного. День выдался заполошный. Помню я его во всех подробностях, но не буду слишком утомлять вас деталями, не относящимися непосредственно к моей первой смерти. И вот, около девяти вечера. Передышка. Сел я себе в комнатке врача приёмного. Сижу, хлеб с колбасой жую, чаем «Со слоном» запиваю. Никого не трогаю. Ни медсестёр – потому что там такие медсёстры были, что мне не окучить даже по молодости. Ни друзей-товарищей, потому что друзья-товарищи кто где, а в той сельской больничке только главный врач, в район по делам уехавший, да начмед номинальный – он же нарколог и эпидемиолог, – вусмерть пьяный с сильным фурункулёзом в хате у себя спит. Да и кого мне трогать, когда тиха украинская ночь... Тогда, Вадик, была такая большая страна, что на легендар-

ной сумке нашего уважаемого Аркадия Петровича латиницей прописана. И после первого меда вполне себе можно было загреметь по распределению в тихую украинскую ночь, которая не была тогда иностранной. «Поужинаю, – думаю, – и баиньки!» Очень уж спать хотелось. Организм молодой, после потрясений типа раздробленных в колхозной молотилке конечностей отдыха требовал. Но не тут-то было, Вадик, не тут-то было! Человек, как известно, предполагает, а бог как хочет, так и совокупляет того человека, культурно будет сказано. Прибегает в приём баба беременная. Вся в слезах, прям как вы сейчас. И визжит: «Убили!!! Убили!!!» «Кого убили?» – уточняю. «Мужа, мужа моего убили!!!» А баба сама растрёпанная, морда вся слишком гиперемированная. Такая, знаете ли, Вадик, гиперемия, что назавтра всеми гепариновыми красками расцветает. То есть явно кто-то бабу по лицу бил. На то указывает не только гиперемия и уже образующиеся кровоподтёки, но ещё и кровь, струйками стекающая из углов рта и из ноздрей. Я бабе давай ПХО¹⁹ предлагать, а она у меня из рук вырывается, кричит: «Убили!» Тут фельдшерица моя, в три дня на галопе не обскачешь, вылезла и говорит: «Что, Маруся, доигрался твой Петро?!» А та всё знай своё: «Убили!!!» Фельдшерица бабе седативного вколола, меня

¹⁹ ПХО – первичная хирургическая обработка.

даже особо не спрашивая, и говорит: «Поехали, Андреич, до того Петра!» «На ком, – спрашиваю, – поехали?» «На своих двоих! – отвечает. – Они тут недалеко живут. Он у неё как упьётся – так сразу давай молотить без разбора, кто под руку попадается. Её, старшего мальчонку, соседей. Видать, с кем не тем подрался». Я фельдшерице своей, Демьяновне, и говорю, мол, милицию надо вызывать, «Скорую». «Вызывать, – спокойно она мне так отвечает, – можно. Когда приедут только – неизвестно. К тому же никто его там не убил. То так – фигура речи, метафора. Ты ж тут новенький, из города опять же, не знаешь, что у нас как чего – так сразу: «Убили!» Идём, мил-человек доктор Митя, физраствору наладим по вене да зелёным бриллиантовым его, гада, зальём по самые гланды». Бабу эту, Марусю беременную, заволокли спать в мою комнатку да и пошли по той тихой украинской ночи, где ни зги не видать, потому что очередной пьяный механизатор три недели назад столб с последней работающей лампочкой сшиб.

Давно сотлела сигарета Фирсова в пепельнице, и он прикурил новую.

– Пришли до той хаты. Я такой ни до, ни после не видел. Я ж дитя асфальта, Вадик, как и ты. Меня в детстве водили в цирк на Цветном бульваре и в Большой на дневные спектакли. Метрополитен имени Ле-

нина мне был как родной. А вот тихое украинское село казалось страшнее негритянских гетто в Нью-Йорке, городе контрастов. Потому что Нью-Йорк – он хотя бы город контрастов, а в той хате никаких контрастов – ровным слоем нищета. Первая фаза коммунизма, короче. И посреди той неконтрастной хаты на скоблённом деревянном полу лежит мужик. А в брюхе у него торчит топор. И вот представь себе, Вадик, что ты не в большой больнице, где чуть что: «Позовите Петра Ивановича и Василия Сидоровича!», не в огромном учреждении, где полным-полно инструментов железных и материалов шовных, не в стекле и бетоне, где света хоть залейся и хлоргексидин водопадом. А что стоишь ты, Вадик, в нищей хате украинского села и даже лампочка Ильича, мухой засиженная, не мигает, потому что хаты сельские питаются от тех проводов, что привешены к тому столбу, который сшиб механизатор. Застыл? Рот раззявил? Вот так и я застыл там с открытым ртом, Вадим Александрович. Фельдшерица мне: «Митя! Топор не трожь!» Пульс мужику на шее пощупала, хотя я это сообразить должен был. «Живой! – говорит. – Стой здесь и до него не касайся! Я мигом!» И куда-то в темень с неожиданной для её полтораэта килограммов лёгкостью и прытью ускакала. Ты б знал, Вадик, как мне страшно стало! Хотя я уже взрослый мужик был, вроде тебя сейчас. Ка-

кой там хныкать? Какой там страдать? Был я чисто тот бурсак из «Вия», даже молитву попытался припомнить, да никак не мог, я ж комсомолец. А тут тот Петро захрипел. Так я сразу молитву припомнил откуда-то, не смотри, что комсомолец. «Отче наш, иже еси на небеси...» – дальше ничего в голову не приходило, ну так и мужик хрипеть перестал. Зато стал ворочаться. Я ему: «Не шевелитесь! Вам нельзя!» А у самого руки трясутся. Куда ему тот бриллиантовый зелёный наливать? Его бы под яркие операционные лампы, да чтобы бригада операционная, да анестезиолог со всеми причиндалами. Мужик же руками к топору тянется. Выдерет он его, и что? И капец. В общем, не буду страху нагонять. Демьяновна с ещё одним мужиком вернулась. Здоровым, топорами не порченным. Втроём мы пациента на телегу и погрузили. Это к пассажиру Святогорского о девятнадцатом веке. В телегу, с лошадкой – в двадцатом. По Москве уже на старом японском хламе вышивали, не говоря уже о «Волгах» с «Жигулями». А там вот – телега. С лошадкой. Не-не, у того мужика, что Демьяновна привела, горбатый «Запорожец» был. Зажиточный колхозник, прям фермер на фак фуэл экономи! Да только в горбатый «Запорожец» солидного хохла с топором в брюхе не упакуешь. Как до больницы доехали – рассказал бы. Да сам смутно помню. Так в башке и крути-

лось «Отче наш, иже еси на небеси... Отче наш, иже еси на небеси...». Помню только, что мужик булькает и из брюха у него льётся всякое. Из больнички я кинулся звонить в ближайший уездный городишко. Оказывается, Демьяновна уже позвонила и хирург какой-никакой скоро будет. «По санавиации». Прилетел тот хирург на задрипанном «уазике», и пошли мы с ним в операционную. Они с фельдшерницей оперировали, я ж таки по специализации анестезиолог, спасибо тому «Отче наш, иже еси...» или ещё чему – не знаю, но спасибо, что хирург приехал. Посшивал тому Петру, что мог. Но сказал, что может развиться перитонит. И уехал. С того Петра дренажи торчат... Да не такие, как нынче – модные, красивые, одноразовые. А такие, Вадик, что тебе в страшном сне про историю медицины не приснятся. В вене капельница – оранжевая такая, Вадик. Многоцветная. Что такие безумные пирогенные реакции провоцирует, как та малярия во время цикла размножения паразита выдаёт. Неделю я с тем Петром возился, как с родным. Промывал, капал, нянчился. А Петро, зараза, только раз в сознание и пришёл. Спросил: «Чего с Марусей?» «Забрали, – говорю, – менты твою Марусю». Он такой: «За что?!» Я ему: «За превышение допустимой самообороны. Но ты не волнуйся, она на сносях, много не дадут, а может, и вообще отпустят». Петро на меня ясными гла-

зами посмотрел – неделю ж не пил! – и спрашивает: «А от кого она... самооборонялась?» Я ему и говорю: «Так от тебя, гнида!» – Фирсов замолчал.

Аркадий Петрович налил всем по рюмашке.

– А он что?! – не выдержал наступившей общей тишины молоденький ординатор гастрохирургии Вадим Александрович. Уже подобравший сопли, но ещё не понимающий. Не понимающий того невыразимо простого, что дают сумма боли и опыта, умножение любопытства на знание, произведение интеллекта и мудрости.

– А он сказал: «Бля!» – Дмитрий Андреевич опрокинул, ни с кем не чокаясь. – И умер. – Стукнул рюмкой об стол заведующий отделением анестезиологии и реанимации крупной современной многопрофильной больницы. – И вот ты знаешь, Вадик? – не дал рта раскрыть ординатору Фирсов. – До сих пор меня это мучает... До сих пор! Зачем я ему сказал? Зачем?! Может, вытащил бы я его, а? Я сутки рыдал. У меня его история болезни слезами была натурально облита. Я уж молчу о посмертном эпикризе. Вот вроде тварь человек был, а я рыдал. Рыдал над своей лечебной тактикой, рыдал над районной медицинской стратегией. Над сан-авиацией бескрылой рыдал. Над языком своим злым. Мне ж кишечник того Петра, его брюшина клятая, кал его и моча были как свои собственные

уже за ту неделю. Это же такое довести, прооперировать, ухаживать... И всё понимаю – каловый перитонит, сепсис, иммунитет давно пропит, вместо лимфы – свекольный первач. Но рыдал. Иррационально рыдал. А с тех пор – больше не рыдал. Как отрезало. И прекрасные люди умирали. И возможно, что отчасти и по моей вине, – но больше не рыдал. Потому что все мы оплакиваем только первую смерть. Свою первую смерть. Мы, Вадик, умираем только один раз. – Фирсов выдержал паузу, внимательно посмотрев на ординатора. – А хули, скажи мне, мой юный друг, в аду сырость разводиться?! – закончил он совсем в другой тональности и хлопнул молодого мужчину по плечу.

– А у меня когда первый новорождённый умер, я себя повёл как тот интерн недавно у Татьяны Георгиевны в отделении, – вдруг печально выступил Владимир Сергеевич. – Только у меня не поздняк был, разумеется, а нормальный уже новорождённый. Я, конечно, в подвал не побежал, но реанимировал как двинутый. Меня тогда мой заведующий, царствие ему небесное, от детского трупика оттаскивал. Как в кино, прости господи! – неонатолог шумно вздохнул.

«Вот уж от кого не ожидала!» – подумала про себя Татьяна Георгиевна.

– Он и мамаше-то своей не сильно нужен был. Она только обрадовалась, что он умер. У неё там детей

без счёта было. Я тоже в роддоме маленького районного городка начинал. Туда баб со всех окрестных сёл рожать везли. Такой хорошенький пупсик был. Я его тогда чуть не усыновлять хотел. А он вдруг остановку сердца дал. Были эпизоды апноэ в первые сутки, но мало ли у кого эпизоды апноэ... Я его вручную дышал. Нормализовал. А он взял – и остановку сердца дал. Идиопатическую. На вскрытие – всё нормально. Чего вдруг? Не, реально, – Володька коротко хохотнул, – реанимировал младенческий труп с остервенением. Расплакался на вскрытии. – Молоденькая жена-медсестричка ласково погладила Владимира Сергеевича по крепкой ладони.

«Вот уж чего никогда не делали ни первая его жена, ни вторая...» – снова автоматически отметила заведующая обсервацией.

– А ты, Татьяна Георгиевна? – внезапно спросил Аркадий Петрович. – Как сёмга?

– Как всегда здесь для нас – отменная... Как я? Да никак, Аркаша. Я отродясь, так сказать, в этом родильном доме. И всё-таки моложе вас с Митей. У меня по молодости врачебной не было совсем моей первой смерти. Я, как и Вадик, была ординатором. И дежурантом была, вторым... И потому моя первая смерть, как и у него, была опосредованной, если можно так выразиться. Умерла девочка, которую оперировал то-

гдашний заведующий. Она умерла ночью, не на моём дежурстве. Я что-то писала в истории, слушала рассказы акушерки и дежурного врача, но самой смерти не видела. Я ходила на вскрытие, потому что была её палатным врачом. Но я не плакала, вины не ощущала, философий не разводила. Может, мужики глубже? Или чувствительней? Или просто я привыкла к «не моим» смертям. Хотя, разумеется, привыкнуть к этому нельзя. Особенно в акушерстве. Да и меньше смертей в акушерстве, чем в хирургии. Вот есть работа – и ты её работаешь. Передо мной не было конкретного Петра. Передо мной стояла задача оспорить диагноз заведующего – ТЭЛА. Убедить его написать в диагнозе септикопиемию. Потому что не было там тромбоэмболии легочной артерии. Если и был тромб – так он был септический. А тогдашний заведующий орал, что я идиотка и что яйца курицу не учат.

– И что было на вскрытии? – поинтересовался Вадик.

– Септические тромбы. Множественные.

– Так что он, анализы не видел?! Посевы?

– Вадим Александрович, заведующий был не глупее вас. Он и анализы видел. И посевы. И ещё много чего такого, чего и близко не увидели бы вы. Просто я чуть более внимательно, чем он, собирала анамнез. И чуть более пристально, чем он, наблюдала за

пациенткой. И чаще была рядом. Она умерла после операции. На вторые сутки. После того, как встала. И все, естественно, предположили ТЭЛА. В том числе и заведующий. Смерть от ТЭЛА внешне не отличается от смерти от септического тромба. Дело не в этом...

– Дело в том, Вадик, что у Татьяны Георгиевны совершенно дьявольское чутьё на диагностику.

– Может, божественное, Аркаша? И вообще, мы не об этом. Мы вспоминаем свои первые смерти. Совсем первая моя-моя смерть была много позже. И ты её помнишь. Это было кровотечение в последовом периоде. Мы удалили матку, перелили пятнадцать литров всего, чего только можно, но женщина всё равно умерла. И эта смерть была тоже не совсем моя. Потому что и в родзале, и в операционной были и начмед, и ты, мой дорогой Аркадий Петрович. И, насколько я помню, никаких философий мы не разводили. Мы сперва трое суток не вылезали из родильного дома, затем были разборки, летальные комиссии, с нас с тобой сдёрнули по категории, а потом, уже потом, мы с тобой тупо нажрались водки. Для меня это было всего лишь ремесло. Я не задумывалась... И я очень благодарна тебе, что ты вышел в приёмное сказать мужу, что его жена умерла. Я научилась говорить о смерти новорождённых. Но я не могу себе представить, как я говорю любящему мужчине, что его любимая женщи-

на умерла. И дай бог мне никогда этому не научиться. Тьфу-тьфу-тьфу!

– А у меня, – отмерла вечно смотрящая куда-то мимо всех жена заведующего урологией, – первая смерть была, когда я ещё на «Скорой» работала. Мы приехали, а старушка уже умерла. И мы всей бригадой не могли отлепить от неё старичка-мужа. Он просто лёг рядом с ней на диван, обнял и... Дверь была открыта, в квартире никого, кроме них, он лежит, обнимая свою старушку, и молчит. Ни на кого не смотрит. Хорошо фельдшер грамотный, хотя не Демьянова какая, а молодой парень. Разыскал у деда телефонную книжку и сына вызвонил. Тот срочно приехал, мы ему справку о смерти выписали и уехали. Такая у меня неинтересная первая смерть. От старости. Ну, то есть от сердечной недостаточности.

– И у меня первой своей собственной смерти, как и у Таньки, не было. Светилу урологическому нашему ассистировал. А светило наше нижнюю полую вену перевязало. Кинулись на релапаротомию, как у пациентки всё ниже пояса мраморным стало, да поздно. Светило, что правда, тогда из оперативной урологии само ушло. Я тоже, как и Танька, ремесло помню. Суету, летальные. Категории с меня не сдёргивали, светило прикрыло. Да и хирургическая смерть – не материнская. Ну и нажрался потом, это было. Потому

что... – он помахал рукой куда-то в пространство. – Вот жил человек, почки у него болели, камень всего лишь... Планировал что-то, может, даже с мужем развестись и за любовника замуж выйти. И какая-то малость, вроде аномального расположения нижней полой вены... И привет! И всё равно, как будто ты виноват. Это как... Это как... Это как первый раз с тарзанки прыгнуть. Или вдруг увидеть и услышать, как стреляют. Только не в кино, а на улице, у тебя на глазах. И в тебя могут попасть даже... Чёрт, не знаю, я не оратор. Оратор у нас Фирсов. И Аркаша у нас оратор...

– Да! Мы ораторы с Аркашей! – вскинулся Фирсов. – И про смерть мы больше вас, тупых ремесленников, знаем. Потому что мы кто? Мы – анестезиологи! И даже реаниматологи! Мы должны снять со стола. Мы должны оживить! Мы боги, во! – Он значительно поднял вверх указательный палец. – И мы вам, простым смертным докторишкам, наказываем пить за любовь! Потому что сегодня что? Сегодня день какого-то дурацкого святого Валентина, и давайте уже любить, если не друг друга, что неприлично, то хотя бы кого-нибудь. Давайте кого-нибудь любить так, чтобы не было мучительно больно оглядываться на прожитые годы! Ну хоть кого-нибудь! Кого-нибудь живого! Потому что смерть от смерти не отличается. Когда она уже смерть. Сколько ещё констатировано смертей белко-

вых тел, пока мы тут с вами в избу-воспоминальную играем? То-то и оно! В смерть играют живые. Люди вообще эгоисты на самом-то деле. Все без исключения. В том числе Вадик с его рефлексиями и даже беззаветно любящий труп своей старушки старичок. Может, он в грехах каких каялся?! Может, он ей при её жизни так в борщ насрал, что она уже и кушать не могла?! В общем, давайте за жизнь, простые смертные докторишки! А мы с Аркашей по домам. Жёнам своим, падлам, цветы покупать, пока они живы! Хватай, Аркадий Петрович, «USSR», не дадим твоей бабе сюда явиться, первым домой придёшь! И я приду сегодня домой! Любовью, так сказать, любовь поправ! Да и я своей гадюке задолжал по самое ой! Счастливо оставаться, молодёжь и прочие подростки! Бежим, Аркашка, пока я больше своей нормы не принял! – провопил последнее чуть не скороговоркой Фирсов, хлопнул рюмку и, схватив ничуть не упирающегося дружка своего Святогорского под руку, потащил вон из «ресторации».

Кадр девятый

Две полоски

После обеда в кабинет внеслась Маргарита Андреевна.

– В общем, так ты тут на меня орала, чтобы я тебя предупреждала, – вот я тебя предупреждаю! Сегодня на осмотр придёт девочка.

– Сколько?

– От ситуации зависит. Если сама нормально родит, то как обычно, а если проблемы или в кесарево влетит...

– Марго! Ты совсем уже одурела? Я понимаю, что ты – мать-одиночка с собакой и ребёнком на выданье, но иногда вопрос «сколько?», заданный акушером-гинекологом, расшифровывается как «сколько недель?». Понимаешь? Недель гестации. Беременности, твою мать, Марго! – рассердилась Татьяна Георгиевна.

– А-а-а! Ты про это! Ну... – старшая замялась. – ПДР через две недели. Так ей в консультации посчитали.

– Маргарита Андреевна! С каких это пор вы стали ориентироваться на ПДР, посчитанный в ЖК? В глаза

смотреть, правду говорить!

– Тань, ну на сносях баба, на сносях. Вот-вот... Ну, блин, ну что я сделаю, если они сами на меня выходят позже некуда?

– Послать.

– Послать беременную женщину мне христианская добродетель не позволяет, Татьяна Георгиевна. К тому же она такая миленькая, и муж хороший.

– И опять без контракта! Что же это хорошие мужья на своих миленьких жён так тратиться не желают, а?! Контракт – это страховка. И не только их. Ещё и моя. Сёма меня точно выпорет за эту бесконтрактную бабу! Очередную бесконтрактную бабу!

– Ты что, ещё ни разу после возвращения ему не дала? – искренне ужаснулась Марго.

– И не дала, и не брала. И вообще, это не ваше дело, Маргарита Андреевна. Занимайтесь своими функциональными обязанностями! – Татьяна Георгиевна стала перебирать какие-то бумажки на столе. – И ты это... Хоть двери закрывай, прежде чем про дала – не дала на всё отделение орать, идиотка, – тихо пробурчала она вдогонку.

Старшая демонстративно встала, закрыла дверь и шлёпнулась обратно на стул.

– Не моё, значит, дело. Я, значит, идиотка! Ну-ну...

– Марго. Не грузи.

– Значит, когда я с тобой, совсем начинающей неумёхой нянчилась, когда руки тебе на акушерство ставила – мои дела были. Значит, когда я твои то вос- торги, то слёзы выслушивала по поводу всех осталь- ных и того же Сёмы – мои дела были. А теперь – по- шла вон, идиотка? Дожила...

– Маргоша, ну что ты тут комедию ломаешь, а? – смягчила тон Татьяна Георгиевна. – И никогда раньше ты на идиотку не обижалась.

– Тань, сделай кофе... – Маргарита Андреевна вдруг всхлипнула. – У Светки две полоски! Ей же всего девятнадцать, она не замужем, а у неё – две полос- ки-и-и!!! Мы поругались, я ей сказала – или в акаде- мии восстанавливайся, или на работу устраивайся, а она мне гадостей наговорила, сказала, что скоро ро- дит, в туалет убежала, а оттуда с двумя полосками вышла! – И давно уже пожизненная старшая observa- ционного отделения, имеющая репутацию железной леди, характер председателя колхоза-миллионера и стойкость монастырского послушника, вдруг распла- калась.

– Может, у неё это... выкидыш был? Или вообще втихаря от тебя аборт сделала? Вот остаточный уро- вень хорионического гонадотропина и присутствует... Нет, тогда зачем бы она у тебя перед носом двухпо- лосным тестом размахивала? Почечная патология ка-

кая-нибудь? При некоторых заболеваниях почек повышается уровень ХГЧ²⁰. Или трофобластическое образование?²¹ Ну, какая-то гормонпродуцирующая опухоль. Хорионэпителиома матки²², пузырный занос²³... – в автоматическом режиме стала размышлять вслух Татьяна Георгиевна, налаживая кофеварку.

– Типун тебе на язык, блядина дурноголовая! – уже взхлёб рыдала Маргарита Андреевна. – Пусть уж лучше беременная, проститутка малолетняя, прости Господи!

– А она сама-то что говорит?

²⁰ ХГЧ – хорионический гонадотропин (человеческий) – гормон, выделяемый плацентой во время беременности. Относится к гонадотропным гормонам наряду с лютеинизирующим и фолликулостимулирующим, но отличается от них по аминокислотной последовательности. Несмотря на то что продуцируется в основном в плаценте, выделяться начинает с первых недель беременности и возрастает в несколько тысяч раз к 7–11 неделям, затем постепенно снижается. ХГЧ также является одним из самых идеальных онкомаркеров при раке почек, потому что уровень его при этой патологии значительно увеличивается.

²¹ *Трофобластические образования* (или *трофобластические опухоли*) – группа редких опухолей, развивающихся из клеток трофобласта. Чаще всего диагностируются у женщин активного репродуктивного возраста (18–33 года). Основными признаками является выраженная злокачественность и агрессивное течение. При ранней диагностике и своевременном лечении выживаемость, однако, очень высока.

²² Злокачественная опухоль.

²³ *Пузырный занос* – продукт зачатия, при котором не происходит нормального развития эмбриона, а ворсины плаценты разрастаются в виде пузырей, наполненных жидкостью.

– Ничего не говорит. Молчи-и-ит, тварь паску-у-уд-ная! – продолжала реветь Марго.

– Так, во-первых, прекрати ругаться!

– Не прекращу-у-у!!! Мне так легче-е-е!!!

– Во-вторых, мочу и кровь на этот самый хорионический гонадотропин сдавали?

– Ни хера ничего не сдавали-и-и! Она мне вчера утром перед носом полосками помахала – я сгоряча и наговорила лишнего. Кто ж с утра такое делает?! Та давай монатки собирать, типа из дому уходит. Я ей в сердцах, мол, чтобы катилась, пользы от неё всё одно никакой, только проблемы. Что с собакой погулять не может, что пожрать себе приготовить! Трусы в стиралку лень закинуть, а ебаться – так здрасьте!

– Да-а уж, ты в своём репертуаре.

– А она всё-таки взяла и ука-и-и-илась! Я идио-о-отка! – совсем уже белугой заливалась Марго.

– Это не обсуждается. Ночевать-то пришла?

– Не-е-ет! Мобильный не берёо-о-от! У подруг нет. Не знаю, где она-а-а!!! – Маргарита Андреевна схватила с постели чистую пижаму Татьяны Георгиевны и смачно в неё высморкалась.

– Марго, не вой. На тебе кофе, покури в окошко. Дай мне номер Светкиной мобилки и даже не отсвечивай. Пикнешь – я тебе больше не помощник!

Старшая трясущимися руками достала из кармана

мобильный, потыкала в кнопки и показала подруге за-светившееся окошко с номером дочериного телефо-на.

– Дай сюда, перепишу. У тебя руки пляшут, ни хе-ра не вижу, – Татьяна Георгиевна выхватила у Маргариты Андреевны телефон, взяла бумажку и карандаш со стола. – Слушай, мне в весёлой седьмой палате анекдот рассказали. Девуца забеременела и говорит своему парню: «Любимый, у меня две полоски!» Он ей удивлённо: «Ты чё, беременная?» А она ему: «Нет, блядь, я бурундук!»

Марго истерически хохотнула.

– Всё, теперь молчи! Поплакала, посмеялась – те-перь чтобы ни звука! Поняла?

Набрав номер, Татьяна Георгиевна ждала доста-точно долго.

– Света? Привет. Это Мальцева... Выключи, пожа-луйста, музыку... Спасибо. И будь добра, явись ко мне в кабинет сегодня вечером... Ни за чем. За хреном лысым! Чтоб была, если не хочешь, чтобы я тебе мат-ку на уши натянула! Да. Да. Хорошо. В девять часов меня устроит... Нет, её не будет... Не обсуждается. Всё, до вечера. И без опозданий. В девять – значит, в девять. У нас тут не кордебалет, – и нажала отбой. – Хотя отчего же? Иногда очень даже кордебалет!

– С ней всё в порядке? – перебила Маргарита Ан-

дреевна подругу.

– Более чем. Голос весёлый. Музыка орёт. Не слыш-ком, похоже, переживает. В отличие от тебя.

– Дрянь.

– Обе хороши. Но мы это сейчас с тобой обсуждать не будем. Как договорились – ты не вмешиваешься.

– Она придёт?

– Ты же слышала – если «её не будет!».

– Так и сказала – «её»?!

– А надо было «его», что ли? У вас обеих в башке акцент одинаковый, не прикидывайся подростком, Марго. У неё это, сообразно возрасту, всё равно лучше получается.

– А что мне делать, если она беременная?!

– Тебе? Пойти домой. Выгулять пса. Выпить сто пятьдесят и баю-бай. Беременная она или нет – до завтра ничего не изменится.

– А если с ней что-то не в порядке?

– Давай для начала «беременную» версию отработаем, хорошо? Тем более что обычно она самая достоверная.

– А если кто-то рожать начнёт из моих?

– Разок-другой можно и отпустить «своих» на родзальную смену. Всех денег не заработаешь. Сама в рванине ходишь, в башмаках каких-то позорных из кожзама. Всё на свою корову тратишь! Иногда можно

и отдохнуть дать. Корове от твоей заботы в первую очередь.

– Не, если кто-то из моих вступит в роды – я не смогу. Они же договариваются со мной! Расстроятся, если я не приду.

– Ладно. Если кто-то «из твоих» вступит – придёшь. Но будешь сидеть в родзале и не высовываться. Поняла? – предупредила Татьяна Георгиевна свою давнюю подругу таким же непререкаемым тоном, каким только что говорила с её дочерью.

Маргарита Андреевна покорно кивнула.

– Всё, Марго, иди работать.

– Тань!!! Там же девочка эта сидит, в приёме, что сегодня на осмотр...

– ...придёт! – закончила Татьяна Георгиевна, грозно нахмурившись. – Ты правда не понимаешь разницы между «придёт» и «пришла» или это просто такой иезуитский метод в отношении лично меня? Я тебя, Маргарита Андреевна, когда-нибудь свергну! Тащи сюда свою бабу!

– Думаешь, мне они не надоели, эти коровы? Думаешь, я им, и их подружкам, и подружкам подружек не говорю, чтобы заранее являлись или рожали там, где наблюдались?

– И контракты тебе аукнутся...

Маргарита Андреевна уже выскочила за дверь. И

через десять минут вернулась с действительно премиленькой пышечкой. Марго щебетала вокруг круглой девушки, вся лучилась счастьем, вся так и светилась от счастья, что какая-то...

– Леночка, заходите. Татьяна Георгиевна, Леночка у нас беременная.

– Я догадалась! – улыбнулась заведующая.

– Ну, если я вам не нужна, пойду. Сегодня должна внезапно нагряться санэпидстанция в семнадцать ноль-ноль.

– Здравствуйте, Татьяна Георгиевна! – расплылась пышечка Леночка, и её тут же понесло по кочкам.

Взахлёб она рассказывала Татьяне Георгиевне, что беременность у неё первая, очень желанная и точно спланированная. Что ещё до беременности она состояла в сообществе `ru_perinatal`, а уж когда забеременела... то чуть с ума не сошла от радости. И что она очень внимательно следила за ростом «своего тэга»...

– Своего кого? – прервала Леночку Татьяна Георгиевна.

– Ну, это мы там с девочками так шутим. У нас такое очень доброжелательное сообщество. «Сообщество, где всегда пятница!» Вот... А тэг – это метка. Ну, метка, чтобы быстрее искать. Если у тебя двенадцать недель – это один тэг. А если тридцать – уже совсем

другой...

– Леночка, идёйте на кресло, – махнула рукой заведующая и повела жизнерадостного, брызжущего словами колобка на кресло.

От перемены месторасположения тела Леночкин фонтан не иссяк. Она пообещала Татьяне Георгиевне, что осветит все вопросы, которые могут казаться важными акушеру-гинекологу и тем более доктору, который будет принимать роды. Начала Леночка изда-лека:

– Ой, Татьяна Георгиевна, получилось у нас с мужем сразу! Поэтому когда я увидела две полоски, то первые мои мысли были: «Круто, всё сработало!»

Опять двадцать пять – две полоски. «Всё сработало»... Ну чисто бурундук. У мужа сработало, что ли? Какое счастье. Одним, когда «всё срабатывает», – счастье, другим – слёзы.

А Леночка тем временем трещала как по писаному, припадочной экзальтированной графоманкой. Говорила, что сперва «осознание того, что вот теперь я стану мамой и что во мне живёт маленький человечек, никак не приходило!». А затем живот у Леночки «резко стал неприлично большим!».

«Многоводие?» – Татьяна Георгиевна перевела свои автоматические размышления в беззвучный режим.

– На какой именно неделе живот «резко стал неприлично большим»? Ваша обменная карта при вас?

– Она у мужа, он в приёмном! – слегка недовольно оттого, что сбилась с мысли, выпалила Леночка и продолжила тарыхтеть: – Меня страшила мысль, что этот непомерно огромный живот навсегда останется со мной! Я поправилась всего лишь на пятнадцать килограммов, но мне казалось, что живот размером с земной шар!

«Гестоз? Многовато – пятнадцать килограммов при таком росте».

Про обменную карту Татьяна Георгиевна уже даже не спрашивала.

– Леночка! – попыталась она вклиниться в поток неиссякающей восторженной речи.

– И не только этот непомерно огромный живот, но и букет растяжек. Ужасные, ужасные растяжки! Я мазала их сначала маслом миндаля, потом – розмарина, и коктейлями из масел, и дорогими кремами! У меня ужасные, ужасные растяжки! Скажите, Татьяна Георгиевна, они после родов пройдут?

– Они будут не такими багровыми, эти стрии. И, разумеется, сморщатся. Но не пройдут.

– А какой вы посоветуете мне крем после родов?

– Самый обыкновенный. Если у вас сухая кожа и вам нужен крем.

– Нет, не от сухости, а от растяжек! Я накупила целую кучу хороших дорогих кремов. На них было написано: «Для применения во время беременности. Значительно снижает риск появления растяжек и борется с уже имеющимися». Раз есть крем для применения во время беременности, значит, должен быть крем для применения после родов. Вы такой не знаете? Чтобы растяжки прошли?

– Крема такого не знаю. Но я знаю хорошего пластического хирурга. Но и он ничего совершенно радикального не сделает с вашими растяжками. Они останутся с вами навсегда. Просто изменят цвет, форму и размер... Леночка, что вы мне голову морочите своими растяжками! – очнулась наконец Татьяна Георгиевна. – У вас шейка матки укорочена. Без пяти минут, простите, сглажена.

– Но у меня ПДР только через две недели! Я ходила наблюдаться к хорошему акушеру-гинекологу! Работа у меня приличная, оплачивают и ведение беременности, и родовспоможение. Но, увы, список клиник обслуживания ограничен, и хотя от работы можно было наблюдаться в хорошей женской консультации, я наблюдалась по знакомству у очень хорошего акушера-гинеколога. Она ещё и гинеколог-эндокринолог, вот! И она мне даже гормональные мази давала от растяжек! А вы что, и правда никаких ни мазей, ни

кремов от растяжек не знаете? Правда так и будут на животе эти ужасные страшные полосы?

– Лена! Их будет меньше! И они изменят размер и форму! – почти прикрикнула на хлопотливо-болтливую Леночку Татьяна Георгиевна. – Вы слышите, что я вам говорю? Сосредоточьтесь! Раз, раз! Раз-два-три, приём!!!

– Ой, врачи все такие шутники! – захихикала Леночка. – В общем, наблюдалась я у акушера-гинеколога-эндокринолога, а в тридцать недель ушла в декрет с превеликим удовольствием, и я всё время терзала себя мыслями, где же мне рожать. В тех клиниках, что по страховке от работы, – не хотелось, и девочки мне посоветовали Маргариту Андреевну...

– Лена! Молчать! Лена! У вас сглажена шейка матки. Вы скоро вступите в роды. Скорее всего – сегодня. Надо госпитализироваться!

Премиленькая пышечка Леночка поморгала накрашенными глазками и наконец, кажется, сообразила, о чём речь.

– Так что они мне, две недели декрета подрезали?

– Не беда, потом добавят, – успокоила её Татьяна Георгиевна. – Если вы хотите рожать у меня, и рожать без проблем, надо сегодня госпитализироваться. Желательно сейчас. Ещё более желательно, чтобы ваш муж немедленно оплатил контракт. Именно вот в этот

момент есть свободная одноместная палата «люкс». С собственным туалетом, с собственным душем и с собственным семейным родзалом.

– А как же это я буду рожать, если ПДР только через две недели? Врач умная, эндокринолог... Она сказала. А я вчера окна вымыла, у меня тусэ с друзьями было, прогулка по меге... Может, из-за этого? Я из-за этого сегодня Маргарите Андреевне позвонила, её телефон девочки по тэгу «акушерка» друг другу передают... Я подумала: а вдруг у меня преждевременные?

– Лена, у вас абсолютно доношенная беременность! – сказала Татьяна Георгиевна скорее в пространство, потому что Лена была на своей волне и ничего не воспринимала.

– Ой, мы же за городом живём! Шоссе почти всегда мёртво стоит!.. А ещё уже неделю что-то коричневое из меня лезет, слизистое, малыми порциями, я все тэги перерыла по теме предвестников, но из них так и непонятно, какая она, эта слизистая пробка... Хоть бы кто сфотографировал... А сегодня пробки вообще ужасные! Как же мне сегодня рожать?..

Татьяну Георгиевну передёрнуло.

– Леночка, ку-ку! Какие пробки?! Леночка, вы уже в родильном доме!.. Посидите здесь, сейчас я пришлю к вам Маргариту Андреевну.

Марго лучше разбирается с этими бурундуками, ку-

да лучше Татьяны Георгиевны ориентируется в растущих тэгах, в прогулках по меге и прочих «тусэ с друзьями». Совершенно какой-то птичий язык. Ну, неспособна Татьяна Георгиевна к птичьим языкам. А Маргарита Андреевна – та любой свист идеально воспроизводит, талант! Так что обломится ей сто пятьдесят и баю-бай. А пса соседка выгуляет.

– И, Марго, будь любезна, объясни мужу этой... погремушки, что контракт надо оплатить. Если он любит свою жену и хочет, чтобы она была в комфорте и одиночестве. И не кривись!

– Нам ничего не останется с твоими контрактами!

– От меня вообще ничего не останется, если Семён Ильич узнает – а он узнает непременно! – что я тут принимаю с улицы без контракта вполне себе социально адаптированную гражданку. Господи, на какой же такой работе она работает? И кем? Неужто таких пустоголовых трещоток берут в приличные конторы, оплачивающие по страховкам и беременность и роды?

– Она, между прочим... юрист! – Маргарита Андреевна порылась в обменной карте, отобранной у мужа.

– О, мой бог! Я, наверное, всё-таки безнадежно устарела и чего-то в этой нынешней жизни не понимаю!

– Чего, например?

- Например, чудодейственные патентованные кремы от растяжек.
- Людям свойственно верить в чудеса.
- Даже если они юристы?
- Даже если...
- Ладно, может, я и необъективна. Может, у девчушки прогестерон рулит...
- Тань, давай без контракта, а? – Подруга попыталась воспользоваться лирическим перерывом в строгом настрое Татьяны Георгиевны.
- Марго, ты сама громче всех орёшь ординаторам про контракты, когда они приводят наконец-то, бедолаги, выстрадавшего взлелеянного клиента «на себя».
- Сравниваешь! Это злоупотребление служебным положением! Но на благо родильного дома!
- Вот именно, злоупотребление. Мы с тобой в две хари злоупотребляем служебным положением. И если бы тут был другой начмед...
- Да-да-да. И другая заведующая, и другая старшая акушерка, то родильный дом давным-давно развалился бы.
- Не преувеличивай. Незаменимых нет. Турнёт меня Сёма под зад коленом. Но если ты будешь совсем уж наглеть – я тебя быстрее турну. Контракт на палату «люкс» с семейным родзалом – сто двадцать тысяч. Вопросы?

– Тань! Ну, давай хоть за семидесятник оформим!

– Ага! А ночью поступит кто-нибудь со двадцатитысячным, и будут тут песни с плясками. Особенно если там тоже юрист окажется. Сто двадцать, я сказала! Заполни с ними бланк – и будем принимать! Как только подпишут – мне неси. Пойду к Семёну Ильичу, пока он на работе ещё. Всё!

– Хорошо! – согласилась Маргарита Андреевна. Но выражение её лица было такое, как будто она только что пообещала переспать со всем Стамбулом. Причём – безвозмездно.

– Семён Ильич, можно? – всунулась Татьяна Георгиевна в приоткрытую дверь.

– Заходите, Татьяна Георгиевна! У вас что-то срочное?

У Семёна Ильича были люди.

– Подпишите контракт. – Она положила Сёме на стол документ, раскрытый на последней странице.

«Поставь подпись, и я уйду!.. Поставь подпись, и я быстро-быстро уйду!..»

– Присаживайтесь, Татьяна Георгиевна. Я сейчас отпущу людей, и мы с вами поговорим.

«Чтоб ты сгорел!»

Пока Семён Ильич ещё в течение получаса разговаривал о каком-то оборудовании с представителями фирмы, Татьяна Георгиевна листала справочник «Го-

меопатия при неотложных состояниях в акушерстве». Ха-ха-ха! Полная херь. Насколько бы ни был целебен подорожник, а с ДВС-синдромом²⁴ он не справится. Да и гнойный мастит с температурой под сорок капустным листом не возмёмшь! Неужто Сёма такое себе прикупил? Да нет. Подарили, наверное. Ходят тут всякие!.. И не пошлёмшь куда подальше, сразу СМИ заголосят. Потому и изображают даже очень умные люди, что их лояльность формируется и формируется, формируется и формируется! Ага! Сформированная лояльность профессиональных акушеров-гинекологов ко всякого рода альтернативщикам такая же фикция, как тот снеговик под окошком с плюшевой жопой на шее. Снеговик, который растает при первых звуках ургентного звонка. Тьфу ты!.. При первом же повышении средней температуры по палате. То

²⁴ ДВС-синдром – синдром диссеминированного внутрисосудистого свёртывания крови. Во время беременности, родов и в послеродовом периоде развивается при тяжёлых формах гестозов, преждевременной отслойке нормально расположенной плаценты, геморрагическом шоке, эмболии околоплодными водами, тромбоземболии, сепсисе, переливании несовместимой крови, тяжёлой экстрагенитальной патологии, неразвивающейся беременности, мёртвом плоде и при целом ряде других неотложных состояний. Приводит к гипоксии тканей и метаболическому ацидозу, что, в свою очередь, вызывает активацию кровяного и тканевого тромбопластина. При отсутствии необходимого лечения развивается нарушение свёртывающей системы, приводящее к необратимым изменениям и гибели.

есть – за окном. И останется одинокая грязная плюшевая жопа в луже плавать. Символом беспомощности паров кофе и ароматических масел перед тяжёлой нижнедолевой пневмонией... Татьяна Георгиевна так увлеклась сумбуром в собственной голове впере­мешку с прочтением не слишком вменяемых советов на предмет вовсе не таких уж и неотложных состоя­ний в акушерстве – составители справочника понятия не имели, что такое *неотложные* состояния, – что и не заметила, как Семён Ильич выпроводил гостей. Он закрыл за ними дверь. Выждал минутку и щёлкнул собачкой замка. Затем подошёл к Татьяне Георгиевне и провёл рукой по её лицу.

– Ты что, с ума сошёл?!

– Да. Уже да. Я уже не могу! Можешь орать сколько хочешь, всё равно все знают, что мы сто лет с тобой любовники. Мне уже до одного места. Не хочешь у тебя, не хочешь в гостинице, не хочешь здесь... Нигде не хочешь! – Говоря это, Семён Ильич наступал, по дороге расстёгивая халат.

– Жалюзи на окнах задёрни. Белый день! – кивнула Татьяна Георгиевна на окно. Кабинет начмеда располагался на первом этаже.

– Танька, я тебе контракт не подпишу. Танька, я тебя с работы уволю. Танька, я тебя опозорю. Тебе будет не на что жить, а я стану принцем-благодетелем...

Я не могу работать, у меня всё время стоит! Ты на пятиминутке сидишь, с интерном своим перешёптываешься – стоит. Ты в приём выскочила, мимо пронеслась – у меня стоит. Ты перекурить вышла, я из окна увидел – у меня стоит. Кто-то произнёс «Татьяна Георгиевна» – у меня стоит. Заведующий патологией на тебя пришёл наябедничать – так у меня на фамилию Мальцева – встало! Хватит надо мною издеваться!

Он повалил её на диван.

Татьяна Георгиевна рассмеялась.

– Сёма, закрой жалюзи! Там только что санитарка из приёма под окнами протопала. Семён Ильич, у тебя не приапизм часом? Это патология. А впрочем, что мне, жалко? Ты мне всегда очень нравился. И нравишься. Ты отлично сохранился, пловец! – Она провела рукой по его бедру...

– Блядь, пиздец! Я кончил!

– А это уже, Сёма, импотенция! – засмеялась Татьяна Георгиевна.

– Какое там!.. Я бы рад. Сразу бы жить стало легче.

– Сёма, импотенция – это неспособность обслужить даму, а не отсутствие желания!

– Всё смеёшься? Я чуть не лопнул, так тебя хотел. Я хочу только тебя. Я ждал, что с годами это пройдёт... Но у меня всё только обостряется и обостряется. Может, поженимся, к херам собачьим?! Мы ещё, в

принципе, вполне молодые люди!

– Вот именно, что «в принципе». Вообще, всю жизнь всё дело в этом – «в принципе»! Семён Ильич, подпишите контракт, не морочьте мне яйца!

– Танька, ты так брезгливо вытерла об мою штанину свои прелестные пальчики, что я снова...

– Сёма!

– Ладно, ладно... Не жизнь, а какой-то фарс! Собачья свадьба. Хоть бы ты уже провалилась!

Семён Ильич поставил размашистую подпись в соответствующей графе.

– Сёма, это очень смешно.

– Что тебе ещё смешно, мерзавка?

– Смешно, что начмед подписывает контракт в одних зелёных штанах. Без куртки. И без халата. А на зелёных штанах у него мокрые пятна. Скорее даже полоски... Может быть, вы оденетесь, Семён Ильич, прежде чем я выйду?.. Кстати, как тебе удаётся так красиво матереть, но при этом не жиреть, а?

– Complimentами не отделаешься! В пятницу чтобы была на защите. И на банкете! Одна! Без кобелей! – бурчал Семён Ильич, приводя себя в божеский вид. – Иди отсюда скорее, бога ради! Ни жрать, ни спать, ни думать, ни работать из-за тебя не могу!

– Будешь знать, как меня на конгрессы в Австрию с собой не брать!

– Ты что, серьёзно?! А кого я тут за начмеда оставлю?

– Тогда терпи! И не веди себя больше как обезьяна! Это один раз мило. А все остальные – противно! – Татьяна Георгиевна показала Семёну Ильичу язык и выскочила из кабинета.

Девицу с тэгом болтливости приняли на второй этаж, в палату «люкс» с семейным родзалом. Мужа отослали за всем ей необходимым.

Но вместо того чтобы лежать, она попыталась перезнакомиться с беременными из соседней палаты. И Маргарита Андреевна установила у Леночки индивидуальный пост. В виде ангелоподобного интерна Александра Вячеславовича.

А ближе к вечеру, как и ожидалось, у Леночки-юриста началась родовая деятельность. Вполне себе такая регулярная. И вроде муж был при ней неотлучно. И Маргарита Андреевна со второго этажа не выходила. Но Леночкин выбор пал на тэг «Молодой красивый доктор».

– В тубз хочется! А-а-а!!! Доктор, очень в тубз хочется и тошнотики! Идёмте, идёмте!!!

Бедный муж понятия не имел, как ему себя вести. Не, ну было бы дело в ночном кабаке, на дискотеке, на гулянке... А тут? К доктору как приревнуешь?

– Лена! – уговаривал её Александр Вячеславович. –

В туалет вам лучше пойти с мужем!

– Не-не-не! А-а-а!!! Я с вами хочу! А вдруг чего не так!..

И что тут сделаешь?

Марго периодически выскакивала в коридор, чтобы вволю насмеяться. Нигде таких картинок не увидишь. Какие страсти! Точно у иных баб крышу сносит набекрень во время родов. Вот подай ей, понимаешь, «в тубз» Александра Вячеславовича. А она после клизмы... Вот так вот, малыш-интерн! Тут тебе не розы. Но самое смешное – муж. Умора просто! Благоверная в родах романтически тащит красавца-доктора «в тубз», а у того вид настолько растерянный, что ни в сказке сказать, ни пером описать! Прямо сейчас расплачется.

– А-а-а!!! – вопила Леночка. – Доктор, а можно мне ещё клизму?! Мне так понравилось! Я вообще человек с вечной проблемой... Этой самой... А уж в последние недели!

– Нет, хватит вам клизм! – строго, вполне себе подокторски отвечал Александр Вячеславович, кидая извиняющиеся взгляды на супруга. – Татьяна Георгиевна и Маргарита Андреевна запретили!

– О-о-о!!! Как при месячных больно, только хуже! Гораздо хуже! Вы знаете, Александр Вячеславович... Господи, какое у вас сложное отчество, язык полома-

ешь! А можно я буду вас называть просто доктор Саша? – строила кокетливые глазки Леночка.

– Лена! Александр Вячеславович врач! – строго говорил муж, снова и снова пытаюсь оторвать жену от интерна.

– Да я тут, похоже, дула!²⁵ – смеялся интерн.

– А ты думал?! – тоже смеялась Маргарита Александровна.

– А-а-а!!! – стонала Леночка. – Давайте мне уже анестезию! Эпидуралку мне давайте, я по тэгам читала! Не все девочки без обезболивания выдерживали! Но я горжусь теми, кто выдерживал... Но я слабая! Ах, доктор Саша, вы такой хорошенький! У-у-у, доктор Саша, мне так больно, а-а-а!!!

– Милая, милая... Успокойся, потерпи, сейчас придёт анестезиолог! – уговаривал Леночку муж.

– Ты – скотина! – шипела на него Леночка. – Ты всегда хотел групповуху с двумя девочками, но когда я сказала, что согласна на групповуху, но с двумя мальчиками, как ты орал!.. Доктор Саша, я тогда даже пост запостила в `girls_only` с тэгом «групповуха». Все де-

²⁵ Дула – помощница в родах. Женщина, несколько сведущая теоретически и немного опытная практически. Профессионально оказывает эмоциональную, физическую и информационную поддержку в родах. Дула не считается медработником и не берёт на себя ответственность за медицинскую сторону дела. На хороших курсах-семинарах по подготовке дул их учат: «Дулы не прикасаются к инструментам!»

вочки сказали, что у них то же самое! Все самцы такие эгоисты! Доктор Саша, вы бы какую групповуху хотели? А-а-а?!! – стонала Леночка, корчась в схватке.

– Лена, опомнись! – уговаривал её муж.

– Я предпочитаю индивидуальные занятия любовью. В смысле – парные. Ну, в том смысле, что одна девочка и один мальчик. Тьфу ты! Мужчина и женщина, конечно же! – Тон интерна вполне соответствовал ситуации. Чуть серьёзности, чуть шутовства. Лишь бы роженице радость.

Маргарита Андреевна еле сдерживалась, чтобы не расхохотаться в голос.

Татьяна Георгиевна посмотрела Леночку на кресле.

– Зовите дежурного анестезиолога, открытие достаточное...

– И не читайте мне ваши трактаты о последствиях! – заголосила Леночка, едва анестезиолог зашёл в родзал. – Я по тэгам читала, всё знаю! Делайте быстрее!

– По чему она читала? – несколько оторопело спросил наркотизатор.

И Маргарита Андреевна и интерн только махнули рукой. А Татьяна Георгиевна сказала дежурному:

– Геннадий Львович, это такой новый способ чтения.

– Электронная книга, что ли?

– Хуже!!!

Несмотря на всю свою болтливость и бесконечную суету, Леночка была послушной и правильной роженицей.

– О-о-о!!! – стала как-то эйфорично стонать она после эпидуралки. – О-о-о!!! Мне стало легче! У меня глаза прояснились! У меня же уже не такие мутные глаза, доктор Саша? – вскидывала она ресницы на интерна.

– Александр Вячеславович, Лена! – строго выговаривал ей муж. – Как ты себя ведёшь!

Сидевшую с ними Татьяну Георгиевну вызвали в приёмный покой.

– К вам дочка Маргошина пришла. Говорит, вы договаривались, – шепнула старая санитарка приёма. – Я уже её к вам в кабинет отвела.

– Да. Всё нормально. А сколько времени?

– Без четверти десять.

– Вот паршивка! И тут элементарно не может...

Заведующая прошла в кабинет.

– Раздевайся! Пошли на кресло!

– Чего это я буду на кресло идти?

– Ну, если девятнадцатилетняя кобыла не знает, что на свете существует контрацепция, то она залетает. Если она залетает – врач должен определить срок. Рожать собираешься или аборт делать? По-

шли, осмотру тебя в зеркалах, бимануально потискаю, признаки Горвица-Гегара²⁶, Пискачека²⁷, Гентера²⁸ и Снегирёва²⁹ поищу... Что смотришь, как баран на новые ворота? Если бы тебя из медицинской академии не попёрли после первой сессии, узнала бы, что за признаки такие. А так... Что тебе остаётся? Только плодиться и размножаться, матери на шею байстрюков сажать. Пошли, кровь из вены возьму, мочу катетером пожёстче. Чтобы в первом приближении представляла себе, что такое мини-аборт! Идём!

– Татьяна Георгиевна, не надо на меня орать! – огрызнулась Светка. – Я не беременная. Я на тест подружку попросила пописать, чтобы мать напугать. Подружке хорошо. Она замуж вышла. А мать меня уже

²⁶ *Признак Горвица-Гегара* — при двуручном влагалищном исследовании определяют размягчение в области перешейка, в результате пальцы наружной и внутренней руки в этом месте легко сходятся, а шейка матки пальпируется как более плотное тело.

²⁷ *Признак Пискачека* – такое изменение формы матки, при котором контуры дна матки и её углов представляются неправильными: угол матки, соответствующий имплантации плодного яйца, выпухает значительно больше противоположного угла, так как нередко имеет место асимметрия матки с 7–8 недель. По мере роста плодного яйца выпячивание постепенно исчезает (к 10-й неделе).

²⁸ *Признак Гентера* – гребневидный выступ на передней поверхности матки по средней линии, определяющийся во время влагалищного исследования при малых сроках беременности.

²⁹ *Признак Снегирёва* – сокращение и уплотнение тела матки при влагалищном исследовании вследствие её пальпаторного раздражения.

достала! – фыркнула избалованная этой самой «доставшей» матерью до беспредела Светка.

– Если ты не перестанешь издеваться над матерью, которая тебя вырастила в одиночку, которая уже просто падает, не зная, как бы ещё тебя ублажить, которая пашет как ломовик для тебя же, но испытывает муки совести за то, что «мало тебе внимания уделяла», видимо, потому, что пахала всю жизнь и продолжает пахать, – я в ноль секунд сделаю твою жизнь невыносимой, – спокойно сказала Татьяна Георгиевна.

– И как же вы это сделаете? – развязно усмехнулась деваха.

– Очень просто. Ты даже не представляешь, насколько мне это просто. Для начала, во-первых, я запрещаю твоей матери принимать роды не в свою смену. А по графику она дежурит в родзале всего лишь двое суток в месяц. Она же старшая акушерка отделения. Во-вторых, пару моих рапортов начмеду – и твоя мать вылетает из старших. В-третьих, я вообще выживаю её из отделения. И идёт она на пятый этаж... Ой, нет. Там своих навалом. Устраивается твоя мать в ЖК...

– А мне-то что до того?

– Ты гораздо глупее, чем я даже могла себе представить, – вздохнула Татьяна Георгиевна. – Хорошо, объясню на пальцах, как для тупых учеников вспомо-

гательной школы. Света, сколько стоят твои сапоги? А твоя куртка? А джинсы? А вот это колечко, что твоя мама трепетно выбирала тебе в ювелирке на восемнадцатилетие? Меня с собой потащила, хотя я ничего не соображаю в бриллиантах. Мне сорок с гаком лет, Света, я отлично зарабатываю. Я купила себе квартиру, машину, тряпки я давно не считаю, но я ничего, Света, не понимаю в бриллиантах. А ты, дрянь, закатали матери истерику, что это-де не бриллиант, а жалкий осколок. У меня даже «жалких осколков» нет. За свои. Бриллианты мне мужчины дарят. А сама себе я драгоценности не покупаю. Потому что на них мне не хватает. Я лучше машину посвежее выберу. Если, конечно, несвежую продам. А ты, когда я всего за две недели устрою то, что сказала, будешь между чёрным и белым хлебушком выбирать. А не между бриллиантами и мехами, преподносимыми тебе матушкой! Всё ясно?

– Вы такое никогда не сделаете с мамой! Вы же с ней столько лет дружите!

– Вот именно поэтому и сделаю. Дружбу на плаху положу, но сделаю. На то она дружба и есть. Мне – время болячки залечит. Зато она сразу узнает, почём нынче фунт дочерней любви в розницу, когда она не сможет тебя, как принцессу египетскую, обслуживать. И за выводами у неё не заржавеет. Она баба умная,

поверь. И когда она сдаст тебя в израильскую армию – потому что в дом ребёнка тебе уже поздновато, а к престарелым рановато, – чтобы быть уверенной наверняка, что ты одета и накормлена, – я её обратно возьму. Может, конечно, и не помирится. Зато тебя рядом уже не будет. Марго вполне заслужила немного покоя и жизни для себя.

– Я маме расскажу, что вы мне тут говорили! – выкрикнула Светка, но уже скорее оборонительно – как вечно обиженный несправедливостью мироустройства подросток. Тон, каким Татьяна Георгиевна всё это произнесла, не оставлял никаких сомнений в искренности её обещаний.

– Валяй. Можешь хоть всю жизнь выкаблучиваться – тоже по-своему «профессиональный» выбор. А можешь устроиться на работу. Или в академии восстановиться. А ещё лучше – восстановиться в академии и устроиться на работу. Тоже выбор. Правда, профессиональным он не сразу станет. Зато стабильно. А что ты выберешь – не моё дело. Но я, ежедневно перекуривая и попивая кофе с твоей мамой, буду уточнять, как там Светочка, свет очей её, и тоже буду определяться с выбором. Со своим. По обстоятельствам. Так что я не могу сказать, что выбор за тобой. При данном раскладе он как бы за нами. Повязаны мы теперь с тобой. И обе – против воли. Это жизнь, ничего поде-

лаешь. – Татьяна Георгиевна вытянула из пачки сигарету, прикурила и молча предложила Светке. Та взяла. – Ну что скажешь, голубка сизокрылая? – спросила она, протягивая той зажигалку.

– Я подумаю! – та скорее истерично пискнула, чем саркастично окрысилась. Взъерошенная, раскрасневшаяся от непривычки к таким раскладам, но взяла, похоже, себя в руки.

«Всё-таки Маргошин характер зацепился за пару-тройку генов», – удовлетворённо подумала Татьяна Георгиевна.

– Нечего думать. Домой топай, кобыла. А когда придёшь – копытами не бей и ноздри не раздувай. Собачку выгуляй, сложно, что ли? А не жди, когда мать с работы ненадолго забежит, чтобы псина, которую когда-то давно ты «очень хотела», не обоссалась на твои очередные брендовые и немытыми в коридоре брошенные сапоги. Понимаешь, о чём я? Я о ласке и заботе. Если уж и не обо всём живом, раз широты души не хватает, так хотя бы о ещё живом близком. Мать хоть и орёт порой, да только она как кенгуру – орёт, а из сумки сытой и тёплой не вынимает, как вечно беременная. А ты шипишь, как змея. И слюной брызжешь, как гиена. А это, знаешь ли, привлекательности ни одной барышне не добавляет. Смотри – привыкнешь. Это ведь смотря какой мужик потом

попадётся. А то, знаешь, пошипишь так разок – а он тебя за шкварник и в мусоропровод! Всех нас порой чего-нибудь да бесит. Не можешь мать любить? Тогда как психологи в книжках завещали – будь умней. Не можешь быть умней – будь хитрей. И тебе толку больше, и всем спокойнее. Всё. Топай. Ещё раз вызову – натурой буду брать за приём. Пара малопохоженных сапог – за академический час. Шантаж твой дешёвый с беременностью на первый раз между нами останется. Но когда рожать придёшь – когда бы ни пришла, – я тебе его припомню. Очень хочется узнать, до какой степени твоя морда краснеть умеет. Кобыла ты, кобыла и есть. Необъезженная. Всё. До свидания.

– До свидания, Татьяна Георгиевна. – Светочка закурила сигарету и пошла к выходу. И уже взявшись за ручку, она обернулась. – И сами вы... кобыла! – брякнула она с почти детским хулиганским выпадом и юркнула за дверь.

Татьяна Георгиевна с наслаждением потянулась и сказала висящим на стене многочисленным свидетельствам об окончании курсов, ООНовских тренингов, специализаций, квалификаций, участиях в съездах и конференциях и так далее и тому подобное:

– И то правда.

– Татьяна Георгиевна! – в дверь заглянул Александр Вячеславович. – Вас Маргарита Андреевна в

родзал срочно зовёт!

– Интерн! Вы совсем обнаглели. Вообще-то надо стучать, прежде чем заходить в мой кабинет. Особенно когда дверь закрыта. Может, я накраситься не успела к вашему приходу. Какой конфуз! А про то, что меня Маргарита Андреевна в родзал зовёт, вы могли и по внутреннему телефону сообщить, раз уж на мобилке денег нет.

– Деньги есть. И я не наглый, а быстрый. Просто я хотел вас проводить. В родзал. Но через перекур. А вы разве краситесь?

– У меня просто нет слов, Александр Вячеславович, до того вы мне надоели! Пошли, наглый мальчишка! Тётя Таня с тобой покурит. Потому что ты забавный, красивый и не дурак.

– Да, я такой! – подбоченился интерн. – И вовсе я не мальчишка. Я здоровый мужик. Мне четверть века! И все дела!..

– Пошли, четверть века! Только ушами не прядай! А то как бы тебя за юнца тридцатилетнего кто не принял! Со всеми делами! – Татьяна Георгиевна легко вскочила со стула.

– Татьяна Георгиевна! – притворно ужаснулся тот. – Вы со мной кокетничаете?!!

– Да-а... Кокетку нашёл. Я над тобой смеюсь, дубина! – Она действительно рассмеялась и отвесила

Александрю Вячеславовичу шустрый подзатыльник.

У него были очень приятные на ощупь, густые, жёсткие волосы.

– А вы умеете кататься на лошадях, госпожа заведующая? – спросил интерн в приёме, подавая ей синий байковый халат «для выхода» так галантно, как будто это был норковый палантин.

– Не только умею, но и катаюсь! Не так часто, как хотелось бы, но катаюсь. У меня даже есть собственная лошадь. Кобыла. Терпеть не могу жеребцов!

– Это вы про меня?

– Не умничайте и не рассчитывайте, Александр Вячеславович! Я просто очень последовательный человек. Идёмте, быстренько заправимся никотином и поднимемся в семейный родзал.

Перекурили молча. И быстро. Татьяна Георгиевна даже не успела себя отругать за то, что – да-да-да!!! позор!!! – действительно кокетничала с интерном.

– Чего-то тут какие-то кровянистые выделения... Тань, посмотри девушку на кресле.

Татьяна Георгиевна надела стерильные перчатки.

– У неё геморрой, Маргарита Андреевна, – укоризненно посмотрела заведующая на старшую акушерку. – Всего лишь геморрой! Ладно, раз уж я надела стерильные перчатки... – Татьяна Георгиевна выполнила внутреннее акушерское исследование. – Воды

потекли. Маргарита Андреевна, помогите Александру Вячеславовичу развести оболочки. Если, конечно же, Леночка не против.

– О-о-о! Пусть доктор Саша делает со мной что угодно! – обрадовалась раскинувшаяся на кресле женщина. В родах. С подкравливающим геморроем. Муж Леночки вцепился в волосы.

– Вы не переживайте, дорогой мой! – нежно и тихо обратилась к нему Маргарита Андреевна. – У девочек в родах всякое бывает! Они частенько в докторов, особенно красивых, влюбляются. А как родят – сразу проходит. Прямо через полчаса буквально. А девочкам потом стыдно. Так что вы особо-то на ум не берите – это всё чистая химия.

– И ничего не стыдно! – прокричала с кресла Леночка.

– Подержите свою супругу, мы с доктором отойдём в сторонку на минутку, обсудим наши акушерские вопросы.

– Значит, так, – вытащила Александра Вячеславовича из родильного зала в палату люкс Марго. – Вводишь во влагалище два пальца правой руки, как положено. Нащупываешь оболочки плодного пузыря. Как бы такие плёнки и сопли почувствуешь на головке. И вот как нащупаешь – левой рукой вводишь браншу пулевых щипцов. Но не куда попало женщину в это са-

мое место тыкаешь, и уж тем более не в голову ребёночку. А аккуратно вводишь по пальцам своей правой руки. И, контролируя этими же пальцами, отводишь крючком оболочки в стороны с головки. Оболочки тормозят продвижение подлежащей части плода! Потому их необходимо развести. Это не так сложно, как кажется. В общем, руками всё поймёшь!

– Хорошо, Маргарита Андреевна.

У интерна всё отлично получилось.

А через пять часов Леночка подошла к полному раскрытию, и всё было так, как самым нормальным физиологическим акушерством положено. Потом Татьяна Георгиевна продиктовала интерну историю родов, и Маргарита вытащила её на перекур:

– Ну что?! Была Светка?

– А то ты не знаешь, Марго! Как это ты ещё так долго продержалась?

– Это не я продержалась. Это ты от меня бегала. Зашла в родзал, посмотрела, смылась. Меня тренером при своём интерне оставила. Я к тебе в кабинет спускалась, тебя не было. Где была? На пятом?!

– Вот! Ты всё знаешь. Короче, пришла твоя Светка, жива-здоровая. Ночевала у подруги. У какой-то замужней и беременной.

– Есть такая. Я ей звонила. Она сказала, что не знает!

– Ты что, первый день родилась?! Они же, бывает, друг за друга горой. Бывает – по-умному. А бывает – и по-тупому! И не беременная твоя Светка.

– Точно?

– Точно. Я её на кресле посмотрела и ещё один тест дала.

– А чего ж то утром было?

– Марго, тесты – не последняя истина. Конечно же, ложноотрицательные результаты встречаются чаще, но бывают и ложноположительные. Ну вот редко случается, но попался твоей Светке некачественный тест. Просто некачественный тест. Так бывает... У меня однажды у самой как проявились те пресловутые две полоски – так я чуть почвы под ногами не лишилась. А там и так-то той почвы... Это когда мы с Сёмой на Гавайи вместе летали. Я головой об пальмы бьюсь, а этот дурак давай плясать, планы строить, замуж уговаривать. После того, как он, разумеется, от жены уйдёт. В общем, задержка была от смены часовых поясов, от перелёта, от стресса вообще, а потом оказалось, что никакие это не две полоски, а просто...

– А просто ты – бурундук! – заржала уже куда более радостно, чем днём, Маргарита Андреевна.

– Ага! – рассмеялась Татьяна Георгиевна. – Он самый! Задержка, некачественный тест – и вот ты не святая-беременная, а просто бурундук. И Сёма не

развёлся, мы просто прекрасно отдохнули, а вернувшись, расползлись по своим бурундучьим норам. Всякое бывает, – глубоко вздохнув, повторила Татьяна Георгиевна. – Ладно, Марго. Иди спать.

– Я домой поеду. Там Светка... Она же дома?

– Дома.

– Ну и пёс...

– Как знаешь. Я пойду отрублюсь. Чего мне домой-то ехать, два часа уже. Посплю, а завтра сорвусь пораньше. Переодеться там, всё такое. У Сёмы защита, потом банкет. Буду такая красotka, что ой, – грустно улыбнулась Татьяна Георгиевна. – Иди, Марго, иди. А я в койку. Спокойной ночи...

Кадр десятый

Защита, банкет, все дела...

Защита была назначена на двенадцать часов дня.

Обычно на заседании диссертационного совета рассматривалось как минимум две работы. Например, докторская и кандидатская. Или кандидатская и кандидатская. Иногда со свистом проносились три кандидатские, ибо уж слишком много в последние десятилетия развелось аспирантов, соискателей и прочих, жаждущих получить заветное «к. мед.н.», которое, как известно, очень украшает бейдж на халате и резюме, рассылаемые за границу в поисках вакансии постдока. Но если три, то именно кандидатские и именно со свистом. Потому что глубокоуважаемые члены специализированного диссертационного совета так успевали в перерывах обрадоваться встрече друг с другом, так наполемизироваться и накулуариться, что мама не горюй! И уже к началу второй защиты начинали хихикать, как школьники, заговорщически перешёптываться, строить друг другу глазки – в общем, вести себя далеко не академически. Нет, ну а как ещё себя вести, если оппоненты, приехавшие из других городов (за счёт, разумеется, соискателя учё-

ной степени), мечтали, чтобы эта тягомотина побыстрее закончилась. А дальше – отдых, ресторация, приятные прогулки по городу. Или приятные посиделки в гостиничном номере «люкс» (оплаченном, разумеется, всё тем же соискателем учёной степени).

Но Семён Ильич Панин – совсем другое дело. Он со своими же научными консультантами и официальными оппонентами столько водки по дружбе, по жизни и даже «по санавиации» выпил, что выдержать после его защиты ещё кого-нибудь?

Так что защита была сегодня одна, и она была назначена на двенадцать. В три планировался лёгкий послезащитный фуршет. А в шесть вечера – гульбище в пафосном ресторане. Закрытом на спецобслуживание, вот так-то!

Татьяне Георгиевне не очень хотелось сидеть на самой защите. Сёма, конечно, публично чушь давным-давно не боялся нести. Но всё равно сидеть с умным видом на несении с умным же видом чуши... Но никуда не денешься! Обидится на всю оставшуюся жизнь. Впрочем, он всю жизнь на неё обижается «на всю оставшуюся жизнь». Ничего нового. Как и ничего нового не будет в суете вокруг неё и Сёминой жены, этой вечной святой дуры.

Мальцева и Панин в начале первого курса закрутили бурный роман. Длился бурный роман ровно год.

Мальцева была слишком юна, а Панин – слишком молод. Она была только-только после школы. Он – после армии. А через месяц после того бурного года Мальцева закрутила роман с кем-то другим... Господи, хоть упаковку ноотропила махом прими – ни фамилии, ни лица. С кем же?.. Да какая разница! Потому что затем был ещё роман. И ещё роман. И ещё... И всё ещё был Сёма. И ещё... Нет, ещё появился тот, кто не из серии «и ещё»... Проблем у юной Мальцевой было две: она была слишком красива, и она слишком легко увлекалась. Нет, пожалуй, три проблемы было у юной Мальцевой – ещё у неё был скверный характер. Слишком своенравный. Слишком себялюбивый. Она никогда не могла признать, что хоть в чём-нибудь виновата. Что хоть кто-то, кроме неё, может быть прав. Она полагала, что ей можно всё, а другим – тому же Панину – ничего. Вот ей – можно всё. И ничего ей за это не будет. А другим – особенно Панину – будет, и ещё как! То есть можно только восхищаться Мальцевой, носить Мальцеву на руках и терпеть, терпеть, терпеть... И – прощать и прощать ей всё на свете. Например, то, что она, придя в гости с Паниным, её официальным молодым человеком, уже через полчаса целуется с кем-то взасос на балконе. Всего-то требовалось – извиниться! Сказать: «Сёмка, ну вот такая я блядь, прости меня! Ближайшие дней де-

суть не буду!» Как же!.. Явление Панина на балкон ничем, кроме, мягко говоря, удивления и средне-тяжёлого мордобоя с бедным парнишкой – жертвой Танькиного неизбывного кокетства – не закончилось. Он же, Панин, и прощения просил. А Мальцева фыркала. И сказала, что раз он такой собственник, что даже невинного поцелуя ей не позволяет, то пусть и катится ко всем чертям. Тем более что она уже встречается с... Нет, не с этим, балконным слюнопускателем.

Панин и покатился. Даже на другой поток перевёлся, так разозлился. И быстренько женился на тихой, милой, скромной, симпатичной девушке Варваре. Варя никогда не выставляла Панина идиотом, Варя никогда и ни с кем, кроме Панина (и до Панина), не целовалась, не то что уж там... Варя боготворила своего фигуристого красавца Панина и считала каким-то неземным счастьем просто его пребывание рядом. Когда он предложил ей выйти замуж, она в обморок упала. Реально, по-настоящему. Безо всяких женских игр. У Вари зашумело в ушах, помутнело в глазах – и трансляцию мира выключили. Потому что Варя надеялась всего лишь на то, что фигуристый красавец Панин, может быть, когда-нибудь с нею всего лишь переспит и она будет жить этим прекрасным воспоминанием. Варя знала (другой поток не другая планета), что Панин перевёлся сюда из-за Мальцевой. Потому что

он её сильно любил, а она его – нет. Во всяком случае, тихая, милая, скромная, симпатичная девушка Варя настолько смогла оценить ситуацию, насколько разбиралась в чувствах. Если бы Мальцева Панина любила, разве бы она его отшила? А она – отшила. Хотя именно он вёл себя красиво и правильно, а Мальцева – не очень-то красиво и совсем неправильно. Но Варя не думала о Мальцевой плохо. Никогда! Варя всегда думала о Мальцевой только хорошо. Варя была Мальцевой благодарна, потому что, веди себя Мальцева красиво и правильно, – никогда бы ей, Варе, не достался Семён Панин, самый умный, самый галантный, самый спортивный, самый видный парень курса. И даже самый-самый-самый всех шести курсов! А то и вообще – за всю историю их медицинского института. Панин – полубог! А она, Варя, простая смертная. Её дело – служение ему. Кого из мужиков такое отношение не трогало? Кому из них подобное обожание не тешило самолюбие, не массирировало эго? Даже самым-самым-самым. Вот и Панин не был исключением. К тому же он был так зол на Мальцеву, что... Ну кто из взрослых и умных людей хоть раз в жизни не шёл пешком назло кондуктору, несмотря на купленный билет?

Нет-нет, разумеется, женился на Варе он не из-за Мальцевой. Из-за Мальцевой он бы женился на Маль-

цевой. Но Мальцева отжигала такие гастроли, что ни одно мужское эго не выдержало бы, будь оно хоть из титана.

Было бы очень неплохо, если бы Мальцева улете- ла куда-нибудь на Луну. Или в другую звёздную си- стему. А лучше всего – чтобы всё время была рядом, неотлучно. Ежедневно. Ежечасно. Ежеминутно. Еже- секундно. Потому что когда Панин её иногда видел – ему становилось тошно. Так тошно, что хотелось немедленно на неё накинуться и поколотить. Или по- любить. Или и то и другое сразу. Она была ослепи- тельно хороша, эта дрянь Мальцева, но дело даже не в этом. Мало ли красивых женщин? Мало ли желан- ных женщин? А по молодости лет – так и вовсе через одну. Но Мальцева даже среди красивых и желанных выделялась невероятно. Во всяком случае, для него. И не только для него, судя по количеству её скоротеч- ных романов со всеми подряд.

Он Таньку Мальцеву даже на свадьбу пригласил. Мальчишество!.. Варя была так счастлива, что ничего и никого не замечала. А Панин прекрасно помнил, что Мальцева пришла с одним, куда-то в ночь выходила с другим, а уехала и вовсе с третьим. Во все даже не студентом. Кому-то позвонила по телефону из каби- нета администратора – да, эту гадину и туда пустили, она и там пококетничала! – приехала «крутая тачка»,

и Мальцева куда-то сдунула. В первую брачную ночь Панин побил все мыслимые и немыслимые рекорды. И вовсе не по плаванию. И плевать ему было на стонущую вовсе не от наслаждения, на измученную болью, на обессиленную от недоумения Варю. Он был не с Варей.

Варя, впрочем, была счастлива. Потому что она, Варя, была с ним. И она была – Варвара Панина! Отныне и вовеки веков, аминь! Хотя это и жутко неприятно, эта первая брачная ночь. Особенно если ты девственница. Это просто зверство какое-то, а не первая брачная ночь. Но раз он так её любит, что всю ночь этим с ней занимается, даже не обращая внимания, как ей тяжело, – она, Варя, счастлива. Варвара Панина так и не полюбила заниматься «этим», но она всегда была счастлива. Потому что она была рядом с ним. Потому что она была Панина. Иногда её тихое, милое, скромное, симпатичное счастье приводило Семёна в ярость – и он срывался из дому. Точнее – из их «семейной» комнаты в общежитии. Иногда – в соседнюю, вовсе не семейную, комнату. А иногда и неизвестно куда. А когда приходил – из соседней ли комнаты или неизвестно откуда, – Варя ещё и просила у него прощения. Чай заваривала крепкий. Ни о чём не спрашивала. Ни за что не ругала. Прощения просила! Это обезоруживало. Это он, Панин, должен был

любить Мальцеву так, как любит его Варя. И тогда он был бы счастлив. Сука характер! Сука, гадкая гадина – этот мужской характер. Да кому он сдался? Кому он счастье принёс, этот так называемый «мужской характер»? Мужской характер – это любить безусловно! Так, как его любит Варя. Варвара – мужик! А он, Панин, – баба. А Танька Мальцева – женщина... блядь такая!

После зимней сессии четвёртого курса Панин поехал в Карпаты. По профсоюзной путёвке. Варя не поехала – она была беременна. Первый раз беременна. Зато поехала Мальцева. Нет, не с Паниным. И не специально. Просто тоже поехала – и всё. Почему бы молодой, незамужней и небеременной студентке не поехать в Карпаты? Тем более что Танька Мальцева, в отличие от Вари Паниной, вполне прилично катается на лыжах. Так что никаких интриг ни с чьей стороны. Просто случайность. Встретились в вагоне. В плацкартном. Встретились – и привет! Взрыв сверхновой! Панин бегал к бригадиру поезда и валялся в ногах, выбивая СВ. Выбил. Благо СВ в те времена был такой «бронью», что частенько оставался почти пустым. «Только если проверка!..» – сказал бригадир. И была проверка. И они с Танькой мёрзли в тамбуре, весёлые и счастливые, и даже строгая «проверка», проходя мимо них, сперва сказала: «Почему не на сво-

их местах, молодые люди?!» – а потом улыбнулась. Потому что Панин буркнул: «Курим!..», а Танька ответила строгой «проверке»: «Потому что я идиотка. А из-за одной идиотки иногда целая куча людей может оказаться не на своих местах!» Ночь в поезде была самой счастливой ночью Панина. Зимние каникулы в Карпатах были самыми счастливыми ночами его жизни. И днями. Он был счастлив ежедневно, ежечасно, ежеминутно, ежесекундно!..

А потом всё закончилось. Они вернулись в Москву – и всё закончилось. Танька с ним даже не попрощалась. Она выпала из поезда прямо в объятия какого-то мужика. Кажется, того самого, что увёз её на «крутой тачке» с их с Варей свадьбы... Чёрт! С его свадьбы, будь она проклята! Этот чуждый посторонний мужик взял у неё, его Таньки, сумку и нежно поцеловал её, как свою собственную Таньку. Мальцева крикнула всем общее: «Пока!», никак не выделив Панина из толпы – ни взглядом, ни жестом, ни отдельным каким-то словом... Ничем!.. И понеслась по перрону под ручку с мужиком. Точнее, он размашисто шёл, твёрдо так, уверенно, гад. А Танька, его – Панина – Танька, носилась вокруг мужика вприпрыжку, то снова хватая под руку, то отпуская и вертясь юлой. Целовала мужика, висла у него на шее. Нежничала искренне, радостно, не напоказ. Нежничала, потому что бы-

ла счастлива скакать собачкой вокруг этого мужика, целовать его, миловаться с ним. Так же, как нежничала она с Паниным все их преступные Карпаты. Когда же она была настоящая Танька? Неужели с обоими? Так не бывает!

Панин выжидал её после окончания занятий, узнавая в деканате расписание. Панин искал встречи с ней. Панин звонил общим знакомым, выясняя, где сейчас живёт Мальцева, потому что у себя дома она нынче не жила.

И, наконец, выследил.

– Привет! – беззаботно сказала она. Так естественно и радостно, как говорят бывшим соседям по парте, а вовсе не любимому человеку. Бесконечно любимому, как он уже предположил по тому безумному зимнему заснеженному горному счастью.

– Привет? И это всё? – опешил он.

Он опять повёл себя не так, идиот. Ну почему он не ответил просто: «Привет!»? Кому было нужно это укоризненное: «И это всё?» Почему он просто не забрал у неё сумку, как тот мужик? Властно, но ласково. Почему не взял её под руку? Как свою собственность, как свою любимую собственность, как взял её под руку тот мужик? Она бы шла с ним, с Паниным, а вовсе не с каким-то посторонним мужиком, и он бы отпускал её руку, когда она хочет. И снова бы давал ей свою руку,

когда ей вновь эта рука потребуется. Это выглядело тогда так гармонично – его Танька и тот посторонний чуждый мужик, что Панин корчился от боли, страдая бессонницей, а его беременная Варя заваривала ему чай.

– Рада тебя видеть, Сёма! – добавила Мальцева, всё так же равнодушно сияя своим вечным равнодушным сиянием светила, которому абсолютно всё равно, что, лучась, оно кого-то греет, а кого-то обжигает чуть не до смерти. Что от света этого равнодушного светила зависит чья-то жизнь. Светилу плевать. Мальцевой, сводящей его с ума своим безупречно-равнодушным сиянием, было на Панина глубоко плевать. Так ему, по крайней мере, казалось. Он даже был в этом уверен. Стал уверен после того, как она беззаботно сказала ему: «Привет!» А ещё у Панина... встал. Каждый раз, когда он думал о Мальцевой – а он всё время о ней думал... Каждый раз, когда он вспоминал Мальцеву – а он её всё время вспоминал... Это было мучительно. Какие тут могут быть разговоры.

– Не очень-то ты стремишься меня видеть! – буркнул он.

– Хочешь кофе? – улыбнулась она.

Они пошли в кафе.

– Таня, я люблю тебя!

– Я тебя тоже люблю, – она была так же равнодуш-

на.

– Ты всех любишь! – Он опять скатился в идиотские обиды трёхлетнего малыша.

– Далёко не всех! – рассмеялась она. – Только очень некоторых.

– Таких, как тот мужик?

– Таких, как тот мужик, – согласилась с ним его Танька Мальцева.

Она вовсе не хотела его злить. Ни сейчас, ни тогда, когда целовалась с кем-то на балконе. Это просто было её естественным состоянием. Она и правда не понимала, в чём виновата. А ещё она не понимала, в чём он-то, Семён Панин, может её, Татьяну Мальцеву, обвинять. Ни тогда не понимала, ни – тем более! – сейчас. Такой у Мальцевой был дефект, если угодно. Она и правда совершенно искренне не понимала, почему мужчины такие странные. Вот взять, к примеру, цветы. Роза не нервничает, если тебе нравятся ещё и маргаритки. И не уколет тебя специально шипом. Маргариткам плевать, что ты без ума ещё и от хризантем, и они, маргаритки, не будут гневно посыпать тебя пылью за твоё хризантемное безумие. Цветы, возможно, и борются за место под солнцем. Но само солнце они любят, не ревнуя его друг к другу. Не до ревностей, быть бы фотосинтезу.

Панин ненавидел себя за дальнейший диалог. За

то, что он наговорил. И за то, что он сделал. Ненавидел все годы.

– Ты что, просто спала со мной в Карпатах? Это ничего не значило?

– Я спала с тобой не просто, а с удовольствием. Значило, Сёма. Это очень много для меня значило.

– И что это для тебя значило?!

– Прекрасно проведённое время. А для тебя это значило что-то другое? И что может значить больше прекрасного во всех его проявлениях?

– Дрянь! Какая же ты дрянь!

– Панин, у тебя беременная жена. Я думала, ты хочешь просто развлечься, просто отдохнуть.

– Не лги! Ничего ты такого не думала!.. А как же те слова, что ты мне шептала по ночам, говорила по ночам, орала по ночам?

– Чего только ночами ни нашепчешь, ни наговоришь, ни наорёшь... – саркастически усмехнулась она.

Панин вскочил и дал Таньке пощёчину. И пошёл к выходу. Даже не расплатился. Не до таких мелочей, как счёт, когда такие страсти.

– Варе привет передавай! – крикнула ему вслед Мальцева.

Много позже он узнал, что у неё тогда с собой не было денег. И ей пришлось просить бармена разре-

шить позвонить. И долго вызванивать того самого мужика. Чтобы он приехал за ней. Потому что у неё нет денег, и кровоподтёк на щеке, и вообще глаза красные и морда опухла. От слёз.

Тот самый мужик к тому моменту был мужем Таньки Мальцевой. Она Панина на свадьбу не звала. Она вышла замуж по любви, и ей Панин на её свадьбе был не нужен. Она вообще никого не звала.

Танька с мужем прожила немало счастливых лет, а потом он разбился ночью на трассе. На очередной «крутой тачке». Мужик очень любил Таньку и всё ей прощал. Медленно, терпеливо дрессировал, воспитывал. Прощал ей то, что у нормальных людей принято называть «ошибками», «изменой» и... И только подлости в Таньке Мальцевой не было. Злость была, задиристость, ехидство, наглость. Слишком огромное любопытство, иными трактуемое как «жажда жизни». Мужик любил Таньку Мальцеву безусловно. Научил не спешить – насколько Таньку вообще можно было научить терпению... Настоящий мужик, не то что Панин, у которого, несмотря на все фигуры-фактуры, кишка оказалась тонка выждать Таньку Мальцеву. Выждать, вытерпеть, выстрадать... Но мужик разбился ночью на трассе, и Танька Мальцева замуж больше не вышла. Потому что второго такого, способного выдержать все её «закидоны», больше, видимо, не бы-

ло... Был! Семён Панин. Он научился, он повзрослел. Но Мальцева его не захотела.

К тому же, когда они снова встретились – в интернатуре, – Варя Панина была беременна во второй раз. Она получила тихую, милую, скромную, симпатичную терапию, шесть лет отсиживалась в декрете, а затем забеременела в третий раз. Так что у Семёна Ильича Панина было трое детей и прекрасная жена-мать-хозяйка Варвара Степановна.

Когда случилась интернатура – Панин и Мальцева тут же, в первый же день, заперлись в той самой раздевалке интернов с хлипкой дверью, на какой-то очередной коробке «на постоять»...

– Господи, как же я тебя люблю! Боже, как же я люблю тебя! – стонал Панин, тогда ещё далеко не всегда Семён Ильич. Фигуристый, красивый Панин. Мощный, весёлый, с густыми жёсткими волосами... – Я жить без тебя не могу!

Танька молчала. Ей всё это нравилось. Ей нравился Панин, хлипкая дверь в раздевалку интернов и даже эта коробка «на постоять». Для неё это было очередным любопытным приключением. Но тогда ещё был жив муж. И он, муж, был частью Мальцевой. Частью Мальцевой, а не частью жизни Мальцевой. Что такое «часть жизни»? Что-то вроде коробки «на постоять»... Своего мужа Мальцева любила, как любят

только часть себя. Никогда и ни к кому так не ревновал Панин Таньку, как к её мужу. Особенно после того, как тот погиб. Он до сих пор – сколько лет уж! – безумно ревновал Таньку к покойному мужу. Ничему Панин так и не научился! Ну не мог он привыкнуть к огромному его портрету на стене Танькиной спальни. К его фотографиям в рамках на кухне. К нему, каждый раз неожиданно-пристально смотревшему на Панина со стены, когда включался свет в коридоре. Особое бешенство вызывало то, что Танькин покойный муж и он, Семён Панин, похожи... Просто этой твари нравится один и тот же – внешне – тип мужчин, нечего выдумывать! Она вышла за него замуж не потому, что он был похож на тебя. Она к тебе потянулась, потому что ты был похож на образ в её сердце!

После того как Танькин муж погиб, а оба они – и Мальцева и Панин – были уже старшими ординаторами, всё стало... таким, каким и оставалось по сей день. С поправками на плюс-минус быт, плюс-минус жизнь и плюс-плюс-плюс работу. Мальцева тогда, после похорон мужа, весь вечер пила с Паниным в ресторане, а всю ночь и даже следующий день – трахалась с Паниным. Иначе не назовёшь. Она трахалась. И трахалась она с остервенением. И делала она это не с Паниным. Ирония, но за Варину первую брачную ночь ему отомстила Танька Мальцева. В первую ночь

после похорон своего мужа, остервенело сношаясь вовсе не с ним, не с Семёном Паниным. Варя, впрочем, проживала в счастливом неведении. Она не знала, что первую брачную ночь любили не её. Потому и знание об отмщении ей было и вовсе уже ни к чему. Во многом знании вообще много печали, как написано в одной неглупой книжке.

Знала ли Варвара Степановна Панина, что её муж ведёт такую сложноподчинённую двойную жизнь? Наверное, знала. Варя была тихой, милой, скромной, симпатичной... Но законченной кретинкой она не была. Разумеется, догадывалась. Но о перипетиях, извилистостях, лабиринтах сложноподчинённости и близко не подозревала. Самое мерзкое во всём этом было не то, что Варя «терпела из-за детей» или потому, что «а куда я денусь?», нет! Варвара Степановна боготворила своего мужа так же, как боготворила ещё до того, как он подошёл к ней и сказал: «Варя, что вы делаете сегодня вечером?» – и пригласил в кино. Если Сене – так она его называла – нужна Мальцева, значит, она ему нужна. Варя приняла бы его уход. Приняла, продолжая боготворить. И именно поэтому он не мог от неё уйти. И ещё потому, что Мальцева не хотела, чтобы он уходил от Вари. Точнее – не хотела, чтобы он приходил к ней. Переходил. Да, именно. Иногда казалось, что Мальцевой вообще всё равно, от кого

уйдёт Панин, куда он пойдёт... И при этом женщины живее и любопытнее, жизнеспособнее и пробивнее, чем Татьяна Георгиевна Мальцева, невозможно было себе представить. Умная, организованная, чувственная, совершенно не стареющая, в отличие от Вари... Мадам Панина вообще давно плюнула на свою внешность. Хотя и прежде ею особо не интересовалась. Варвара Степановна интересовалась кухней, детьми, школами для детей, одеждой для детей, английским и танцами, престижными вузами – для детей. И не вмешивалась в жизнь мужа.

– Привет! – радостно встретила Татьяну Георгиевну Варвара Степановна. Мальцева только-только приехала к зданию кафедры, где проходили заседания спецсовета, и как раз поднималась по лестнице на второй этаж.

Панина была в строгом костюме. Шерстяном. Юбка, пиджак. Давно уже слишком бутылочные ноги в омерзительно светло-телесных колготках. Какие-то корявые туфли. На Вале даже самая хорошая обувь выглядела коряво. Она совершенно ничего не умела носить. Одежду в том числе. На лацкане пиджака уже красовалось какое-то паштетное пятно. Ну, разумеется, локальный последиссертационный фуршет – читай «предварительное застолье» – всегда на диссертанте. Кто-то нанимает повариху, кто-то заказывает из

ресторана. Семён Ильич об этом вообще не думает, потому что у него есть Варвара Степановна, его вечная ключница, мать его, блин, детей.

– Танька, я жутко волнуюсь! Всю ночь не спала, готовила. Сегодня вот всё завезла и не знаю, когда накрывать, чтобы не заветрилось. Защита пока задерживается. Это всегда так?

– Всегда, Варя, всегда... Привет! – Татьяна Георгиевна поцеловала Панину в щёку. – Варя, ну какого чёрта лысого ты сама готовила, а? Назвала бы своему бугаю сумму и заказала бы. Привезли и накрыли бы в лучшем виде.

– Да что там из тех ресторанов привезут? Вдруг несвежее! Хочется, чтобы вкусно и домашнее...

– Варя! За такими столами в основном пьют. И общаются. Закуска – вторична.

– Сене приятно, что я...

– Объясни ей, что мне приятно, когда моя жена похожа на человека, а не на утомлённую кухарку! – выскочил из дверей зала, где проходили заседания специализированного диссертационного совета, Семён Ильич. – Привет! Не могла не опоздать?

– Судя по тому, что ты ещё не на трибуне, я не опоздала, – улыбнулась Татьяна Георгиевна и глянула на часы. Двенадцать пятнадцать. Начнётся всё в лучшем случае без пятнадцати час. Пока пробубнит

свои речи секретарь, пока пафосу прольёт председатель, пока научные консультанты выскажутся... Сёма до трибуны доберётся дай бог к двум. Соскучится Варькина закуска, побледнеет. – Я вообще не понимаю: зачем я здесь, Семён Ильич?!

– Тань, ну ты что! Ему же нужна поддержка старых друзей и коллег!

Нет, иногда всё-таки казалось, что Варвара Степановна кретинка. Причём клиническая. Она что, в самом деле за своей закуской и прочими бессмысленными хлопотами не видит, как её Панин смотрит на Мальцеву?

– Таня, ты такая красивая сегодня! – восхищённо сказала ей Варвара Степановна. – Нет-нет, ты всегда красивая, очень красивая, но сегодня – просто невероятно красивая! Вся светишься! Просто сияешь!

Иногда клинический кретинизм не отличить от слишком глубокой житейской мудрости. В любом случае и первое и второе – залог успешной (не путать со счастливой) семейной жизни. Просто в первом случае меньше болит.

– Татъя-а-ана Гео-о-орживна! – вышел из дверей один из официальных Семёных оппонентов, по совместительству – старый товарищ. – Боже мой, как вы прекрасны, целую ручки! – И достаточно крепкий ещё, молодой, настоящий, в отличие от Елизаветы Петров-

ны Денисенко, профессор, отличный клиницист и блестящий учёный, действительно стал целовать Татьяне Георгиевне ручки. Судя по всему, он уже слегка принял – или после поезда минералочки и не минералочки немало выпил – и был в прекрасном расположении духа. – Идёмте в кабинет к заведующему, идёмте же немедленно! – оторвался он, наконец, от лобызаний конечностей. – Ещё не все собрались, и микрофоны налаживают, мы успеем опрокинуть за встречу!

– Варька, обнови там, в кабинете профессора! – тут же радостно подхватил Панин.

– Да-да! – Варвара Степановна метнулась исполнять.

– Семён Ильич, ты свинья! – прошипела ему Татьяна Георгиевна.

– Танька, ты в этом наряде крышесносна! – наклонившись к самому уху, прошептал ей Панин. – И у меня...

– Идёмте, Михаил Александрович! Я так рада вас видеть! – Татьяна Георгиевна взяла профессора под ручку.

В кабинете заведующего этой кафедрой уже сидела компания. И Елизавета Петровна была тут, а как же!

– Как вы прекрасно выглядите! – с ненавистью прошипела она.

– О да! – зашёлся в искренних восторгах, в отличие от денисенковских, Сёмин товарищ-профессор. – Татьяна Георгиевна ослепительна, ослепительна!

– Вам не жарко, Елизавета Петровна? – ласково улыбаясь, поинтересовалась Татьяна Георгиевна, не отказав себе в удовольствии укунить профессоршу.

– Да, может, откроем окно? – спросил кто-то из присутствующих. – Что-то Елизавете Петровне нехорошо... Мы тут слишком накурили.

– Спасибо, я в порядке!

Ах, эти милые научные сборища. Все признаются друг другу в любви, все сожалеют, что так редко встречаются. Некоторые действительно искренни в своих привязанностях, иные – искренне же ненавидят друг друга, большинство – инерционно, без искренности, по привычке. Что тут Татьяне Георгиевне вообще? Она ремесленник. Ей бейджики не нужны. Зачем она цепляет эту несчастную Елизавету Петровну? Почему ей жалко эту никчемную Варвару Степановну с её смешными закусками и желанием всем угодить? Какого она здесь?! Из-за Сёмы, да... И потому что Елизавета Петровна Денисенко настаивает, что аспиранты, соискатели и все-все-все должны ходить на защиты. А в родильном доме сейчас, может, случай интересный привезли. Или Маргарита Андреевна, как всегда неожиданно, привела «свою девочку». А она, за-

ведущая обсервацией, тут. Сидит вся элегантная, как рояль, на подлокотнике кресла. А в кресле, между прочим, Семён Ильич. И рука его, между прочим же, уже пару минут как на Танькиной заднице. Он даже сам не заметил, что его рука уже там. Нежно поглаживает замшу блатнейших штанов. Он это делает совершенно на автомате, но с совершеннейшим из удовольствий. Так поглаживают давно и законно свою вещь. Может быть, им и в самом деле надо было пожениться? Когда у него было всего лишь трое детей. Или позже – когда уже было трое достаточно взрослых детей... Достаточно взрослых для чего? Не стал бы он своих детей в их жизнь пихать, всё-таки Панин уже очень хорошо, даже слишком хорошо знает её, Татьяну Георгиевну Мальцеву. Даже когда были Карпаты... И был поезд в Карпаты и ночь в СВ... Тогда они не говорили ни о его Варе, ни о её беременности. Как позже не говорили о его детях. Но когда были Карпаты и ночь в СВ, в его жизни уже были Варя и даже их ребёнок у неё в животе. И мужчина в жизни Мальцевой тоже был. И о нём они тогда не говорили. Как никогда позже о нём они тоже не говорили слишком много и слишком многого. Они с Паниным вообще мало говорили. Разве что шептали и кричали. А кто обращает внимание на шёпот и крики? Внимание обращают только на разговор. Тихий негромкий разговор с же-

ной о ботинках младшенькому и машине старшенькому. Тьфу! Не стоит заморачиваться. Обычные банальные истории, каких в мире миллионы. Он женат. У него есть любовница. У всех свои жизни.

Татьяна Георгиевна сняла Сёмину руку и пересела на соседний стул. Варвара Степановна суетилась у стола. Официальный оппонент глазел на щиколотки Мальцевой. В дверь постучали. Секретарь научно-го секретаря трепетным и где-то даже благоговейным шёпотом провещал:

– Всё готово! Скоро будем начинать!

В час начали. И, как положено, первым зачитал регламент учёный секретарь. Правильный носатый серьёзный юноша. Из вечных доцентов-теоретиков. Затем пламенную речь толкнул глубокоуважаемый Председатель. Затем в сахаре с сиропом захлебнулись Сёмины научные консультанты.

Татьяна Георгиевна сидела на одной из задних парт. С одной стороны сидел Юрий Владимирович Матвеев. Что, в общем-то, было правильно и в соответствии с табелью о рангах. Доцент Матвеев не был глубокоуважаемым членом специализированного диссертационного совета. Он пришёл поддержать начмеда, коллегу и где-то даже друга. А с другой стороны от Татьяны Георгиевны примостился официальный оппонент соискателя учёной степени доктора ме-

дицинских наук по специальности акушерство и гинекология Семёна Ильича Панина. Вот уж кому-кому, но официальному оппоненту от века положено торчать в первом ряду и делать умное лицо. Но оппонент прирастил сзади, а про лицо вообще забыл. Он шептал Мальцевой какие-то сплетни из жизни его больницы и его кафедры и постоянно пытался погладить по ноге. Татьяна Георгиевна руку с бедра сбрасывала. Тогда официальный Семин оппонент начинал снимать несуществующие пушинки с её белой блузки. Всё-таки она надела белую блузку, так что пусть Елизавета Петровна захлебнётся в своих ядовитых замечаниях, выплёвываемых с отравленной патологическим климаксом слюной! А ещё Мальцева сегодня, наконец, выгуляет ни разу не надёванную шубку-свитер. Это никакая, разумеется, не шубка. И точно уж не свитер. Это именно что шубка-свитер. Как-то специально выделанная норка «на трикотажной основе», как было написано в сертификате к изделию. Да там один сертификат громче всех степеней и званий профессора Денисенко. Пусть умоется! И чем Елизавете Петровне блузочка Татьяны Георгиевны нехороша? Тем, что она такое лет сто как не может натянуть на себя? Эх, жаль, профессорша ещё шубку-свитер не оценила! Ну да ничего, вечер в ресторане впереди. Очень даже может быть, что после таких «доброжелательных»

взглядов шубку-свитер пожрёт какая-нибудь космических размеров моль, причём – заглотнёт в один присест. Но, ей-богу, удовольствие того стоит! А так бы, при её образе жизни, моль пожрала бы самая обыкновенная. Просто долго и медленно. И вообще, после первого выгула «на мероприятие» даже такую сильно сертифицированную вещь уже можно носить просто «в люди». Это любая женщина знает! Ну, разве что кроме такой женщины, как Варвара Степановна, – той вообще всё равно, что напялить. Ах, какой будет эффект, когда Татьяна Георгиевна выйдет на первый уличный перекур в перерыве, натянув шубку-свитер. Через голову. Можно сделать вид, что слегка заплутала в воротнике-хомуте – пусть мужики плятятся на голый живот и кидаются на помощь – вытаскивать Татьяну Георгиевну из тончайшей выделки норкового «капкана»...

Мальцева улыбнулась. Приняв улыбку на свой счёт, официальный Сёмин оппонент снова хищно набросился на её бедро.

– Миша, отстань! Это дорогушая замша, ты мне её всю засалишь!

– Если ты найдёшь время снять штаны...

– Отстань! Слушай! Твой друг, между прочим, в муках на трибуне корчится. Ты его официальный оппонент. А я – его официальная любовница. Давай про-

живым уважение, он на нас уже криво косится. Я уже не говорю о председателе с учёным секретарём!

– Та ну их, мы же тихо!

– Мне тихо снять штаны прямо на специализированном диссертационном совете? Мишка, это даже для меня слишком!

Официальный оппонент хихикнул громче положенного. Председатель метнул в него прицельный гневный взгляд, и Михаил Александрович Сергеев, действительный член Академии медицинских наук, профессор и прочая и прочая и прочая, принял, наконец, соответствующий его званиям и должностям вид. И стал похож на Ивана Васильевича Буншу, временно исполняющего обязанности Иоанна Грозного.

Но тут ожил доцент Матвеев. И, маякнув Мальцевой, мол, слышь, чего скажу! – стал нашёптывать:

– А между тем это был ведь человек умнейший и даровитейший, человек, так сказать, даже науки, хотя, впрочем, в науке... ну, одним словом, в науке он сделал не так много и, кажется, совсем ничего. Но ведь с людьми науки у нас на Руси это сплошь и рядом случается³⁰.

– Я в этом романе, Юрий Владимирович, – прошептала Татьяна признанному эрудиту и интеллектуалу Матвееву, – больше всего люблю одну короткую,

³⁰ Фёдор Михайлович Достоевский, «Бесы».

но ёмкую фразу: «*Впоследствии, кроме гражданской скорби, он стал впадать и в шампанское...*»³¹

– Вот за что вас люблю, Татьяна Георгиевна, так вовсе не за то, за что любимы вы всем этим яйценосным сбродом. Люблю вас, Танечка, за то, что с вами не только можно, но и есть о чём поговорить! – и доцент Матвеев, почтительно кивнув своей соседке по парте, откинулся на спинку стула и сделал вид, что внимательнейшим образом слушает Семёна Ильича.

Панин распинаялся с трибуны с видом весьма значительным. Актуальность... Задачи... Группы обследования, сравнения, контрольные... Методы... Основные результаты... Выводы... Практические рекомендации. Глубокоуважаемые члены специализированного совета и просто вольные слушатели-гости терпеливо пережидали. Ясно же, что единогласно! Давай уже, Сэмэн, сворачивайся! Хорош народ слайдами с диаграммами и графиками умучивать. Кому это надо?! Ну, схватил, как обычно въедливый, старичок Степашин твою диссертацию со стола, ну что-то там читает сам себе, сам себе же ручкой гневно машет, сам себе же оппонирует. Ну, смотрит старуха Марусина в твой автореферат брезгливо, как будто не буквы там с цифрами, а раздавленные клопы. Ну да кто их слушает?! Они тут пожизненные почётные глубо-

³¹ Оттуда же.

коуважаемые члены до тех самых пор, пока смерть не разлучит их с этим специализированным диссертационным советом. Два городских сумасшедших. Юродивые при давным-давно коррумпированном храме науки. Ну, так ты же ж, Сэмэн, умный, да? Старухе Марусиной новую стиральную машинку подогнал. Старичку Степашину раритетную книжицу презентовал. Так что все «за», Сэмэн. Единогласно!

Официальные оппоненты сделали без огонька пару незначительных замечаний. Потому что так надо. Оппоненты же, в конце концов. А затем ещё раз сказали, как важна и значительна и всяко прочее актуальна поднятая Семёном Ильичом Паниным тема. Поднятая и разработанная, и просто-таки новое научное направление... Особенно нахваливал панинскую диссертацию действительный член Сергеев, разумеется.

Семёну Ильичу задали положенные вопросы. Семён Ильич дал положенные ответы. Всех гостей и вольных слушателей и самого соискателя учёной степени доктора медицинских наук отпустили на перекур. А глубокоуважаемые члены остались на голосование. Но ровно через пять минут и они стали вываливаться на перекур. Так что на бенефисе шубки-свитера был полный аншлаг. Специализированный диссертационный совет, член на члене, действительный на корреспонденте! А девочки и мальчики – всегда де-

вочки и мальчишки. Ну, кроме разве что Степашина и Марусиной. Да и им ничто человеческое...

После объявления решения – единогласного! – о присвоении соискателю Семёну Ильичу Панину учёной степени доктора медицинских наук по специальности акушерство и гинекология состоялся, наконец, «внутренний» фуршет. Ну и слава богу, а то Варя чуть с ума не сошла, крыльями горлицы прикрывая паштет.

Сперва, конечно же, все жали Панину руки, поздравляли и обнимали. Татьяна Георгиевна терпеливо выстояла очередь. Она здесь была далеко не первым лицом. Скорее даже лицом никаким. Просто гостем диссертанта, заведующей обсервационным отделением родильного дома, входящего в состав крупной многопрофильной больницы. Мелкая сошка. Тут. Да.

– Выглядишь потрясающе! – прошептал ей Сёма, протокольно обнимая и целуя. – Потрясающе выглядишь, стерва. Но ведёшь себя отвратительно!

– Поздравляю! Поздравляю! Вы, Семён Ильич, давно достойны! – громко сказала Мальцева, а в ответ ему прошептала, продолжая горячо жать руку: – Сёма, ты не мусульманин, а я – не покорная младшая жена. Ты кому в ответной речи спасибо говорил? Любимой альма-матер, первому учителю ремесла, академику такому-то и профессору сякому-то. И люби-

мой супруге Варваре Степановне, без которой... Так что отъебись!

– Танька, это же просто тупой стандартный протокол! – не выпуская её руку, вслух сказал Семён Ильич, немного опешивши. Он привык к большей сдержанности своей Мальцевой на людях.

Кто-то оглянулся. Кто-то замолчал. Татьяна Георгиевна вырвала руку и отошла в сторонку.

На внутреннем фуршете Мальцева не пила. Надо было ещё дорулить до ресторана. Зато уж накокетничалась от души. Какие они всё-таки смешные, эти учёные мужи. Что уж говорить об учёных девах!..

В ресторане и вовсе уж беспредел творился. Что, впрочем, было вполне прогнозируемо и ожидаемо. Нет-нет, для начала все, разумеется, выпили – и за медицинскую науку, и за свежеиспечённого доктора этой самой медицинской науки, и за школу, и за учителей, и за соратников, и за тех, «без кого бы мы никогда...». Затем пили за красивых женщин и мужественных мужчин. Разбивались по группкам, сплетничали. Перегруппировывались и снова сплетничали о тех, с кем только что сплетничали об этих. Всё как обычно. Ну и, разумеется, танцы-шманцы-обжиманцы.

– Как вы, Татьяна Георгиевна, на таких копытах ходите и не падаете?! – горя бордовым румянцем, поинтересовалась Елизавета Петровна, кивнув подбород-

ком в элегантные ботильоны Мальцевой. Взмокшая, употевшая, расхристанная, но тем не менее не уходящая домой профессорша. Как же! Вдруг что без неё случится. Она даже плясала, колыхая пространство потрясающей даже видавших виды акушеров-гинекологов кормой.

– О, ну что вы, Елизавета Петровна! Это очень удобная обувь. Всё дело в колодке. И в фирме-производителе. На обувь, Елизавета Петровна, никогда не надо жадничать! Эти, к примеру, вызвавшие ваш горячий живой интерес «копыта», я купила на Пятой авеню в Нью-Йорке, в магазине, где никогда не бывает распродаж, – ласково улыбнулась ей Мальцева.

– Всё выпендриваетесь, Татьяна Георгиевна? – перекрикивая музыку и шум, парировала Елизавета Петровна.

– Всё выпендриваюсь! – согласилась Мальцева не менее громогласно.

– Миша! – попыталась оторвать действительного члена от этой мерзкой Татьяны Георгиевны Елизавета Петровна. – Миша, идём танцевать!

– Этот тур за Мальцевой! – вцепившись мёртвой хваткой в руку Татьяны Георгиевны, стонал хмельной Сергеев.

– Потанцуй с профессором, сволочь! – отцепил его от Таньки подошедший Панин. Казалось, что он и не

пьян совсем. – Мы с Татьяной Георгиевной выйдем на воздух, поговорим.

– При живой жене! Постеснялись бы!.. – начала было профессор Денисенко, но друг в беде не бросит, и хмельной действительный член Михаил Александрович Сергеев увлѣк пыхтящую профессоршу на танцпол.

Мальцева и Панин вышли на улицу. Он прикурил ей сигарету. Чего не делал уже очень давно. Во-первых, потому что давно. Во-вторых, потому что бросал курить... Даже сейчас только прикурил, разок затянулся и отдал Татьяне Георгиевне. Сам не стал.

– Тань...

– Не говори ничего. Пожалуйста. Ничего не говори, не надо! Всё и так давным-давно ясно и давным-давно всё обговорено. Не будь мудаком, молчи. Я прекрасно знаю всё, что ты мне можешь сказать. Даже то, чего ты ещё не придумал, о чём ещё речи в башке не выстроил. Ну, любишь... Ну, хочешь... Ну, давай поженимся... Ну, веду себя как блядь... Ты мне, я – тебе. Опять поссоримся. Потом – опять помиримся. Складывай обиды в свой непомерно огромный сундук молча, Панин. Надоели мне безмерно эти бла-бла-бла и все дела...

– Не язви.

– И ты не язви. Давай просто молча постоим. Не

язвя.

– Спать сегодня с Сергеевым отправишься?

Татьяна Георгиевна молча выкинула сигарету и вернулась в ресторан.

– Тань, иди к нам! – крикнула ей Варя. – Тут Юрий Владимирович анекдоты рассказывает. Мы уже полчаса хохочем!

– Да-да, идите к нам, Татьяна Георгиевна! Достаточно вы уже поуделяли внимания всем заезжим-переезжим и прочим, кому вашего внимания и так достаточно. Идите к нам, Танечка! – Мальцева села в компашку, где солировал-лидировал доцент Матвеев. – Ну вот, теперь Таня с нами. Выпьете, Татьяна Георгиевна? – доцент налил. – Вот такой вот, Варенька, сейчас расскажу вам анекдот... Какой же? – театрально ахнул Матвеев. – Ну, бородатый, про «наша-то лучше всех!», вы наверняка знаете. А такой вот, с поправкой на современные, так сказать, технологии... Мужа вечером долго нет. Жена переживает, места себе не находит. В конце концов шлёт sms-ку его любовнице: «Волнуюсь, поздно уже. От тебя давно ушёл?» Получает ответ: «Извини, задержались. Уже одевается». «Тогда скажи ему, чтобы хлеба купил».

– Ахахаха! – искренне залилась от хохота пьяненькая от усталости, треволнений и спиртного Варвара Степановна.

– Так давайте же выпьем за наших женщин! – дождавшись, пока Варя отсмеётся, предложил тост Юрий Владимирович.

«Ну да... Он у нас известный мерзавец. Впрочем, чего ты хотела? Когда он над профессоршей издевается – тебе забавно. А когда над тобой?.. Тоже забавно. Над Варварой вот только зря. Потому что она либо дура полная, либо актриса гениальная. Так за столько лет и не поняла...» – подумала Татьяна Георгиевна, автоматически чокаясь и опрокидывая «за женщин».

– Алаверды, Юрий Владимирович, – спокойно улыбнулась ему Татьяна Георгиевна. – Просто тост, без анекдотов. За мужчин!

Все опрокинули, а Матвеев пристально и несколько недоумённо посмотрел на Мальцеву. Она ему махнула, мол, пустое, надоело психологическое карате, переквалифицировалась на психологическое айкидо. Все и так знают, Юрий Владимирович, что вы говно. Умное, образованное, рукастое – но говно.

Пересидев ещё пару полных рюмок и пустых тостов, Татьяна Георгиевна вышла на улицу и позвонила Маргарите Андреевне:

– Марго, привет! Что в отделении? Всё в порядке?.. Ну и отлично. Марго, метнись ко мне в кабинет и разыщи на столе визитку этого... Волкова. И скинь мне его номер телефона sms-кой... Защитился... Всё

нормально... Сама поздравишь... Избавь меня от подробностей... И от вопросов тоже избавь. Давай, жду.

Через пять минут Татьяна Георгиевна набрала номер.

– Иван Спиридонович? Это Татьяна Георгиевна Мальцева... Да-да, именно та, что занята по вечерам на всю оставшуюся жизнь. Но сейчас уже не вечер, а почти ночь. А про ночи я вам ничего не говорила. Так что записывайте адрес, откуда меня можно изъять ещё живой...

Кадр одиннадцатый

Ночь

Ночь в родзале – это нечто особенное. Ночь в пустом родзале – это отдельное спасибо, как говорится.

– Татьяна Георгиевна, кофе? – тихо уточняет первая акушерка смены.

Все давно знали о чудаковатой привычке заведующей сидеть ночью за столом в пустом родзале и лицезреть стенку перед собой. Нет бы спать пойти! Но никто такого не спросит. Знают, что начнётся! От опроса по приказам до воплей про санэпидрежим. И о том, что они сюда на дежурство не спать пришли, а работать. Так что лучше всего тихо предложить кофе, и пусть себе сидит. Вот бабские разговоры поразговаривать иногда можно. Что у внука аденоиды, например, – и Татьяна Георгиевна договорится о консультации с ЛОР-врачом. Или что муж писает редко, мало и криво – и назавтра лучший уролог примет твоего мужа без очереди и без понтов. Нормальная она баба, Татьяна Георгиевна. Только немного... ненормальная. Что она там видит, на той стеночке?

А ничего не видит. Стеночку. Иногда – всё видит. Все свои двадцать лет в этом родовспомогательном

заведении. Но в основном она – слышит. Слушает своё отделение. Это самое интересное ночью, когда родзал пуст, – слушать. Кто-то по коридору проошал. Кесарская, что ли, из третьей палаты, наконец, встала?.. Татьяна Георгиевна поднимает трубку внутреннего телефона:

– Оля, почему кесарская из третьей сама по коридорам бродит? О чём на обходе просила?! И почему ты не на посту? Я пять гудков ждала... Чтобы сидела за столом! Какой буфет! Ночью жрать вредно! – Положила трубку. – Да, Савельевна, сделай кофейку...

– Уже, стоит перед вами, Татьяна Георгиевна.

– Себе тоже сделай и посиди со мной. А помнишь, Савельевна?..

Савельевна чего только не помнит. До трёх слоёв штукатурки и до восьми слоёв краски она эти стеночки помнит. Она помнит, как в каком-то году за сутки было тридцать родов. Тридцать! И не забывает, как когда-то тут краниотомию делали чуть не раз в неделю, а щипцы – так чуть не каждый день накладывали. Да не какие-то там выходные, а самые натуральные полостные! А теперь, чуть что, доцента Матвеева вызывают из его давно заслуженной гинекологии. Вот и получается, что и в «старых» методиках, и в новой этой вашей эндоскопии Юрка, гад, – царь и бог. Талантливый, не отнять! А какой по юности кобель был! Саве-

льевна машет руками. Тут в родильном доме ни одной бабы, им не прихваченной, не осталось. Ты не пове-ришь, Татьяна Георгиевна, даже я... Эх, давно это бы-ло! Долго ещё будет сказки рассказывать Савельевна своим уютным голосом...

– Тань, иди спать, ей-богу! Под утро обязательно что-то будет... Отдохни!

– Так ты тоже не спишь!

– Я старуха, Тань, мне спать уже ни к чему. А ты – молодая девка.

– Да ладно, старуха! Не кокетничай.

– Так давно на пенсию пора. Главная, вон, давеча опять орала...

– Марго тебя на пенсию не отдаст. Кто работать бу-дет? А учить? Так что подожди со своей пенсией.

– Сама не хочу! – усмехнётся Савельевна. – Как жить-то с той пенсии?.. Иди спать, Таня, иди!

Такое, кроме Савельевны, только Маргарита Ан-дреевна заведующей сказать может.

– Ладно, пойду...

Пойдёт она спать, как же! Через приём на улицу. Замотается в синий халат и пока три сигареты подряд не втопит, пока не окоченеет... Потом пойдёт к себе в кабинет – не забыть чашку потом забрать, а то все уже к себе поперетаскала! – и будет перед монитором зависать. Потом в койку ляжет и будет лежать, уста-

вившись в потолок. К пяти заснёт... И вот тут как раз обязательно что-нибудь будет!

– Татьяна Георгиевна! – в кабинет Мальцевой постучал второй дежурный врач. На часах было три пятнадцать. И сегодня ночью заведующей в обсервации «официально» на работе не было. – Татьяна Георгиевна! Роженицу привезли. Похоже, тяжёлый гестоз. У неё контракт с другим роддомом, но врач «Скорой» привёз её к нам как в ближайший. Давление двести десять на сто тридцать. Отёки нижних конечностей...

– Двести десять на сто тридцать – это уже отёк мозга, Михаил Вениаминович! «Похоже, тяжёлый гестоз»! Вы акушерству на скамейке, что ли, обучались? Тяжёлый гестоз у неё был раньше. Точнее – преэклампсия. Потому что уже давным-давно, Михаил Вениаминович, нет гестозов, а есть – преэклампсии. А сейчас у женщины эклампсия. Слыхали о таком диагнозе? Принимайте срочно, а не бегайте по кабинетам! Какого чёрта вы вообще ко мне пришли? Надо было из приёма звонить ответственному дежурному врачу! Меня тут сегодня де-юре нет! – Татьяна Георгиевна захлопнула лэптоп и встала из-за стола. – Идёмте!

– Я пытался позвонить и вызвать. Но сегодня ответственный дежурный врач – заведующий патологией беременности, Владимир Яковлевич. А его в родильном доме не оказалось. Так что... – договаривал ор-

динатор заведующей на бегу.

В приёмном отделении на кушетке лежала женщина – уже без сознания. Муж её орал на акушерок приёмного. Врач «Скорой» прихватил Михаила Вениаминовича чуть не за грудки и зашипел: «Да будет уже хоть кто-нибудь что-нибудь!..»

– Давно хотела проверить, не отсырел ли где контакт... – первым делом Татьяна Георгиевна нажала на кнопку ургентного звонка. – А вы, – проорала она персоналу приёмного, перекрикивая безумный истошный звон, раздавшийся в тихой роддомовской ночи, – все строем будете сдавать зачёты по неотложным состояниям в акушерстве и тактике оказания помощи, идиоты! – При слове «идиоты» она выразительнейшим образом посмотрела на это ничтожество, это протеже профессорши Денисенко, Михаила Вениаминовича. Он не только «мясник», как верно окрестили его девочки в Сети, но ещё и непроходимый тупица.

Анестезиологическая бригада, слава тебе Господи, ещё не утратила навыков моментального прибытия в приёмный покой по ургентному звонку. Врач, анестезистка, чемодан, каталка.

– На пятый? – только и спросил Святогорский.

– Обменная карта есть?

– Есть, есть! – виновато хором заголосили акушерка приёмного и Михаил Вениаминович.

Аркадию Петровичу хватило одного взгляда, чтобы отдать распоряжения. Через пять минут женщина была интубирована. Через пятнадцать – оказалась на операционном столе.

В ассистенты Татьяна Георгиевна взяла интерна Александра Вячеславовича, которого нынче в родильном доме иначе как «паж Мальцевой» и не называли. Спасибо Семёну Ильичу за очередное клейкое словцо, мать его так-перетак! Михаил Вениаминович остался разбираться с врачом «Скорой», Татьяне Георгиевне было не до бумажек. А затем поднялся на пятый, заказывать плазму и кровь. Да и роддом совсем без врача не бросишь, гинекология не в счёт – располагается в главном корпусе, да и давным-давно забыл тот горе-доктор, что сегодня в гинекологии дежурит, что есть на свете такое ремесло – акушерство.

К шести утра закончили. Женщину стабилизировали, оставили в палате интенсивной терапии. Новорождённого отправили в реанимацию.

Ответственный дежурный врач Владимир Яковлевич Миронов так до утра и не появился. Так что пятиминутка была томной. После того как Татьяна Георгиевна Мальцева доложила о единственных родах за ночь в операционной физиологического отделения и обо всех подробностях неслаженной работы самого первого звена – приёмного покоя и дежурных вра-

чей, Семён Ильич долго и смачно орал. И было за что. Женщина с гипертонической болезнью – что отражено в обменной карте, с тяжелейшей эклампсией... «А вы, Михаил Вениаминович, не знаете, зачем у нас urgentный звонок существует? Вы полагали, он существует для красоты?! Сегодня же рапорт ляжет на стол главному врачу!!!» Никуда, разумеется, рапорт не ляжет. Сёма сор из избы предпочитает не выносить. По мере возможности. Всё нормально с женщиной? Вот и хорошо. Готовьте, Татьяна Георгиевна, случай к клиническому разбору. Ну, спасибо, Семён Ильич, удружили-с... Не делайте ничего хорошего – всё равно ничего хорошего из этого лично для вас не выйдет! Затем ещё Владимир Сергеевич масла в огонь подлил, своим вечно бубнящим тихим голосом сообщив, что у новорождённого, того, что в реанимации, подозрение на родовую травму. Потому как, видите ли, на УЗИ картина кровоизлияний в головной мозг. Ну, было бы удивительно, чтобы при такой эклампсии тех кровоизлияний не было. Что ж ты, Владимир Сергеевич, не подождавши, как себя те кровоизлияния в динамике будут вести, сразу на меня всех чертей вешаешь, а? Тебе что, твоя жена-медсестричка сегодня не дала? «Я не могу пока сказать наверняка, но, скорее всего, имеет место родовая травма. Хотя, разумеется, Татьяне Георгиевне, как обычно,

всё сойдёт с рук. Обнаружится букет инфекций группы TORCH, или на эклампсию всё спишут». Ах ты ж, паскуда! И ладно бы, гад, только тут такое говорил – пятиминутка и не такое терпит, но он же сто процентов уже и мужу родильницы сказал: «Я не могу пока сказать наверняка...»

«Как обычно, всё сойдёт с рук...» Нет, ну надо же!

– Вы не слишком-то забываетесь, Ельский, – холодно отчеканил Семён Ильич. – И родовыми травмами ни во врачей, ни в родственников не разбрасывайтесь без нужды. Я давно за вами эту «любовь» к родовым травмам замечаю. В первые же сутки родне лепите «родовая травма!» – они сами вешаются и врача повесить готовы. А тут вы, рыцарь в серебряных доспехах, сообщаете им, что только ваша забота и лечение... Вы у нас просто гений, Владимир Сергеевич, руками своими золотыми родовые травмы разводите и детей здоровыми выписываете. Разумеется, радостный и не виноватый в своей медицинской неграмотности обыватель благодарен вам по самые... колени. Если узнаю, что вы и мужу рассказали про это ваше – «не могу пока сказать наверняка, но, похоже, родовая травма», – неприятностей не оберётесь. Из заведующих детской реанимацией в момент вылетите. И супруга ваша с работы вылетит. Потому как очень любит спать на ночном дежурстве. Я как-то

раз внезапный обход начмеда устроил в её ночное – так даже памперсы на время запретил, чтобы детские медсёстры не забывали, что такое младенцам жопы мыть. Она, конечно, ваша жена, но жена заведующего детской реанимацией и профессия «детская медсестра» – не идентичные понятия. – Ох, не удержался Сёма. – Так что если уже выскочила из вас любимая ваша «родовая травма» с УЗИ-картинками перед носом и без того ничего не соображающего новоявленного папаши – так бегайте теперь за ним и читайте внятные лекции по тяжёлой эклампсии!

Ельский промолчал. А что он мог сказать начмеду? Но выражение морды лица у него было... как у арабского скакуна перед выездкой.

Панин попросил с пятиминутки средний медицинский персонал и интернов, и врачи были преданы такой жестокой сварке... Пардон, разбору полётов.

– Зайди ко мне! – рявкнул Семён Ильич по окончании утренней врачебной конференции.

Татьяна Георгиевна спустилась в подвал, перекурила и только после этого зашла.

– Чтобы история этой бабы была вылизана, как я не знаю что! – начал он без приветствий и расшаркиваний.

– Хорошо, Семён Ильич.

– И обиженную из себя не строй!

А вот это было совершенно лишнее.

– Вам бы этого хотелось, Семён Ильич?

– Где этот пидорас Миронов?! – пропуская мимо ушей, продолжил Панин. – С дежурства удрал! Это уже ни в какие ворота! Я смену в патологии прижал – говорят, весь день был, ушёл вечером, сказал, будет через пару часов – и пропал! Мобильный не отвечает. Домашний никто не берёт. Всё, моё терпение кончилось. При всём уважении – выкину из заведующих на хер! В простые дежуранты у меня пойдёт! В обсервацию!

– Только не в обсервацию, Семён Ильич...

– Что ты мне Семён Ильич, Семён Ильич... Заладила, как попка! Какой я тебе Семён Ильич?!

Татьяна Георгиевна благоразумно молчала.

– Там нет родовой травмы? Ну... на самом деле, не дай бог?

– Извлечение было без затруднений.

– Что ты мне тут односложно отвечаешь? Я что, тебе враг? Я спрашиваю, чтобы твою жопу прикрыть, если что!

– И часто вы мою жопу прикрывали с родовыми травмами? И со всем остальным? – поинтересовалась Татьяна Георгиевна. И, не удержавшись, добавила: – Семён Ильич.

– Тань, хорош уже! Не часто.

– Ты мне скажи, я заведующая, потому что я твоя любовница?

– Нет. Ты прекрасно знаешь, что нет.

– Да. Я прекрасно знаю. Ты прекрасно знаешь. Святогорский прекрасно знает. Даже гад Ельский – и тот прекрасно знает. Потому что они хотя бы помнят, что заведовать обсервацией я стала раньше, чем тебя начмедом сделали. Пусть ненамного, но раньше. А вот молодые доктора и всяческий разнообразный персонал... Так что ты, Семён Ильич, когда в следующий раз захочешь высказаться в ответ на чьи-либо намёки, сто раз подумай и вспомни, что на пятиминутке я тебе не любовница, а заведующая обсервационным отделением. Сама дура, осталась тут на ночь, идиотка... Хотя если бы на ночь не осталась, то... Этот Наезжин понаковырял бы. Я тебя об одном прошу за этот мой бессмысленный и беспощадный подвиг с этой эклампсией, от которого мне теперь одни неприятности, – Михаила Вениаминовича из моего отделения убери.

– Да куда я его уберу?!

– Куда хочешь, Сёма. Должна же я, в конце концов, иметь какие-то выгоды от того, что я твоя любовница!

– Хорошо, я подумаю.

– Подумай. А я пошла работать. И, если ты не против, я накатаю дефектуру той ЖК, где эта баба на-

блюдалась. Они её с диагностированной ГБ ни разу на плановую госпитализацию не отправили и даже в группу риска по развитию эклампсии не отнесли. Нет, я, разумеется, понимаю, что они ей госпитализацию наверняка предлагали, а она отказывалась. Но ни одной записи об этом нет. Не умеют убеждать – пусть хоть документацию учатся вести. Муж её у меня пока спросил только, сможет ли он забрать бабки из того родильного дома, где его супруга рожать собиралась. Так что он крайне недоволен врачом «Скорой», оказавшимся настолько грамотным, что его жене жизнь спас.

– Так чем именно он недоволен?

– Семён Ильич, ты меня слушаешь? Недоволен тем, что его жену не в тот родильный дом завезли. Врач «Скорой», сообразив, что до заведения, с которым заключён контракт, он довезёт в лучшем случае растение, в худшем – труп, к нам зарулил. А тут этот дебил Наезжин вместо того, чтобы на urgentный жать, коридорами топтался. Инициатива наказуема – все знают, но отсутствие инициативы в иных случаях – преступление.

– Слушаю, слушаю, Тань... – нормальным человеческим голосом сказал Панин. – Мне самому этот Наезжин как кость в горле. Да не мог я его выкинуть, пока не защитился. Документы справлю – и привет. Выкину

на хер, мне профессорша теперь никаким боком не упала. Да и её с помещениями подвину... Я, Тань, всё-таки беспокоюсь за Вовика... Доиграется он... Иди работать.

В полночь Татьяна Георгиевна сидела в родильном зале. В родах было двое. Всё было хорошо и спокойно. Зазвонил мобильный. Панин:

– Тань, Миронова убили. Прошлой ночью. Доигрался, пидорас... Нашли в луже крови в пустой хате. Он снимал для какого-то не то Ахмеда, не то Мурата. Нового своего, короче. Следствие, все дела. Так что всех нас вызовут. Наверное... Понятия не имею, кого теперь патологией заведовать назначить. Хоть бы со стороны никого не прислали распоряжением сверху. Надо срочно думать. Ты что молчишь?!

– Я... Я не молчу. – Татьяна Георгиевна вылетела из родильного зала, пронеслась через приём и выбежала на улицу, даже не надев синий байковый халат. – Я не молчу, Сёма. Я плачу! – всхлипнула она и, нажав отбой, прикурила сигарету.

Миронова убили! Владимира Яковлевича. Вовика... Ну да. Ну пидорас. В хорошем смысле слова. Был... Боже, в голове не укладывается. Что *был*. Может, ошиблись? Да нет. Именно что Мурата. Вовик сам радостно всем рассказывал про нового своего Мурата, которому он даже квартиру снял, потому что к себе

пускать не хотел. Мурат и издалека-то сильно ревнивый был, так что под бок пускать и вовсе взрывоопасно. Да всё равно, кем там Вовик... был. Как без Миронова себе этот родильный дом представить?! Он такой же неизменный атрибут этой местности, как кислородный баллон. Или как тот агрегат, что включается в подвале всегда неожиданно, да так мощно, что двадцать лет подряд подпрыгиваешь каждый раз, как в первый. Особенно ночью...

А сколько ночей тут проведено с Вовиком... Владимиром Яковлевичем. Сколько дел переделано, сколько разговоров переговорено! Миронов был тут, когда гляцевых младенцев в капусте по стенам и близко никто не развешивал. Миронов тут ещё до компьютеров списки резервных доноров от руки писал своим круглым красивым женским почерком. Миронов оперировал, как бог!..

Пока ещё ориентацию скрывать надо было – был Миронов Владимир Яковлевич человеком. А как только поголовная толерантность наступила – как с цепи сорвался. Любовников скрывать перестал, чуть не в кабинет к себе водил. Сколько ему Панин внушений не делал, какие только санкции не применял... Только уже когда на месяц из заведующих выкинул, Вовик немного опомнился. Ну так хрен редьки не слаще – с дежурств стал срываться, идиотина великовозраст-

ная. Великовозрастная – мягко сказано. А может, то и не толерастия, а просто срубило Владимира Яковлевича климаксом. У мужчин же есть климакс? Есть. А у мужчин-гомосексуалистов, поди, в три раза более патологический, чем у мужиков природой положенной ориентации. Они и так-то на всю голову тронутые, те гомосексуалисты. Взять хотя бы их лозунг борьбы с последними выборами: «Геи и лесбиянки против партии жуликов и воров». Нарочно не придумаешь. Это уже даже не про хрен, который редьки не слаще. Это клоунада. Даже не клоунада – идиотизм чистой воды. Ну да не про это... Политика Татьяну Георгиевну не интересует. Хотя если вспомнить, что им запретили выписывать женщин именно на эти долбаные выборы! С ума сойти! А она выписала. Семён Ильич ей жуткий скандал учинил. Потому что было распоряжение: «Не выписывать!» От него. Но перед этим – ему. От главного врача. А главному врачу – сверху. А тому «сверху», что главному врачу, – с ещё большего верха. Потому что хочет больница ремонт какой-никакой, например? Вот и чтобы никого не выписывать, и чтобы все – единогласно за кого надо. А то вообще не выпишут! Бред... А Татьяна Георгиевна выписала. Да ещё и сказала мужу выписанной, чтобы в газету тиснул про запрет на выписку. Тот журналистом оказался. Сёма так орал, что за пересып с другими мужика-

ми так ни в жизни не бесился. Дорожит креслом начмеда. Понять можно. И даже простить можно. Подчиняться только не обязательно. Потому что нет такого закона в Российской Федерации, что запрещает выписку в день выборов. Она хотя политикой не интересуется, но законодательством – очень как раз даже. Не про это...

И не про то, что Владимир Яковлевич всегда интернов мужского пола предпочитал. Никаких предложений им не делал. Ни жестом, ни взглядом, ни полупонамёком. Просто любил, чтобы интерн при нём был мужского пола. Красивый. Просто любил, чтобы рядом красивый мужчина был. Женщины тоже такое любят – чтобы рядом красивый мужчина был. И это вообще не значит, что они на него немедленно кидаться будут с раздвинутыми ногами наготове.

Совсем мысли в голове у Татьяны Георгиевны смешались. А слёзы и сопли на лице замёрзли.

На лестницу вышла Маргарита Андреевна. С синим халатом в руках.

– Накинь. И не реви. Знаю уже, знаю... Жалко падлу. Глупо как. Акушер-гинеколог, заведующий отделением. Оперировал гениально. А сдох, как какой-то маргинал голимый!

– Марго!

– Да что мне, проще тебя? Мне самой Вовик руки

ставил. Он всё умел. Всё про баб знал. А баб не любил. Но всё равно – сам нарвался! – зло сказала Маргарита Андреевна. – Целый год носило его по кому попало, и всё больше по каким-то мусульманам-гастарбайтерам. Что у них, хер, что ли, как у ишаков? – злилась Марго вовсе не на Вовика и даже, наверное, не на «ишаков». Злилась на смерть. На смерть, которая не всегда умна и всегда не вовремя. – Да тут половина роддома – Вовкины ученики. Столько говнюков чуть красивее обезьяны в люди вывел. Пул самых красивых, грамотных и умелых акушеров-гинекологов мужского пола создал. Да он должен был помереть в своей постельке, в окружении благодарных учеников. А закончил жизнь на съёмной хате, с ножом в сердце, в луже крови! Тьфу! Идём, накатим по стакану. Ты в роддоме остаёшься?

– Да. Куда мне ещё. К тому же двое в родах. Одна из них – моя...

– А я домой поеду.

– Как Светка, кстати? – спросила Татьяна Георгиевна, перестав, наконец, всхлипывать.

– Ты не поверишь! – обрадованно встрепенулась Марго. – Пообещала мне, что будет восстанавливаться в академии. Пару раз мне сделала чай. А однажды даже пса выгуляла! Представляешь?

Обе были рады перемене темы.

– Ладно, Марго, давай, катись до хаты. Тебе есть к кому.

Даже лучшей своей подруге не призналась бы Татьяна Георгиевна, что сегодня ночью ей лучше здесь, чем дома. В сущности, она так же одинока, как Владимир Яковлевич. Можно, конечно, уехать домой. И даже вызвать Панина – прискачет. Но чем Панин лучше случайных любовников Вовика? Тем, что он постоянный? Или тем, что «натурал»? Ничем не лучше. Всё равно все умрём.

Странно это – сидеть ночью в родзале, когда уже тихо и родильницы переведены в палаты. Сидеть и размышлять о смерти именно там, где только что присутствовал при появлении на свет двух новых жизней.

– Татьяна Георгиевна, кофе? – тихо уточняет первая акушерка смены.

Она сделает ей кофе. И заведующая будет сидеть и пялиться в стенку под аккомпанемент уборки родзала, грюканье инструментов, проходящих предстерилизационную обработку, под шарканье рожениц по отделению, под грохот предрассветных швабр. Будет сидеть и пялиться в стенку. И слава богу, что сегодня дежурит не Марго и не Савельевна. А хорошая, но ещё достаточно молодая акушерка. Она не в курсе, сколько ночей просижено здесь с человеком, который так глупо погиб. Ну и хорошо. С ней Татьяна Георгие-

евна не захлебнётся в соплях. А просто выпьет кофе и поднимется в палату интенсивной терапии. Посмотреть, как там прооперированная эклампсия. А потом в детскую реанимацию – уточнить, что именно ей «в очередной раз сойдёт с рук».

Никому ничего в этой жизни с рук не сойдёт.

Это особенно ясно ночью. Когда нормальные люди спят и не ведают, как причудлив рисунок недавно появившейся трещинки на одной из стен родзала... Или, скажем, морга. Велика ли разница?.. «Жизнь и смерть». «Трещина между мирами»... Чуть какая-то! Разница лишь в частоте ремонтов. Она же заведующая, чёрт возьми! И трещины на стене – это не трещины в жизни. Зашпаклевал, покрасил, и будь здоров!

Кадр двенадцатый

Только не смейтесь!

Приближалось двадцать третье февраля...

– Что-то будем делать? – деловито уточнила накануне Маргарита Андреевна у заведующей, зайдя после обхода к ней в кабинет.

– Ничего. Надоело. Каждый год одно и то же! Семён Ильич орёт на пятиминутке, что никаких празднований, а ближе к вечеру мы собираемся – ну где ещё, да? – в изоляторе обсервационного отделения. И я потом имею вырванные годы. В первую очередь – ну от кого же ещё, да? – именно от нашего драгоценного, всеми обожаемого начмеда!

– Слушай! – Марго прикрыла дверь и уселась на стул. – Так ты чего меня визитку того Волкова просила разыскать у тебя на столе, а? Напилась в ресторации, а переспать не с кем?

– Именно так, именно так, дорогая моя! Не бегать же мне ночью по улице с криками: «Эй, мужики, а кому с бабой переспать?!»

Отчего-то они обе ужасно развеселились.

Отсмеявшись, Маргарита Андреевна спросила:

– Переспала?

– Переспала.

– И как?

– Маргоша, как обычно. Очень хороший мужик. Замечательный даже.

– И чего?

– И ничего! Обязался на каждый день рождения главной медсестры больницы и даже главной акушерки родильного дома поставлять роскошные букеты.

– Нажаловалась, змея, да?

– Можно подумать, что тебе стыдно!

– Ни капельки!

– Вот тогда иди и работай! Ты ко мне зашла только про двадцать третье спросить и поинтересоваться подробностями моей личной жизни?

– Не... Слушай, поставишь девице спираль?

– Легко!

– Она тебя в приёме дожидается. Пошли.

В приёмном покое стояла симпатичная, модно одетая женщина.

– Люда, познакомься, это Татьяна Георгиевна. Она прекрасный врач, у неё золотые руки. Ты вообще ничего не почувствуешь! Ты дольше раздеваться будешь и на кресле устраиваться... Татьяна Георгиевна так поставит спираль, что ты даже и заметить не успеешь!

– Здравствуйте, Татьяна Георгиевна, – каким-то

не к месту заискивающе-виноватым голосом сказала Людмила.

– Здравствуйте. Верхнюю одежду снимите, пожалуйста, здесь. Маргарита Андреевна, будьте добры, дайте Людмиле халат и бахилы. Пройдёмте.

– Я сейчас спираль принесу! – Маргарита Андреевна унеслась к себе в кабинет.

По дороге в смотровую Татьяна Георгиевна опросила Люду, беспрестанно синеющую и краснеющую, как проходят месячные, сколько беременностей и родов... В общем-то, рутинные банальные вопросы, которые положено задавать перед установкой спирали.

– Вы не подумайте чего, Татьяна Георгиевна... У меня двое детей, Татьяна Георгиевна... Моих детей, собственных, Татьяна Георгиевна!

– Почему я должна что-то подумать, Людмила? – насторожилась Мальцева.

– Да нет, ничего такого...

– Ну, если ничего такого, то раздевайтесь – и на кресло. Я вас должна осмотреть. – Татьяна Георгиевна разорвала пакет с одноразовыми стерильными перчатками.

Людмила медленно и как бы нехотя сняла бахилы. Степенно расстегнула сапоги...

– Татьяна Георгиевна, я прямо даже не знаю, как сказать!..

– Людмила, я же врач! Это даже хуже, чем священник! – добродушно усмехнулась заведующая. – Мне вы можете говорить всё, что угодно... Раздевайтесь, раздевайтесь, Люда! – ободрила она женщину и даже кивнула на акушерско-гинекологическое кресло, чтобы как-то ускорить процесс. Минутное дело – поставить спираль. Ну, пусть двухминутное. Если с непрерывным предварительным бимануальным осмотром.

Люда медленно снимала колготки. Мальцева надела перчатки и терпеливо ждала.

– Татьяна Георгиевна... Я прям стесняюсь...

– Да что же, Люда, что?! Говорите уже, наконец! – слегка начала выходить из себя заведующая. Весь день эта странная Люда тут, что ли, стесняться собралась?

Люда тем временем аккуратно сложила колготки. И ещё медленнее начала снимать трусы.

– Людмила, вы не могли бы побыстрее? – нежно проворковала заведующая, торчащая посреди смотровой с воздетыми дланями в стерильных перчатках.

– Вы только не смейтесь, Татьяна Георгиевна! Я вас прошу, только не смейтесь, Татьяна Георгиевна! Я вас умоляю не смеяться, Татьяна Георгиевна! – выпалила скороговоркой Люда и стала цвета знамени полка. – Не смейтесь, потому что я – женщина, и у меня двое детей, от разных мужей, и мужчины меня любят,

у меня много было мужчин, и муж меня любит! Третий! – протараторила Люда, ежесекундно меняя цвета с алого на красный, с красного на бордовый, а с бордового снова на алый.

– Да почему же я должна смеяться?! – немного даже разозлилась заведующая на эту бестолковую Люду, стоявшую тут как сирота казанская с босыми ногами в бахилах. – Я рада, что у вас двое детей и мужчины и даже муж – третий! – вас любят! Полезайте на кресло! Если вы, конечно, хотите спираль! Маргарита Андреевна уверяла, что хотите.

– Да-да, хочу! Потому что я уже устала делать аборты, а таблетки мне нельзя, потому что толстею и курю – я читала про курение, и у меня варикоз, поэтому я хочу спираль, но только вы, Татьяна Георгиевна, не смейтесь! – Люда вдохнула, выдохнула, снова вдохнула и, наконец, как в холодную воду нырнула: – У меня огромный клитор, Татьяна Георгиевна, вот!

Больше всего в этот момент Мальцевой захотелось рассмеяться. Не из-за огромного клитора, разумеется. Мало ли она в своей жизни видела этот причиндал самых разнообразных фасонов? А потому что когда тебя долго уговаривают: «Не смейся, не смейся, не смейся!» – то первое, что хочется сделать после озвучивания причин, – это рассмеяться.

– На кресло! – нарочито серьёзно скомандовала Та-

тьяна Георгиевна, еле сдержавшись и даже важно из-за этого раздув ноздри.

В этот момент в смотровую зашла Марго с упакованной спиралью наперевес. Естественно, первое, что она спросила, было:

– Вы что, ещё не на кресле?!

– Маргарита Андреевна, а вы что, тоже... будете здесь? – Люда даже позеленела, решив изменить привычной красно-алой гамме.

– Конечно, буду! Не волнуйся. Должен же кто-то Татьяне Георгиевне зонд подать. И вообще!..

– Мы с Маргаритой Андреевной живём в соседних подъездах! – умоляюще и многозначительно сказала-посмотрела несчастная Людмила на врача.

– О, Маргарита Андреевна, мы вполне обойдёмся без вас! – веско намекнула подруге Татьяна Георгиевна.

– С чего это вдруг?! – возмутилась Марго и, подхватив под локоток уже синеющую Люду, повела её к креслу. Та покорно пошла. И, усевшись, завела свою песню по новой, обращаясь уже к Маргарите Андреевне:

– Маргарита Андреевна, вы только не смейтесь! Вы же знаете, как меня любят мужчины и что у меня двое детей. И что я их сама рожала. Жаль, что не у вас, но мы же только недавно купили эту квартиру... Вы

обещаете не смеяться?

– А что тут смешного-то?! Да у меня вообще чувства юмора нет! – строго сказала Марго. – Люда, давай уже ложись, бога ради!

– Только вы не смейтесь, Маргарита Андреевна! И вы, Татьяна Георгиевна, не смейтесь!

– Да не родился ещё на свет тот человек, который меня рассмешит! – громыхнула Марго и начала заваливать свою соседку-протеже на кресло. – И почему это я должна смеяться?

Татьяна Георгиевна молчала, потому как уже еле сдерживала смех.

– Я слышала, как смеялись, когда мне делали последний аборт... Сквозь сон всё слышала! Смеялись, потому что – только не смейтесь, Маргарита Андреевна, – смеялись потому, что у меня огромный клитор!

– Ой, да они не над тобой смеялись. Наверняка над чем-то своим смеялись, просто ты после укола очухивалась, вот и напридумывала себе всякого! Что мы, клиторов не видели с Татьяной Георгиевной?! Да мы знаешь, сколько этих клиторов за свою жизнь перевидали с Татьяной Георгиевной? Да ты, Людмила, столько хуёв в самом своём сладком сне не увидишь никогда, сколько мы с Татьяной Георгиевной за свою жизнь клиторов перевидали! Раздвигай уже ноги, что ты как маленькая?!

– Только не смейтесь! – выдохнула последний раз Людмила, решительно легла на спину и раздвинула ноги.

Татьяна Георгиевна так и застыла с протянутой уже было рукой в перчатке, разглядывая наружные половые органы Маргошиной клиентки «на спираль». Застыла и молча смотрела. Это был настолько выдающийся за пределы наружных половых губ клитор, что больше походил на...

– Ни хера себе! – констатировала Маргарита Андреевна после секундного замешательства. – Это уже не клитор... А целый хуй!

И тут предохранительный клапан сорвало. Первой хихикнула Татьяна Георгиевна. Затем засмеялась Маргарита Андреевна. И самой последней заржала в голос Людмила. Вытирая выступившие от хохота слёзы, она говорила:

– Я же предупреждала вас, только не смейтесь!!!

Это напоминание о предупреждении вызывало новые взрывы хохота.

– Ну, девочки! Ну, я же вас предупрежда-а-а-ала! – трусилась всем телом на кресле Людмила. – Представляете, как мне каждый раз перед мужиками неудобно-о-о?! – просто-таки не могла остановиться Людмила. – А отчего такое быва-а-а-ает?! – ухихикивалась она.

– А вас что, что-то беспоко-о-о-ит? – отфыркивалась Татьяна Георгиевна.

– Так, всё! Прекратили беспредел! Хорош смеяться! – приказала Маргарита Андреевна.

Слово «смеяться» вызвало новый взрыв хохота. Как-то еле-еле наконец все успокоились.

– Марго! Промокни мне глаза салфеткой! – попросила Татьяна Георгиевна, хохотавшая со всё так же вздетыми руками в стерильных перчатках. – Всё, Людмила, я вас смотрю! Не... Не шевелитесь, в смысле! То есть сейчас можете шевелиться, но когда буду ставить спираль – не шевелитесь, пожалуйста!

– Хорошо! – пообещала Людмила. – Только даже не смотрите на меня! Не то я снова буду смея... Буду шевелиться!

И она мужественно не шевелилась ни во время осмотра, ни во время манипуляции.

Всё у Людмилы было нормально, никаких противопоказаний к введению спирали не обнаружилось, и с кресла она сошла куда быстрее, чем на него водружалась. Да и оделась в мгновение ока. Видимо, большой тренинг. Не врала про любовников и мужей, ох не врала. К тому же она была очень милой и какой-то невероятно уютной. Мужчины таких любят, и, скорее всего, им плевать на клитор. Им вообще на строение наружных половых органов плевать. Главное – чтобы

были.

– Меня никогда ничего не беспокоило. Ну, кроме размера... Когда я стала взрослеть, то напугалась и сказала маме. Мама протащила меня по всем врачам – те ничего не нашли. Так я с этим и живу. Рожала, да... После первых родов врач к эндокринологу направила – ничего. Было в крови незначительное повышение какого-то гормона... Я забыла название. Врач была такая... Сугубая. Ничего не объясняла. Сказала «гормоны в пределах допустимой нормы» – и привет! А отчего такое бывает, Татьяна Георгиевна?

– Ну... размеры этого органа вообще варьируют. Но такой, как у вас... Кхм. – Она сглотнула смешинку. Вот зараза! Бывает, поймаешь не из-за чего – и весь день отцепиться не можешь! – Гипертрофия клитора, Людмила, – так это правильно называется – часто наблюдается в случаях эмбриональных изменений... Но если вы рожали и всё такое... Даже не знаю что. Вот просто такая у вас особенность. Ну и уровень андрогенов пусть в пределах нормы, но повышен. Усики у вас немного гуще, чем...

– Да у меня бабка армянка!

– Ну, тогда тем более... Что ещё?.. Ещё подобная гипертрофия может быть результатом врождённого дефицита синтеза кортизола. Это такой гормон, вырабатываемый надпочечниками. Очень редко это мо-

жет быть вызвано прогестационными агентами. Ну, то вообще тёмный лес. Иногда бывают фибромы клиторального тела, но у вас их нет. Тем более вы говорите, что у вас такое... Не от природы, нет? В подростковый период начал расти? В любом случае, Людмила, если он у вас такой всю практически жизнь и вас ничего не беспокоит, то пусть будет.

– Понятно, что будет! – сказала не очень внимательно слушавшая Люда. – Куда ж я его дену-то? Не отрезать же, в самом деле! В общем, спасибо вам! Маргарита Андреевна, только я вас прошу... Нет-нет! Не то! Я сейчас не про «не смейтесь»! Я про другое... Мы же всё-таки с вами соседи. Так что я вас прошу...

– Да ты что, Люда! С ума сошла? Вот делать мне нечего, только по соседям бегать и про твой клитор рассказывать! – искренне возмутилась старшая акушерка обсервации.

– Ну, я так, на всякий случай, вы не обижайтесь! Я знаю, Маргарита Андреевна, что вы прекрасная акушерка. Дети-то у меня не от этого мужа. Так что я к вам ещё приду!

– А спираль зачем тогда ставила? – удивилась Марго.

– Как зачем? Что я, дура, вот так с бухты-барухты рожать? Я присмотреться должна.

– Ага, сильно ты хорошо присматривалась к преж-

ним, раз третий есть! – скептически резюмировала Марго.

– Так и те хорошие были. А этот – ещё лучше. Квартиру вот купил, на моё имя записал... До свидания, Татьяна Георгиевна! До свидания, Маргарита Андреевна! – И Людмила отправилась на выход.

– Поняла, Танька? – с серьёзной миной уставилась старшая на заведующую. – Вот оно что! Будь у тебя и у меня вот такой вот... клитор – то и нам бы мужики квартиры покупали. А так – только ебут!

– Так, всё! Идём работать!

Подруги пошли по коридору к своим кабинетам. В этот момент с грохотом «приземлился» лифт, и из его скрежещущих дверей вышел Аркадий Петрович. Вероятно, навестить своих «операционных».

– Слышь, Святогорский! – заорала Маргарита Андреевна. – Иди сюда, чего скажу!

– Буду слушать, только если Татьяна Георгиевна кофе сделает! – тут же откликнулся анестезиолог и, прихватив дам под ручки, потащил их в кабинет к заведующей.

– Аркадий Петрович, мы с Танькой сегодня бабу с хуем видели! Танька ей спираль ставила! – зловеще прошептала Маргарита Андреевна.

– Это что же, чтобы она сама от себя не забеременела, что ли?!

Татьяна Георгиевна побыстрее затолкала друзей в кабинет. Потому что и на неё и на Марго опять напал приступ хохота. Святогорский переждал и, строго подняв указательный палец, изрёк:

– Зря смеётесь, дамочки! Между прочим, жители острова Пасхи одобряли большой клитор. И даже практиковали способы – с разной степенью успеха, увы, – увеличения этого органа у девочек.

– Господи, тут у некоторых... ммм... «мальчиков» дай бог вручную кое-что увеличить! – аж захлёбывалась Марго.

– Девки, вы сексуально озабоченные! А я вам толкую об истории вопроса! – Аркадий Петрович с профессорским видом постучал по чашке ложечкой. – Слушайте! Дядя Аркадий прочитает вам мини-лекцию, на макси, простите, нет времени! Итак, некто Тео Ланг упоминает зарегистрированный случай следующего страшного, солнышки, и неприглядного содержания: у некой женщины головка клитора была длиною, мои дорогие кошечки, пять сантиметров!

– Ужас какой! – непритворно ахнула Маргарита Андреевна.

– Это ещё не ужас, Маргоша! – всё так же серьёзно продолжал говорить Аркадий Петрович. – Ужас, птичка моя, начинался, когда клитор этой зарегистрированной, прости господи, женщины находился в эреги-

рованном состоянии. Потому как в этом самом состоянии он был уже семи с половиной сантиметров! Но то была жёлтая зарегистрированная женщина. Азиатка. Дикое племя. Я иногда думаю, не за этим ли наши мужики все в Юго-Восточную Азию повадились, как невменяемые? Что-то, наверное, есть в бабах с такими приборами? – Он картинно-задумчиво уставился в потолок. – А вы, девочки мои сладкие, белые женщины. А у белых женщин, по данным некоего Ральфа Помероя, размеры головки клитора не бывают длиннее двух с половиной сантиметров. Да и то редко. А вот у чёрных... У чёрных такие, не побоюсь этого правильного в данном случае слова, выдающиеся клиторы – чуть не до восьми и более сантиметров! – встречаются с частотой раз на триста человек чернокожего женского населения!

– Боже мой, Аркадий Петрович, откуда ты всё это знаешь?! – уставилась на анестезиолога Маргарита Андреевна.

– Наш друг Святогорский, Марго, некоторое время подвизался в субсахариальных странах. Ещё в советское время.

– Да! – гордо расправил плечи Святогорский. – И поскольку и там я был анестезиологом при акушерах-гинекологах, то всякого насмотрелся и историю вопроса проштудировал! Дикие чёрные люди не желали при-

знавать победу социализма и прочие достижения передовой советской медицинской науки в своих африканских республиках! Точнее – о победе социализма они просто не знали, потому что дикари они и есть дикари. А что касается клитора – то продолжали по-дикарски своим девочкам делать обрезание этого органа. С чем мы пытались безуспешно бороться. Теперь с этим безуспешно борются ООН, «Врачи без границ» и прочие гуманисты. А дикари как были дикарями – так и теперь не знают, что обрезание клитора – это нехорошо. Даже если он длиной с вполне себе такой мужской половой член, Маргарита! – обратился он к старшей акушерке обсервации. – То, что ты называешь «хуем», у приличных людей, не у дикарей, называется «половым членом».

– Нет! Половым членом называется половой член. И он, поверь Аркаша, совсем не то же, что хуй!

– Бесстыдница!

– Если вы не прекратите ржать, я вас выгоню! – прикрикнула на оккупировавших её кабинет друзей Татьяна Георгиевна.

– Мы сами скоро уйдём, мы гордые! Правда, Марго? Кроме того, у нас работа. Мы врачи с границами! Но напоследок, мои крошки, я расскажу вам, что самый длинный зарегистрированный клитор, рекордно длинный – можно сказать, не погрешив против исти-

ны, – клитор, упоминаемый целым рядом поражённых в самое сердце воображения глубокоуважаемых авторов, составляет тридцать сантиметров в длину! Это не каждый половой член такими сантиметрами может похвастаться!

– И даже хуй! – восторженно прошептала Маргарита Андреевна.

– Идите... – начала было Татьяна Георгиевна.

– Куда?! – моментально перебил её Святогорский.

После этого друзья хохотали ещё минуты три.

– Работать! Работать!!!

– Татьяна Георгиевна, извините, что отвлекаю вас! – в дверь после формального стука вошла молоденькая ординатор Светлана Борисовна Маковенко. – Но девочка из седьмой палаты отказывается от моего осмотра. Она хочет, чтобы её осмотрели вы! – обиженно проговорила она.

– Хорошо, уже иду! – ровно, насколько это можно было, ответила заведующая.

– Светочка, а какой у вас...

– Аркадий Петрович, не развращай мою молодёжь!

– Я хотел спросить Светлану Борисовну, какой у неё IQ! А вы что подумали, Татьяна Георгиевна?! Да как вы могли! – театрально возмутился Святогорский. – Кстати, завтра что-то мутим у вас в изоляторе?

– Нет! – хором крикнули старшая акушерка и заве-

дующая наблюдением отделением.

– Понятно! То есть бутылку с собой всё-таки брать...

Кадр тринадцатый

Защитники отечества

в женский день

Утром двадцать третьего февраля пятиминутка была серьёзная. И даже мрачная. Никаких форс-мажорных ситуаций в родильном доме не было. Всё было тихо и спокойно. Но в джинсы, наконец, нарядились и самые отсталые слои населения. А если безо всяких придурочных иносказаний – господин Панин узнал, что на свете существует Интернет. Потому после того, как доложились все, кто докладывался тут каждое утро – а именно: физиологический родильно-операционный блок, послеродовое физиологии, отделение патологии беременности, наблюдательный родильно-операционный, собственно наблюдательный и отделение новорождённых, Семён Ильич как-то слишком торжественно извлёк из папочки пару листиков и начал зачитывать с какой-то уж и вовсе советско-радийной претенциозной вычурной дикцией:

– Пятнадцатого февраля этого года я родила прекрасную дочь Ярославу в роддоме... – Он преврался и медленно осмотрел всех присутствующих на пятиминутке. Выдержав необходимую паузу, он пояс-

нил своим обычным «начмедовским» – сильно административным и потому всегда несколько недовольным голосом: – Я вижу на ваших лицах недоумение, коллеги? – На лицах не было недоумения. «Лица» сидели, потупившись в пол, потому что, только зайдя в конференц-зал, где всегда проходили пятиминутки, поняли, что сегодня начмед встал не с той ноги и вдогонку его ещё и муха укусила, которой вожжа под хвост попала. – Разумеется, что это не я родил прекрасную дочь Ярославу пятнадцатого февраля в нашем родильном доме. Просто мой средний сын, развлекаясь, набрал в поисковике мою фамилию, имя и отчество. И первое, что выпало, как он выразился, «по дате», был именно этот текст. Я продолжу, если вы, коллеги, не возражаете!

Кто ж возразит начмеду? Особенно если он суров, как ответственный за техническое обеспечение на премьерном спектакле недавно реанимированного Большого. Вопрос, разумеется, был риторическим. И со значительностью Левитана, объявляющего сводку от Совинформбюро, Семён Ильич продолжил:

– Примерно на тридцать второй неделе беременности я познакомилась с врачом акушером-гинекологом Татьяной Георгиевной Мальцевой, заведующей наблюдением отделением и родильным залом этого отделения. Обратилась к ней по реко-

мендации врача, которая вела мою беременность. С Татьяной Георгиевной мы сразу нашли общий язык. Она показалась мне профессионалом в своем деле, и, поскольку речь шла о возможном кесаревом сечении, немаловажен был её большой опыт и стаж работы. Через несколько дней я заключила договор с этим роддомом на роды с Татьяной Георгиевной по программе номер три – то есть самый полный перечень услуг, послеродовая палата люкс с возможным круглосуточным пребыванием родственника. До родов я была на приеме у Татьяны Георгиевны ещё один раз. Тогда и подтвердилось, что рожать я буду при помощи операции. Причина в проблемах с глазами – у меня тяжёлая миопия, и в родах могла произойти отслойка сетчатки. – Панин снова осмотрел присутствующих на пятиминутке. И обратился к Мальцевой, вложив во фразу как можно больше сарказма: – Татьяна Георгиевна, я рад, что ваша квалификация так высока, что показывать беременную с высокой степени миопии начмеду вы уже не считаете нужным!

– Я не считаю, Семён Ильич, что таких женщин не нужно показывать начмеду. Но дело в том, что как раз тогда вы были в зарубежной командировке от Минздрава. И обязанности начмеда временно исполняла я, – спокойно ответила Татьяна Георгиевна.

Панин так посмотрел на заведующую обсервацией, как будто пытался прожечь в ней дыру. Но ничего не сказал и вновь вернулся к торжественной декламации.

– У меня была назначена следующая встреча с Татьяной Георгиевной – на тридцать девятой неделе, но судьба распорядилась так, что роды начались естественным образом...

На словах «но судьба распорядилась так» по залу прокатился нервный смешок. Панин замолчал, и смешок тут же издох, потому что ну его к чёртовой матери с Сэмэном заводиться, когда он и так на взводе, что тот палец малолетки на спусковом крючке «калаша».

– ...Но судьба распорядилась так, – медленно повторил начмед, – что на тридцать седьмой неделе в шесть утра я приехала в роддом уже с большим раскрытием. Татьяна Георгиевна, слава богу, была в родильном доме и около восьми тридцати взяла меня на операцию, а уже в восемь пятьдесят три благополучно родилась моя дочка. – Семён Ильич прервал чтение и снова уставился на Мальцеву. – Я хочу вас спросить, Татьяна Георгиевна, почему вы постоянно исключаете потужной период в подобных ситуациях именно с помощью операции кесарева сечения? Почему не накладываете щипцы? Почему не применяете вакуум-экстракцию? Совсем руками работать

разучились?!

Татьяна Георгиевна молчала. А что она должна была ему сказать? Что и вы, Семён Ильич, в подобных ситуациях исключаете потужной период родов именно с помощью операции кесарева сечения? Потому что и вы, Семён Ильич, прекрасно знаете, что интранатальные осложнения, приводящие к тем самым пресловутым родовым травмам, куда выше именно при наложении щипцов или вакуум-экстракции плода? И это не говоря уже о том, что кесарево сечение выполняется именно что руками, а вовсе не ногами. Если, конечно же, кесарево сечение делает Мальцева, Панин и многие другие, но только – тьфу-тьфу-тьфу! – не Михаил Вениаминович, например. Можно было бы, конечно, ещё вопросительно-утвердительно интонировать примерно такое: «Сёма, ты что, окончательно тронулся?!» Но Татьяна Георгиевна предпочла промолчать.

– Молчите, Татьяна Георгиевна?! Ну-ну! – Панин снова принялся за своё песнопение: – *Ярославу сразу мне показали и унесли в палату, где находились мой муж и мама, при них произвели все необходимые обследования. После этого я попросила меня усыпить и проснулась уже в палате реанимации. Хочу выразить огромную благодарность за профессионализм и душевное отношение ко мне во время родов и по-*

сле них – Татьяне Георгиевне, а также анестезиологу-реаниматологу Аркадию Петровичу и анестезистке не то Алёне, не то Леночке, к сожалению, не знаю полного имени, но они её называли и так и так, – про выражение благодарностей Панин прочёл смазанной тихой скороговоркой. – В палате реанимации я пробыла сутки. Из наркоза я вышла постепенно, без осложнений, давали обезболивающее и ставили капельницы, а встала через двенадцать часов после начала операции и сама дошла до туалета. – Семён Ильич со злостью швырнул листочки на стол. – Вот сколько раз уже говорено и переговорено! Мы – за раннее вставание! Мы – за профилактику тромбозов и так далее! Отчего у вас баба валяется полсутки, когда поднимать после неосложнённого кесарева можно уже спустя шесть часов. А через восемь-девять – вы просто обязаны её поднять! А вы – ленитесь! И потом у нас тромбозы и прочие неприятные осложнения и гепарины с фраксипаринами рекой льются!

– Семён Ильич, наши женщины не всегда хотят слишком рано вставать. Нежные. Да и клиническая ситуация не всегда позволяет... – подал голос из зала Святогорский.

– Помолчите, Аркадий Петрович! Всем прекрасно известно, что вы всегда найдёте себе оправдание! Я

могу продолжать? Спасибо, что так уважаете начмеда, что делаете ему одолжения, выслушивая то, что касается непосредственно вашей работы! – И Сёма снова взял тон чтеца-декламатора: – *Как только я пришла в себя, в палату сразу позвали маму и мужа, по очереди – мне это дало колоссальную эмоциональную поддержку. Дочку принесли, как только та проснулась, и сразу приложили к груди, после чего мы не расставались до двенадцати часов ночи, а затем её отнесли спящую обратно в детское отделение на ночь, чтобы дать мне отдых. Спасибо внимательному медицинскому персоналу, дежурил анестезиолог-реаниматолог Владимир Сергеевич Ельский. Очень хороший специалист. За всё время пребывания здесь я ни разу не испытала каких-то слишком серьёзных трудностей, мне сразу оказывали помощь и не оставляли без наблюдения. На роды я брала с собой только документы, тапочки, носки, мобильный телефон и фотоаппарат. Телефон оставался у мужа во время операции, а затем мне его дали в палату реанимации, фотоаппаратом муж сделал первые снимки дочери, когда её вынесли из операционной.*

– Семён Ильич, ты нам тут до вечера собрался это интернет-досье читать, а? Девушка же вроде всем довольна. Хочешь, я завтра утром на пятиминутке ане-

стезиологические анекдоты почитаю? Может, пойдём уже работать? – подал реплику Аркадий Петрович. Но Панин сделал вид, что не заметил, и продолжил читать:

– На следующее утро мне разрешили позавтракать, и после того, как были получены хорошие результаты анализов, меня вместе с дочерью без проволочек перевели в послеродовое отделение, и я вздохнула с облегчением, но, как выяснилось, рано... Начну с хорошего: у меня была послеродовая палата люкс на втором этаже, просторная и комфортная: отдельный санузел – правда, там плохо работал слив унитаза и были проблемы с регулировкой воды в душе, – большая двуспальная кровать с тумбочками, пеленальный комод, две раковины, телевизор, кормительное кресло – я им не пользовалась, кормила в кровати, лежа на боку, – стол со стульями, полки с разноцветными контейнерами и вазочками, две большие прозрачные вазы для цветов – если для кого-то это важно, кулер – кипяток и холодная питьевая вода, микроволновка и холодильник. Для ребёнка всё давали: слипики...

– Чего давали? – вырвалось у Святогорского.

– Для ребёнка всё давали, – Панин был торжественен и непреклонен, как титановый гвоздь. – Слипики – были и с закрытыми ручками – пользова-

лись ими. Распашонки, шапочки, подгузники «Либеро», много пелёнок, влажные салфетки, крем под подгузник «Мустелла», гель для мытья «Мустелла». Так что, думаю, ничего своего привозить из дома не нужно, разве что если захочется ногти подстричь или подгузники получше. Только одежду на выписку. Утеплять чем-то дополнительным ребёнку не пришлось, в палате было очень тепло, плюс двадцать шесть постоянно. Для меня тоже почти всё необходимое было: ночнушки – правда, только унылого зелёного цвета...

– Семён Ильич, мы не в борделе, чтобы весёлого цвета ночнушки заводить! – взвилась присутствующая на пятиминутке старшая акушерка наблюдательного отделения. Начмед на неё даже внимания не обратил и, не прерываясь, продолжил:

– Два банных халата – приятного позитивного персикового цвета, прокладки, одноразовые трусики, впитывающие одноразовые подкладки, полотенца, зубные щетки, гели и шампуни, одноразовая бритва, фен. Из своего стоит взять: фотоаппарат, может быть айпад или ноутбук – я выходила в Интернет с телефона, домашний костюм, если не нравится в зелёной ночнушке...

– Не нравится им! – пробурчала Марго.

– ...тапочки, носки, зубную пасту и щётки, рас-

ческу, может быть, косметические средства. Мне было не до этого, использовала только бальзам для губ. Свои гель и шампунь, на всякий случай прокладки. – Тут Семён Ильич остановился и вперил взгляд прямо в Маргариту Андреевну. И прочитал следующее предложение с нажимом: – *Пару раз мне недокладывали новой пачки и приходилось использовать свои.* – Он замолчал.

– Семён Ильич, знаете что... – возмущённо начала Маргарита Андреевна. – Мне им в одно место бегать заглядывать каждые две минуты? Да они вагонами эти прокладки изводят!

– Тем, кто по контракту, – бегать и заглядывать, Маргарита Андреевна! Каждые две минуты! Изводят вагонами – приобретайте составами! – В голосе начмеда зазвучал такой металл, что старшая обсервационного отделения, несмотря на весь свой характер, предпочла заткнуться. У Сэмэна гон. Лучше промолчать. Танька вон молчит, гнида.

– *Может быть, более мощный фен...* – продолжал Семён Ильич.

– Ага, может, ещё и строительный им там подвесить, с температурой подогрева до тысячи градусов?! Фен им не нравится, совсем оборзели. Что ещё может быть нужно после родов, как не более мощный фен! – всё-таки пробурчала себе под нос Марго.

– ...Ещё мне муж привозил трубочки и одноразовые стаканчики – из них удобно пить воду, не отрываясь от кормления. Может пригодиться своя подушка для сна и кормления. Я не привозила. О питании тоже только приятные слова: кормили с учетом того, что можно кормящей после операции, при этом было не просто съедобно, но и вкусно, в достаточном количестве – большое спасибо шеф-повару роддома! На столе были постоянно пакетики кофе, чёрного и зелёного чая, сахар. Но докладывали нужное количество только после просьбы. – Последнее предложение Семён Ильич продекламировал, как смертный приговор.

– Да, блядь, домой себе ношу, Семён Ильич! На чём же мне ещё нажиться, как не на пакетике зелёной пыли!

– Татьяна Георгиевна, ваша старшая акушерка слишком много себе позволяет.

– Маргарита Андреевна! – наконец отмерла Мальцева. – Вы слишком много себе позволяете!

В зале раздался смешок.

– Теперь о наболевшем и пережитом, – резко повысил голос начмед. – К сожалению, комфортная палата и приличная еда не смогли компенсировать бездушного, формального отношения и бросающейся в глаза низкой квалификации врачей и среднего

медицинского персонала наблюдационного послеродового отделения. Когда меня перевели из послеродовой палаты, я чувствовала себя бодрее и лучше... – Святогорский театрально раскланялся, – ...чем после трёх дней, проведённых в послеродовом отделении. Мне зачем-то вливали лошадиные дозы капельниц с антибиотиками, глюкозой, железом, какие-то питательные растворы – при этом не принимались в расчёт моя конституция и вес в сорок три килограмма, а также нормальная температура, хороший анализ мочи, хороший результат УЗИ живота и осмотра на гинекологическом кресле!

– Семён Ильич! Так не было бы у неё нормальной температуры, хороших анализов мочи и хороших результатов УЗИ и так далее, если бы не «лошадиные дозы»! – не выдержала Мальцева. Сорвалась! И тут же на себя разозлилась. Можно подумать, Панин этого не понимает. Устроил тут... пионерские чтения!

– Мне ставили множественные уколы и, помимо этого, мне приносили таблетки. Это всё было назначено заведующей наблюдационным отделением Мальцевой Татьяной Георгиевной без объяснения необходимости данного объёма лекарств.

– Что-то я не понял, Сэмэн! – Аркадий Петрович продолжал нагло саботировать и ронять авторитет начмеда. Впрочем, Сёмин авторитет хрен уронишь.

И что позволено Святогорскому... – Не понял, Семён Ильич, эта твоя киса из Интернета Татьяну хвалит или хаает?

– *Из-за огромного количества жидкости у меня раскалывалась голова,* – грозно продолжал Панин.

– Ну, то известное дело. Надо меньше пить. Из одноразовых стаканчиков, гы! – неутомимо гнул свою линию Святогорский.

– *...подскочило обычно низкое давление, и я едва могла встать с кровати,* – ещё громче и ещё более грозно продолжил начмед. – *Кроме того, акушерка Светлана не смогла попасть мне в вену на левой руке, и из-за этого у меня образовался большой отёк, и компресс с мазью не поставили не сразу! Акушерка Татьяна, не имеющая, судя по сайту роддома, стажа работы, не смогла поставить катетер ни на правую, ни на левую руку и пошла за помощью. На мне хотели потренироваться, что ли? Зачем я платила за контракт?!*

– Семён Ильич, с венами той бабы даже я с трудом справился. А я с венами чёрных голодающих женщин проблем не имел – так в первый срок моего контракта с Эфиопией натренировался. А я там три срока отсидел – машину купил, чёрную, простите, «Волгу», квартиру кооперативную... Вот как я, Семён Ильич, круто вен наколол. Так что нечего на акушерок кивать, коли

вены такие кривые, что и я с трудом справился!

– Увы, – с упорством танка, решившего проехать по деревне от околицы до околицы, упорно декламировал Панин, пропуская мимо ушей ремарки Святогорского, – *оказалось, что и более опытная акушерка поставила катетер неправильно, и у меня началось воспаление, к счастью, вовремя замеченное мной. Потому что начались боли! Представьте себе моё состояние и ощущения, когда постоянно нужно кормить и ухаживать за ребёнком, вставать, есть что-то самой, по ночам укачивать дочь, которую мучил животик, при этом у меня болели рубец и живот после операции, плюс на меня свалились еще и нестерпимые головные боли, дикая слабость, боли в локтевых сгибах и запястьях из-за повреждённых вен. Из-за всего этого у меня была истерика, и каким-то чудом не пропало уже появившееся молоко. В то же время, несмотря на моё явно плачевное состояние и якобы плохой анализ крови, меня планировали выписать уже на четвёртый день после операции. Когда я отказалась от капельниц, врач Мальцева практически меня не наблюдала, пришла ко мне в палату один раз с минутной беседой не о моём самочувствии, а с советами, которые могут пригодиться через несколько месяцев – например, о противозачаточных средствах. О решении меня выпи-*

сать я узнала не от неё, а от какой-то серой мыши, которая требовала, чтобы её называли Светлана Борисовна!

Тут уже и Татьяна Георгиевна не выдержала, хрюкнула. А «серая мышь» Светлана Борисовна Маковенко надулась как... ну, собственно, как мелкий грызун на крупу.

– *Маковенко пришла ко мне вечером накануне выписки с заполненным больничным листом без даты выписки, которая так и не была проставлена, что создало проблемы на работе при сдаче больничного листа. Кроме того, были ошибки с исправлениями в других документах. Ещё один малоприятный момент – при мне врач Мальцева обсуждала выписку, просматривая документы пациенток, и меня резанула её фраза, брошенная в адрес другой женщины: «А вот у этой муж-испанец, поэтому она ещё пусть полежит, выписывать не будем». Я была в шоке, интересно, какими словами она обсуждала за глаза меня? Я выписалась на пятый день, совершенно не пришедшая в себя, с головными болями, издёрганная и с расшатанной нервной системой, про внешний вид я даже не говорю. Вместо фотосессий, шариков и шампанского я фактически схватила дочь под мышку и как можно быстрее покинула стены роддома. Мне даже не хотелось, чтобы ребёнка*

одевали и выносили детские медсёстры... Никаких напутственных добрых слов от работников послеродового отделения я не услышала. Детская медицинская сестра, постоянно работающая в дневную смену, несмотря на просьбы, не показала, как правильно ухаживать за ребёнком, ссылаясь на вечерние смены и обходы врачей-педиатров. Единственная, кто реально мне помог с проблемой кормления в первые сутки и научил держать и подмывать дочку, а также показал позиции, чтобы лучше отходили газики у ребёнка, это акушерка Маргарита Андреевна Шрамко. За что ей большое спасибо! Надеюсь, что мой отзыв окажется полезным и сможет пригодиться при выборе роддома, спасибо за внимание.

В наступившей тишине раздалось злобное шептание:

– Ну, обвинили в том, что пакетики с вонючим кофе по карманам тырю, зато поблагодарили, что такие, право, мелочи разрулила. – Марго была зла, как гюрза перед броском.

– Вы кончили, Семён Ильич? – смиренно поинтересовался Аркадий Петрович.

Зал грохнул. Но быстро умолк.

– Вы у меня посмеётесь. Вы у меня все посмеётесь! – изрыгнул в наступившую тишину Семён Ильич. – И Татьяна Георгиевна Мальцева, и Марга-

рита Андреевна Шрамко, и Владимир Сергеевич Ельский. Все сегодня же объяснительные на стол!

– По какому поводу, Семён Ильич? – Мальцева поднялась с кресла. – Из-за того, что какая-то баба где-то в Интернете понаписала, какие мы тут все создания мрака? Мало ли что могут в Интернете написать. Вам поступали какие-то жалобы от пациенток, Семён Ильич? Конкретные жалобы, с именами и фамилиями? На обыкновенной бумаге, которая, впрочем, тоже всё терпит, но не до такой степени, как Сеть. Поступали?

– А какого такого испанского мужа вы ждали, Татьяна Георгиевна?! – резко взвился Сёма.

Ну, идиот! Совсем уже на смех себя выставляет. Все уже еле сидят. Что ему ответить? «Поебаться хотела!»

– Моё должностное нарушение, Семён Ильич. Готова написать объяснительную. Если вас не устроит моё прилюдное устное объяснение. «Испанского мужа» я ждала, потому что он непременно хотел, чтобы без него жену не выписывали. И даже если бы я захотела её выписать – она бы не согласилась. Потому что тоже ждала своего «испанского мужа». Из, простите, именно Испании. А моё должностное нарушение заключается в том, что я позволила себе это обсуждать в присутствии кесарской. Которая, впрочем,

на тот момент была нежна, как кроличий хвостик, и никаких жалоб ни на головные боли, ни на пакетики с кофе не предъявляла. Что касается вен и прочего – я сама лично ставила капельницы этой даме. И они ей были необходимы. И я ей объясняла почему. Долго, подробно и доступно. Готова приготовить случай на клинический разбор. Но если мы, Семён Ильич, возьмём на вооружение этот модус – по каждому истерическому воплю, раскопанному в Сети, проводить клинические разборы и прочие расследования, – то с собственно работой нам придётся распрощаться навсегда. Тут нас и найдут, в конференц-зале, похороненными под грудой ненужных распечаток, бессмысленных рапортов и оправдательных рецензий. Если вы считаете, что я или Маргарита Андреевна допустили какие-то нарушения, то аргументы, пожалуйста, приводите более весомые, чем вопли из Интернета. Там в любой момент могут написать, что Мальцева ребёнка убила, Шрамко роженицу на органы продала, а Ельский вообще глава банды педофилов. Извините, я пошла работать!

Татьяна Георгиевна вышла за дверь. И даже этой самой дверью хорошо так прихлопнула. Вслед ей донеслось забористое ржание Святогорского, злоголосье Марго и по ноте от всех остальных присутствующих. И крики Панина, пытающегося переорать

этот хор. Слава богу, в подвале их не было слышно. Мальцева зашла в неприметный уголок. Закурила и... расплакалась. Дура! Из-за чего? Из-за того, что её несправедливо обвинили в какой-то ерунде? В первый раз, что ли? И в более серьёзных вещах обвиняли – и ничего. Из-за ерунды обиднее? Тоже чушь. Из-за того, что её кристально честную Маргошу, Маргошу-командиршу, Маргошу, надёжную как закалённая сталь, обвинили в том, что пиздит по-мелкому? Случается, Маргоша прилично зарабатывает. Именно зарабатывает, что бы там ни говорили эти умники про «кто сколько даст». Да, Маргоша, любимая Маргоша, и суммы в лоб объявляет – тем, кому стоит те суммы в лоб объявлять. Зарабатывает Маргоша. Тяжким неженским, преимущественно ночным трудом. Но чтобы прокладки или чай в пакетиках тырить? Неужели ему не стыдно?! Он Маргариту Андреевну сто лет знает. Да если бы не она, не старшая акушерка наблюдательного отделения Шрамко, не было бы этого самого наблюдательного отделения в том самом виде, в каком оно нынче есть. Не было бы этих трёх люксов, не было бы семейного родзала... Много чего бы не было! Конечно, всего этого не было бы и без Панина, и без Мальцевой. Но и без Марго – не было бы! Её энергия воплощала идеи и распоряжения. Её знание жизни и умение находить нужных людей в нужное

время. И не только людей, но и кожаный диванчик со скидкой, и банку краски нужной марки и требуемого колеру. А он какую-то цидульку из Интернета читает. Средний сын, видите ли, папину фамилию в Сети набрал и номер родильного дома, лгун несчастный!.. Да гори ты в аду, Панин! Будь ты проклят, Семён Ильич!.. Приди в себя, идиотка Мальцева!

– Что ты ржёшь, что ты ржёшь?! – в заветный угол уже неслась Маргарита Андреевна. – Этот мудака совсем охуел, да?!

– Нет, Марго, нет... Он не мудака. И он не охуел. – Татьяна Георгиевна совсем уже успокоилась и даже развеселилась. – Он просто только недавно узнал, что Сеть – это не только его корпоративная электронная почта, не только глючный сайт нашей больницы и родильного дома – но и многое другое.

– Нет, ну меня! Меня!.. И в чём?! В воровстве пакетиков чая и прокладок! Зла не хватает!

– Да успокойся! Что у него, первый раз такое, что ли? Мало он нас песочит в хвост и в гриву?

– Нет, ну по работе – святое. За дело – это закон. Мы с тобой сами администраторы, помимо всего прочего. Так что за дело – это понятно! Но из-за того, что какая-то мандавошка написала на заборе, что ей прокладки с чаем вовремя не принесли?! А с венами этой чумы засушенной всем отделением носились – и что

в благодарность? Антибиотики ей самые лучшие выписывала на её посевы, где чуть не гонококки колосились, – так она недовольна! У неё, вишь, температура нормальная была. Разумеется, была. Блин, зла таки не хватает. Хоть ты меня убей! Он что, теперь будет по ночам в Сети сидеть и отзывы каждой такой манды распечатывать?

– Мандалы! Лы-лы-лы! – рассмеялась Татьяна Георгиевна. – Не будет, Маргарита Андреевна, успокойся! Это новая игрушка, ненадолго. И не всерьёз.

– Ну, Сёма обычно у нас долго играет, – тут же успокоилась старшая. И прищурившись, добавила: – Если игрушка полюбится.

Татьяна Георгиевна только махнула рукой. Мол, не начинай!

– Ага! «И с помощью жестов объяснил, что его зовут Хуан»... А что у тебя там с этим, из той самой, из «Мандалы»-лы-лы-лы!

– Ничего! Отстань!

По выражению лица Маргариты Андреевны было ясно, что она не отстанет.

– А как тебе этот мальчик, Александр Вячеславович? Он же в тебя по уши втрескался!

– Марго, он именно что мальчик!

– Какой такой мальчик! Ему двадцать пять лет! Это же прикинь какой кайф! И уметь уже – что-то умеет, и

стоит ещё не как в под полтос, а круглые сутки.

– Маргарита!!!

– Что «Маргарита»?!! Сёма уже долбанулся, судя по сегодняшней пятиминутке, где он выступил с сольным номером гражданской песни и пляски. Ты – на подходе к умалишению. Тебе нашего прекрасного юношу даже соблазнять не придётся – он сам шлёпнется к твоим ногам, как Лошарик!

– Как кто?

– У тебя что, такой игрушки в детстве не было? Ты что! Лошарик – это такой грустный хорошенький бычок. Складной. На такой кругляшке. Если снизу надавить – бычок складывался. Если отпустить – снова торчком становился. А ещё у меня был набор открыток про Лошарика. Лошарик в цирке выступал... Я его так любила, Лошарика. А потому папаша моя, падла, бухой в жопу и злой на меня за что-то, выкинул его в мусоропровод. Я так плакала... Вначале ключи у дворничихи попросила и всю помойку перерыла, но Лошарика не нашла. А потом меня оттуда мама вытащила. Мне маму было жалко, и я с ней пошла. А Лошарика всю оставшуюся жизнь жалко... – Марго вздохнула. – Слушай, а моему папашке-то пиджак волковского сыночка подошёл, как влитой. У пацана явно руки из того места растут. На одежду!

– Лошарика у меня не было. Был Пиф. Деревянный.

Пиф – это такой пёс. Он был раскрашен коричневым и жёлтым. У него были глаза бусинки и морда торчком...

– Да что я, Пифа, что ли, не знаю?! Рассказывает она! У меня тоже такой Пиф был. Но Лошарика я любила больше.

– А я любила Пифа. У него в деревяшках были просверлены сквозные такие эти... каналы, чёрт. Сулькусы, да. И через эти сулькусы... То есть по ним, через форамены – были продёрнуты связки... Блин! Не связки, а резиночки. И ступни и руки... то есть лапы... были этими резиночками прикреплены. И одна из них совсем истрепалась, потому что я любила дёргать Пифа за лапы... За резиночки. Ну и нога потерялась. Я тоже так плакала. Но очень любила Пифа, и он даже спал со мной. ...А волковский белобрысый сынишка таки очень талантливый. Я видела сшитое им тряпьё. Реально гений.

– Танька! – заливисто захохотала Маргарита Андреевна. – Если бы нас сейчас кто-то слышал... Две взрослые бабы. Вполне себе такие не последние люди на свете. И что? Лошарики с Пифами.

– Я вас слышу! – К ним подошёл Панин.

Обе женщины сделали очень серьёзные лица, всем своим видом давая понять, что ему тут не рады.

– Хорош уже курить! Какой вы пример всем показываете?! Я недавно отловил двух беременных дур,

куривших на пятом этаже. У хранилища кислородных баллонов!

– Мы не курим на пятом этаже! – вызверилась Маргарита Андреевна. – И «беременных дур», как вы изволили выразиться, Семён Ильич, этому не учим! И будьте осторожны, Семён Ильич. Вдруг тут где-то крадётсЯ беременная, а? Вот услышит, что начмед такого прекрасного родильного дома господин Панин обзывает беременных дурами, – всё, приплыли. Тут же настрочит в Сети... Как про «испанского мужа».

– Марго, хорош уже! У меня и так жизнь не сахар!

– Да, бедный несчастный Сеня! – весьма похоже пародируя законную жену Варвару, произдевалась Маргарита Андреевна. Когда никто не слышит – можно. Они все двадцать лет вместе. В разных ситуациях были. Это там, наверху, они начмед Панин и старшая акушерка Шрамко. А здесь, в подвале, они Марго и...

– Сёма! Не называй меня так, Маргоша, у меня челюсти от Сени сводит.

– Что-то долго тебе челюсти сводит. Скоро уже серебряный юбилей сведённых намертво челюстей!

Панин махнул рукой. Если Маргарита Андреевна попала на язвительно-ехидную волну, то... Это круче тихоокеанского прибоя в сезон серфинга.

– А ты что молчишь? – обратился он к Татьяне Георгиевне.

– А что мне говорить?

– Ты расскажи ей, расскажи! – кивнул он на Маргариту. – Расскажи, как я у нас стал таким интернет-грамотным!

– Ей-то какая беда?!

– Немедленно рассказывай! – Марго тут же забыла про то, что надо кошмарить Семю. Любопытство перебило.

– Ну, раз Семён Ильич настаивает... Заехал он ко мне в гости. И после положенных пробежек по коридору с закрытыми глазами и получения прочих плотских удовольствий я показала нашему глубокоуважаемому доктору наук, нашему прекрасному начмеду и моему бессменному любовнику Семёну Ильичу Панину, что про нас в Сети пописывают. Передо мной стояла – стоит! – задача выхерить Михаила Вениаминовича из моего отделения. Панин почитал, посмеялся, стал набирать фамилии врачей в поисковике – увлёкся, как дитя, короче. Я пошла мыться. Мне и в голову не могло прийти, что такой вот наш прекрасных качеств матёрый человечиче Семён Ильич будет копаться в моей личной почте, пока я в ванной отмокаю от его соков.

– И? – У подруги горели глаза. Вот ведь... Бабьё всегда бабьё. А любопытное бабьё – в сто раз хуже. Даже если это «бабьё» – ваша надёжная проверенная

подруга!

– Марго, эта пизда зарегистрировалась на сайте знакомств! – не выдержал Панин.

– Слава богу! – Маргарита Андреевна даже перекрестилась. И тут же накинулась на Семёна Ильича. – И что? Ты что, хотел, чтобы она до гроба тебе безотказной подстилкой была?!

– Ты бы почитала, что ей пишут!

– Сёма, это просто смешно! – возмутилась Татьяна Георгиевна.

Загремел лифт, и послышались шаги.

– Тсс! – прошипела Марго. – Сейчас нас тут поймают!

Шаги стихли.

– Святогорский в главный корпус почесал, – резюмировала Марго.

– Ты что, его по шагам узнаёшь? – удивился Сёма.

– Не только его. Я всех здесь, в этом родильном доме, по шагам узнаю. По шагам, по запахам, по звукам. Я в этом роддоме всё и всех и всё про всех знаю! И работу свою делаю как положено. И акушерскую и административную, Семён Ильич!.. Ну, разумеется, в свободное от воровства прокладок, кофе и одноразовых стаканчиков время!

– Ну всё, блин! Влип на всю оставшуюся жизнь!.. Ты бы меня пожалела, если бы увидела, что ей там пи-

шут! – гневно ткнул он пальцем в Татьяну Георгиевну.

– Что хотят её мокрую киску? Нормально. Не тебе же одному...

– Да хер с ней, с киской... Это ещё цветочки! Мало того, она переписывается с интерном! Марго, она переписывается с интерном! Заведующая отделением, взрослая женщина переписывается с этим сопляком, как его там...

– Александром Вячеславовичем? Ай да Танька, ай да молодец! – похвалила акушерка подругу. – Могла бы и мне, сука, сказать! Я тут его, понимаешь, ей сватаю, а она с ним уже переписывается в полный рост!

– Я рада, что вы оба так беспокоитесь о моей личной жизни, – холодно произнесла Татьяна Георгиевна. – В общем-то, Маргоша, вся история. Он покопался в моей почте, осатанел и унёсся домой. Выискал какую-то цидульку, где меня не то хвалят, не то паскуют, ну и устроил из пятиминутки этот цирк. Клоун!

Снова зашумел лифт.

– Татьяна Георгиевна! – негромко выкрикнула санитарка. – Татьяна Георгиевна, вы здесь? Татьяна Георгиевна, если вы здесь, то вас Маковенко ищет уже минут двадцать. И ещё вас в приёмном ждут, только спросили.

– Борисовна, не уезжай! – отозвалась заведующая. И, показав язык примолкшим своим собеседникам,

унеслась в сторону лифта.

– Гадина! Дрянь! Всю жизнь мне испортила! – пожаловался Семён Ильич Маргарите Андреевне, когда лифт отчалил наверх.

– Это ты, Сёма, гадина. Это ты, Сёма, дрянь. Развёлся бы и женился давно на Таньке.

– А она хочет? Ты же знаешь, за кем она замужем. За покойником. С портретом в коридоре она живёт в законном браке. Все остальные так, случайные ёбари... Включая меня. – Семён Ильич вздохнул. – Ладно!.. Маргоша, посидим сегодня у вас в изоляторе потихому?

– Тыц-пиздыц, по-русски здрасьте! Кто бы сомневался! Каждый раз одно и то же! Ты же сам первый громче всех орёшь, чтобы никаких празднований.

– Мы по-тихому. По очень, очень, очень тихому. Узким кругом.

– Я согласую со своей заведующей, господин начмед! – Маргарита Андреевна улыбнулась и нежно погладила Сёму по всё ещё жёстким, хотя уже и слегка седеющим волосам. – Бедные вы оба... Но гадина и дрянь всё равно ты, Семён Ильич. – Марго поцеловала его в щёку. – Я пошла.

– Иди. Я тоже сейчас... Сигарету оставь.

– Курить будешь? Ты ж в крутой завязке, на Курочку Рябу божился, забыл?

– Не буду курить. Понюхаю. Вы же с Танькой одну марку курите. Это её запах...

– Ну точно совсем с катушек слетел. – Марго протянула ему всю пачку. – На, хоть вусмерть унюхайся своей Танькой. А я пошла...

В шесть часов вечера в изолятор, расположенный в дальнем конце наблюдационного родильного зала, стали стекаться «свои». В наблюдационном отделении было два изолятора, и чаще всего они всё-таки – тьфу-тьфу-тьфу пустовали. Удобство этого изолятора было в том, что в него был отдельный вход с улицы, как и положено порядочному изолятору. Разумеется, была дверь, ведущая и в родзал. Для персонала. Хотя сам изолятор в то же время являлся и родзалом. Ведь что такое, по сути, родзал? Кресло и набор инструментов. И умелые руки. Чего только этот изолятор не повидал. И ВИЧ-инфицированных наркомамок, и подследственных убийц из другого изолятора – следственного. Везде жизнь. И даже инфицированная, отравленная наркотиками и лишаящая других жизни жизнь – всего лишь жизнь. И как любой другой всего лишь жизни, ей свойственно не только умирать, но и стремиться к возрождению. Вольно или невольно...

Татьяне Георгиевне сегодня, впрочем, было не до философий. Куча дел в отделении. Трое родов – сла-

ва богу, в люксовых палатах. Всё-таки куда приятнее находиться рядом с появлением на свет жизни желанной. Жизни, чьи создатели не просто случайно встретившаяся мимо пробежавшему сперматозоиду яйцеклетка, а мужчина и женщина, создавшие семью, планировавшие создание новой жизни и дающие возможность этой жизни появиться на свет в комфорте и уюте. Потому и слава богу, что не было сегодня родов в том, «праздничном» изоляторе. Нарочно не придумаешь, но уж такое за этим изолятором утвердилось название – «праздничный». Уже давным-давно, если поступало что-то такое, акушерка из приёмного, звоня Мальцевой согласовать, говорила: «В "праздничный" родзал, Татьяна Георгиевна?»

Да, все календарные праздники и дни рождения «своих» было принято тихо отмечать именно здесь, в «праздничном» изоляторе. Не Татьяной Георгиевной было заведено, не ей и отменять! Бог простит за такую странную, ненарочную иронию. Бог, если он есть, наверняка давным-давно простил этих людей в зелёных пижамах и белых халатах. Может, что другое не простил и никогда не простит, но «праздничный» изолятор-родзал – давным-давно.

Ритуал блюлся свято вот уже много лет. Под руководством старшей акушерки обсервации санитарки сдвигали рахмановку подальше. И ставили в «празд-

ничном» изоляторе столы буквой «П». Во главе восседал начмед по акушерству и гинекологии этой больницы – он же, по сути, главный врач родильного дома. Ну и далее по списку. Двадцать третье февраля праздновали. И не потому, что военнообязанные. А потому что приятно каждому мужчине – из «своих», разумеется, – сделать подарок. Да не просто так подарок, лишь бы отдариться, – а что-то непременно особенное. Маргарита Андреевна каждому «своему» мужчине писала забавный стишок в красивую открытку. Стишок зачитывался вслух, все пили за тостуемого «своего» и вручали ему подарок под смешки и негромкие аплодисменты. Когда дело доходило до «своих» молодых ординаторов или паче чаяния интернов – если были текущие интерны, достойные звания «своих», – все были уже слегка во хмелю. Все, кто не дежурил. Дежурящим наливалась одна стопка – и они должны были её цедить всё время празднования. Ну, или пока работать не позовут. Кто не дежурил – приходил в «праздничный» изолятор с улицы. В «праздничном» изоляторе Марго ещё лет пять назад распорядилась прибить вешалку. Красивую, купленную Татьяной Георгиевной в магазине каких-то ненужных красивых вещей. Вешалка тем не менее была очень нужной, а не только красивой. Вообще-то, все любили свой «праздничный» изолятор, потому и сантехника в туалете-ду-

ше, и мебель тут были новые и комфортные. ВИЧ-инфицированные наркоманки и роженицы-убийцы долго не хотели отсюда выписываться. И их можно понять. «Понять можно, простить нельзя!» – любила повторять Маргарита Андреевна.

Сегодня вечером всё было как обычно. За исключением того, что Татьяна Георгиевна Мальцева не сидела рядом с Семёном Ильичом Паниным. А сидела она в самом конце стола рядом с интерном Александром Вячеславовичем. Хотя начмед его ещё не допустил в святая святых «своих» – «праздничный» родзал. Но, в конце концов, она тут заведующая и тоже вам не фуфло!

На манеже были всё те же. Святогорский и, разумеется, Фирсов из главного корпуса, завурологией уже без жены, потому что «праздничный» изолятор на пару порядков интимнее ресторации. Хирурги были. И такие хирурги, и сякие хирурги. Был Ельский со своей медсестричкой. И потому что жена, и потому что детская медсестра. И «ультразвуковик» Анатолий Витальевич был, куда же без него. В этот год Мальцева решила посвятить в «свои» даже эту бесцветную заразу Маковенко. Будет из девки толк, будет! Если характер пообтесать. Но характер – дело такое... Его только сам человек себе пообтесать может. Сидит, на интерна зыркает, цвета меняет. Замуж хочет, дура! Какая

дура замуж не хочет? Пусть сидит здесь задира-зануда Светлана Борисовна. Пусть лишний раз проглотит. И вот если не подавится... Сидела тут Маковенко ещё и потому, что Мальцева этого своего ординатора ни разу выпившей не видела. А поведение во хмелю – это маркер, и пусть катятся ко всем чертям моралисты и ханжи. Были здесь дежуранты и ординаторы. И из отделения Мальцевой. И с других этажей. Не было тут Михаила Вениаминовича, и пусть стучит своей профессорше Денисенко до усёру, что «у Мальцевой опять пили вчера!». Не у Мальцевой, а у Панина. Так что обломитесь, Елизавета Петровна. Был и доцент Матвеев, куда же без этой прекрасной паскуды! Ну не праздничный без него «праздничный» изолятор. И только Вовки в этом году не было. И не будет уже никогда. Эх, Миронов, Миронов!.. Пидорас ты эдакий, пусть тебе там, наверху, икнётся, когда с облака свешиваться будешь – подсмотреть, как тут у нас всё по обыкновению.

Было весело. Здесь всегда было весело. Иначе зачем? Смысл – иначе?

– А что это наша прекрасная Татьяна Георгиевна не подле трона по правую руку? – с порога заявил позже всех явившийся доцент Матвеев. – Общий привет! Мой подарок никому по ошибке не передарили? – поинтересовался он у Маргоши, вешая свою стильную

модную дублёнку на вешалку-рыбу красного дерева. – У вас прекрасный вкус, госпожа Мальцева! – Юрий Владимирович кинул взгляд на интерна. И, погладив эту самую «рыбу» из магазина ненужных своей красотой вещей, добавил, улыбаясь Татьяне Георгиевне: – Я вешалку имею в виду. Никак не налюбуюсь.

– Я поняла, Юрий Владимирович! – улыбнулась ему в ответ заведующая.

– Обижаете, господин Матвеев! – несколько запоздало возмутилась до того говорившая одновременно с несколькими мужиками Марго. – Я хоть когда-то хоть что-то путала?!

– О нет, Маргарита Андреевна, о нет! У вас всё как в аптеке. Истинная правда. Вы – прирождённая старшая и даже главная акушерка! Так что за свой подарок я спокоен. Я так, чтобы разговор начать. Извините за опоздание, пластика была. Тяжёлая. Классная пластика! Вы, товарищ интерн, многое потеряли... Хотя, будь я на вашем месте, тоже бы ни за что не променял прекрасные ножки и плечи Татьяны Георгиевны на какую-то классную тяжёлую пластику!

Александр Вячеславович вёл себя вполне достойно. Он не злился, не сердился, в меру иронично-тонко улыбался. Но тем не менее ни ноги от Татьяны Георгиевны не отодвинул, ни руки со спинки её стула не снял. И вместо ответа лишь язвительно-почтительно

кивнул Юрию Владимировичу.

– Ну что ж, товарищ интерн, я смотрю, возможно, из вас и выйдет вполне приличный господин. Удар держите не по-детски!

– Юрка, садись уже бога ради! – прикрикнул на него Панин.

– Я возле вас, Семён Ильич, возле вас, если позволите... Я понимаю, что я не так хорош, как...

– А вот и ваш подарок, Юрий Владимирович! – помахала Марго красивой коробкой, раскрыла открытку и зачитала:

Доцент Матвеев жалит метко —
Ведь он доцент, не профурсетка!
Желаем жалу не тупеть
И чтобы яд струился впрядь!
Пусть, как и прежде, не иссякнет
К нему поток болезных дам!
Пусть иногда он хоть и вякнет,
Но всё же с лестью пополам.
Желаем нашему доценту
Хоть иногда, но промолчать.
А горячей всего желаем:
Отечество – не защищать!

И под аплодисменты Маргарита Андреевна вручила Матвееву открытку и коробку. Он, расцеловавшись

с нею троекратно и раскрасневшись от удовольствия, всё равно остался верен себе на все сто:

– Спасибо, спасибо, Маргоша! Ты ужасно плохой рифмоплёт, этого у тебя не отнять! Я бы даже сказал, что ты хуёвый рифмоплёт, но, во-первых, мы в обществе интеллигентных людей, а во-вторых, как принёс мне на хвосте Святогорский, это самое слово из трёх букв и вовсе не на мэ или дэ вызывает у тебя в последнее время неконтролируемые приступы хохота. Это пройдёт, Маргоша, это пройдёт. К сожалению, как бы мы все ни хотели, ты никогда не перестанешь кропать нам на праздники свои херовые стишата, но любим мы тебя не за это! – И он ещё раз крепко обнял Маргариту Андреевну. – Я надеюсь, там не ядовитая змея? – Он помахал увесистой коробкой.

– О нет! Там...

Но доцент уже сам оборвал обёртку.

– О боже! Спасибо!!! Я-то сам всё жадничал! – Юрий Владимирович был страшно доволен. И даже на мгновение стал человеком, а не доцентом Матвеевым. – Спасибо, Таня. Огромное спасибо! – И он чуть не поцеловал раритетное, ещё дореволюционное издание Достоевского. – Как я люблю красивые ненужные вещи, Татьяна Георгиевна. Такие, что, как и вы, с годами становятся только лучше!

Ну, это же доцент Матвеев!

Когда были поздравлены все мужчины – и даже интернет Александр Вячеславович, – все стали требовать с Мальцевой тост.

– Я не знаю, что вам сказать, дорогие мужчины. Что я вас всех люблю – и даже Ельского, постоянно пытающегося на меня повесить хоть какую-нибудь родовую травму...

– Тань, ни слова о работе! – выкрикнул Владимир Сергеевич.

– Да, ты прав, Володька. Ни слова о работе! Но дело в том, что у меня нет слов не о работе! – Она развела руками. – А все мои слова о мужчинах довольно истёрты и банальны.

– О, не прибедняйтесь, Татьяна Георгиевна, причаститься вашей истёртой банальности любому мужчине – за счастье!

– Спасибо за комплимент, Юрий Владимирович!

Мальцева была в неожиданно прекрасном расположении духа. Откровенно злящийся на своё «тронном» стуле Панин не беспокоил её, а веселил. Интернет, которому было всего-то двадцать пять... Какое, к чертям, «всего-то»?! Ему четверть века. Он уже давно мужик. И этот четвертьвековой мужик – умён, обходителен, обаятелен, у него потрясающая фигура, и он – совершенно свободен. Чего такого он не сможет, что может Панин? Операцию Вертгейма? К тому време-

ни, как она ей – сто тысяч раз тьфу-тьфу-тьфу! – понадобится, Александр Вячеславович уже будет уметь её делать. Или доцент Матвеев ещё жив будет. Ей что, акушер-гинеколог нужен? Она сама акушер-гинеколог. Ей что, начмед нужен? Нет. Ей нужен сам Семён Ильич Панин. Но её для него – слишком. Всю жизнь было слишком. И всю жизнь прощал. И этого интерна простит, никуда не денется...

– Сегодня у меня было трое родов, – сказала Мальцева после паузы, во время которой все затихли. Подумали, что она ждёт тишины. – И у меня сегодня родились три девочки.

– На пятом тоже девочки родились. Две, – вставил Анатолий Витальевич.

– Значит, сегодня у нас в родильном доме, в День защитника Отечества – и спасибо тебе, Маргарита Андреевна за потрясающе ёмкий сегодняшней рефрен в каждой твоей рифмованной штучке, – обратилась заведующая к подруге. – Так вот, вышел у нас какой-то женский день в День защитника Отечества. Родилось пятеро девочек. Я желаю этим девочкам – ну хотя бы этим пятерым! – найти не защитника Отечества, а просто – защитника. Индивидуального защитника – по одному на каждую. Вот давайте за это и выпьем.

Все и выпили. Даже Семён Ильич отвлёкся от про-

жигания в Мальцевой дыры. Не самый плохой тост, в общем-то.

В половине двенадцатого Татьяна Георгиевна наклонилась к интерну и шепнула: «А давай-ка свалим отсюда» – и встала. Тот, пожалуй, слишком поспешно вскочил.

– Вы куда! – подорвался было Панин.

– Сидеть! – властно придавил его обратно доцент Матвеев.

Эх, а ведь он всё-таки стоит дорожущего томика Достоевского, этот гад Матвеев! Ох, стоит!

Продолжение следует...

